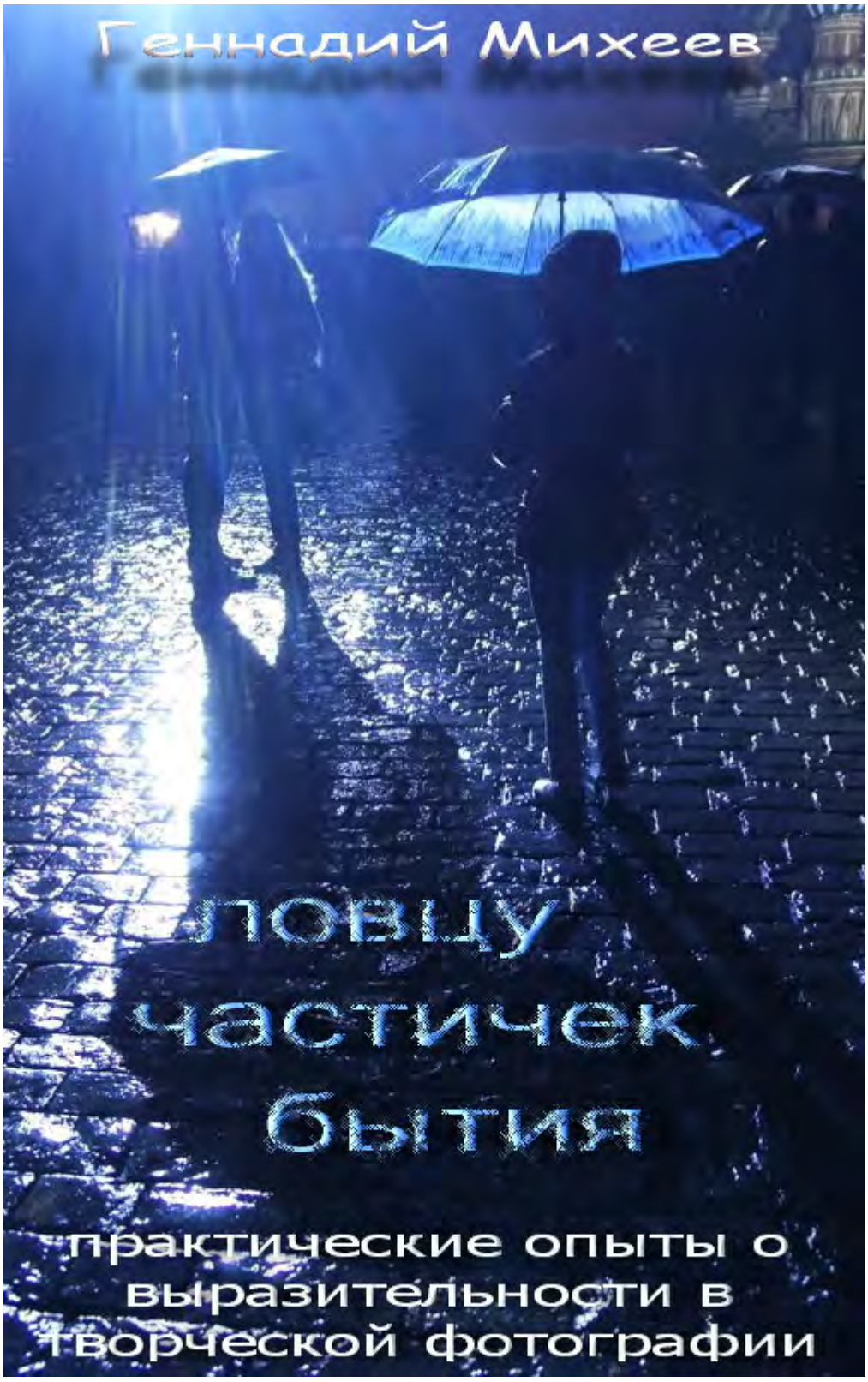

Геннадий Михеев
ловцу частичек бытия
практические опыты о выразительности в творческой фотографии

Геннадий Михеев

ЛОВЦУ ЧАСТИЧЕК БЫТИЯ

(Практические опыты о выразительности в творческой фотографии)

Данная работа является практическим приложением к книге «Окно души», освещающей тему фотографической выразительности с непрактических сторон. В результате получился довольно обширный эксперимент, имеющий целью изучить основные элементы языка творческой фотографии.

Должен прежде всего объяснить, откуда такой заголовок. Это из Пушкина:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит -

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём

Предполагаем жить, и глядь - как раз - умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мне доля -

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальную трудов и чистых нег.

Педант сразу зацепится за слово «дальную». Якобы нельзя так, не по правилам русского языка. А мой труд, хотя он и о фотографии, в частности и о том, что в искусстве (любом) единственное правило – свобода. В том числе и свобода совершать «ашипки». Всегда найдутся деятели, которые зацепятся за пустяк, а сути-то они как раз избегают СВОБОДЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ.

Александр Сергеевич жил в эпоху, когда человечество усилием сразу нескольких гениев при помощи тысяч проб и ошибок создавало технологию фотографии. Вероятно, если бы Пушкин попал в наше время, подержал бы в руках какую-нибудь, пусть самую примитивную цифромыльницу, попробовал поснимать, посмотреть результат, написал бы: «…и каждый миг уносит частичку бытия…» Ну, как поэту не понять, что светопись помогает нам сотворить чудо: ловить такие зыбкие, чарующие мгновения! Хотя, и сейчас практика фотографии допускает многосекундные, многоминутные и даже многочасовые выдержки, все же мы, снимающие люди, в абсолютном числе случаев фиксируем именно мгновения.

Не стоит забывать, что технология фотографии – всего лишь хитрое изобретение. Тем не менее, у каждого из нас есть фотографии, которые завораживают нас, будят в нас сонмы высоких и прочих чувств. Именно в этих чувствах магическая сила фотографии.

Но возникает проблема. Абсолютное большинство из серьезно увлеченных светописью рано или поздно обнаруживают, что то мгновение, которое так восхитило в реальной жизни, подсмотренное и зафиксированное вовремя и, что важно, резко, на фотокарточке выглядит блеклым отражением, невыразительной тенью. Мой скромный опыт преподавания фотографии говорит о том, что выразительность – главная трудность, с которой сталкиваются страстно увлеченные светописью.

Вроде бы и техника у тебя неплохая, и с оптикой все нормально. Да и желания хоть отбавляй. Но твои фотографические произведения серы и скучны. Сплошные набившие оскомину штампы, повторение заезженных приемов… Когда мы анализируем недостатки в фотографиях конкретного автора, вдруг открываешь, что и недостатков-то нет. Зато фотограф имеет пробелы в знании элементарных вещей. Ну, например, совершенно не «чувствует экспозицию», то есть не осознает, какие параметры съемки работают в данный момент. Мы частенько углубляемся в мир творческой фотографии, перескакивая через знания, которые считаем «сами собою разумеющимися». У каждого из нас свои «белые пятна», их «карты» индивидуальны и неповторимы. Поверьте: и у меня имеются пробелы и «тараканы».

Вот только нельзя говорить применительно к творческой фотографии о тлетворности ошибок. Империя Искусства обитает не на «поле правильности», а на «поляне ошибок». Другое дело, случайна ли данная ошибка, либо она намеренна. А многое ведь творится по велению интуиции, которая плевала на рамки и каноны. Художник расширяет сознание, а ремесленник, следуя предначертанным правилам, хранит традиции. В Творце, в авторе должны сосуществовать художник и ремесленник, это расхожая истина. А вот спорная истина в том, что выразительное фотографическое произведение – то, где попираются общепризнанные законы. В частности, законы композиции.

Миллиарды «правильных» фотографий рано или поздно растворятся в безвестности; правда, некоторые из их авторов успевают примерить лавры «гениев». То, что сегодня считается «подлинным шедевром фотографического искусства», завтра рискует оказаться на помойке. Но кое-какие экземпляры все же имеют шанс о-о-о-чень надолго пережить автора. Дело случая? Да, в том числе и его… Однако, факт, что человечество – не сборище идиотов. Культурный процесс – как намывание золота. Сначала сверху видна грязная пена, потом – мутная слизь, следом – невзрачный песок… И только по прошествии времени на дне желоба, конечно, при удаче изредка проблескивают самородки. Или не самородки,

а пириты, сурьма, сера – это тоже надо уметь различить. Не все золото, что блестит… А судия (я уже о творческой фотографии говорю, а не о золотоискательстве) – все равно один: время.

Мои опыты – не о создании «шидевров» светописи. Они об искусстве фотографической выразительности, о методах, при помощи которых снимающий человек может более точно и свежо выразить свои мысли, чувства, чаяния посредством визуальных образов. И у меня будет много ошибок, причем, именно неудачных. Однако замечу: творческий процесс сродни биологической жизни. Мутации в подавляющем большинстве не несут положительного значения. Но ведь некоторые мутации все же ведут к эволюции, к прогрессу, тем самым позволяя биологическому виду выжить. В случае ноосферы – выжить культуре.

Иным может показаться, что автор идет путем от простого к сложному. Все не так. Я стараюсь найти сложное в простом и наоборот. Многие авторы, к примеру, со всею страстью бросаются странствовать по миру в поисках выразительной фактуры. Простите, они ведут себя как "вечные жиды", Агасферы, обреченные вечно скитаться. Тибет, Африка, Южная Америка, коррида, карнавалы, крестные ходы… А нельзя ли предположить, что «небесный град Иерусалим» уже стоит вокруг нас? И Китеж-град никуда не исчезал… А «визуальная Шамбала» давно живет внутри тебя. Ты только подспудно боишься себе в этом признаться.

«И ты будешь вечно идти, и не будет тебе ни покоя, ни смерти...»

Никто тебя не проклинал и не посылал. Ты сам себя обрек на страдания, которые ты именуешь «смыслом» и, вероятно, думаешь, что получил величайшую благодать

Итак, приступаю к возделыванию своего сада. Прошу учесть: двигаться мы будет от простого к наисложнейшему. Но в итоге поймем: там, в финальной части, тоже все просто, хотя и более многообразно. Мне рассказывали в хореографической школе: родители приводят своих малышек – и хотят, чтобы они сразу танцевали «умирающих лебедей». А девочек в первый год только растягивают, во второй – учат «па», в третий – отрабатывают пластику. По-настоящему танцевать дети начинают на четвертый год. Но далеко не «умирающих лебедей», а вторые планы. Впрочем, бывают и особо одаренные дети, которые могут начать танцевать на второй год, но их крайне мало. Им треднее всех, ибо они впадают во власть иллюзии о том, что они знают и умеют все. В любом деле есть рутина, изнуряющий, монотонный труд. Даже именитая балерина ЕЖЕДНЕВНО осуществляет бесконечные «репете». В творческой фотографии рутины так же немало. На мой взгляд, Мастер – человек, для которого даже рутинная деятельность в радость – ибо он знает, какая его ожидает цель. К сожалению, я начну с рутинных вещей. Кто не в силах перетерпеть – лучше не читайте!

Приключения одного стакана

Когда я был совсем молодым журналистом, слышал от старых, «фотиков» (так в незапамятные времена, еще при Совке, называли фотокорреспондентов в газете), что якобы существует некий «гамбургский счет» фотографов, который именуется очень даже прозаично: «конкурс стакана».

Обычно о «конкурсе стакана» вспоминали за пьянкой. А выпивали в стародавние времена посерьезнее, чем теперь. Суть конкурса примитивна: кто снимет стакан лучше всех. Или необычней всех. Ну, о-о-очень часто я слышал про этот конкурс. Но ни разу не видел. Старики только и ворчали: «Вот в наше-то время, когда «старперы» устраивали конкурс стакана и я побеждал…» Честное слово, ни одной фотокарточки со стаканом не встречал. Хотя фотокарточками, как принято теперь говорить, «винтажными отпечатками», завалена была вся редакция. Видимо, речь шла о некоей метафизический идее, а вовсе не о действе, суть которой заключалась вот, в чем: красивое может снять каждый кретин, а ты попробуй из дерьма сотворить нечто прекрасное, а то и нетленку.

И это действительно так: мастерство – как в фотожурналистике, так и вообще в творческой фотографии – проявляется там, где в сущности и нечего снимать. Фотограф, который вернулся с задания ни с чем и говорит: «А, там нечего было снимать…», расписывается в своем непрофессионализме. Профессионал обязан сделать выразительный снимок в любой ситуации. Помню выражение: «Нечего снимать – цепляй фиш-ай». Хотя бы тренсформацией реальности при помощи рыбьего глаза можно было хоть как-то разнообразить серую действительность. Помню, в отделе иллюстраций одной из газет на двери висела увеличенная карикатура, на которой редактор посылал «фотика» на задание со словами: «Поди туда – не знаю куда, сними то – не знаю что. Но чтобы было красиво!» И ведь приносили же. Не только красивые, но и выразительные карточки. Даже после обильного возлияния.

«Красиво» – это значит, «выразительно»? Не совсем. «Красивые карточки» - идеал тех, кто хочет на один день прославиться на каких-нибудь «фотках.ру». Закаты-цветочки-птички-киски-малышки как раз и есть основное содержание «красивых карточек». Эту светлую часть нашей видимой реальности можно снять и невыразительно. Как молодцу все к лицу, так и красивая вещь с любого ракурса и при любом освещении будет выглядеть вполне перфектно. Будет ли? Те, кто углубился в творческой фотографии ниже уровня ватерлинии (или поднялся выше уровня плинтуса – точку отсчета определите уж сами…) и старается расширить границы своего личного мастерства, прекрасно знает, что фотография способна из красивого сделать уродливое и наоборот. Все зависит от автора, от того, что он хочет сказать. Ну, и от того, конечно, умеет ли он метко выразиться посредством фотографического языка. Хорошо фотолюбителям: они могут выбирать только красивые вещи и явления, полностью игнорируя серость нашей жизни. Правда, некоторые впадают в т.н. «бомжефото», но это пусть останется их личными «тараканами». Профи обязан выдавать «на гора» то, что требует заказчик, даже если фактура нулевая.

Ах, не всегда получается выразительно передать красоту, которая тебя восхитила в реальности? Ну, это от недостатка мастерства. И всегда есть в запасе оправдание: «А я заведомо хотел отразить скукоту этой туфты!» Да и вообще, положа руку на сердце: для чего нам вообще показывать красоту видимого мира, ежели он далеко не всегда красив? Часто мир ужасен, даже отвратителен. Надо же показывать все грани реальности, долой ханжество!

Здесь кроется ловушка. На определенном этапе всякий снимающий человек вдруг понимает, что он, используя довольно примитивный набор приемов, можно сотворить с реальностью что угодно. Выбор будет зависеть от твоего бзика, либо от твоего задания (ежели ты снимаешь по заказу). В этом смысле язык фотографии мало чем отличается от языка литературы. Показать оппозиционеров на акции несогласных идиотами и маргиналами? Легко – выбираем нужный ракурс, ждем соответствующего выражения лица или позы. Надо Путина выставить героем и супермачо? Тоже реально. А можно снять Путина и так, что он будет выглядеть зверем и законченным диктатором. Лови нужный момент, фотохудожник! А не произошло ли слово «фотохудожник» от «делающий худые фото»? Не без того. Ну, есть же «художники от слова худо» - почему бы не быть и фотографам от того же начала?

При помощи фотографии мы можем создать виртуальный мир, порой совершенно противоположный реальности. Впрочем… а есть она – эта пресловутая «реальность»? Хотя, каждый художник создает свою реальность, не побоюсь громких слов, мы строим свои Вселенные, исполняя роли малюсеньких Ликуржат. Для чего? Видимо, желаем сообщить нечто окружающим. В том числе и сказать: «Как прекрасен этот мир, пасс-сматри-и!» Пел эту песню, кстати, Стас Намин, тоже впоследствии ставший фотохудожником. А можно спеть и про то как ужасен, несовершенен этот мир… Только слушателей будет гораздо меньше. Народ все же тошнит от чернухи.

Когда снимающей преодолевает эту виртуальную «ватерлинию», постигая истинную правду фотографической кухни (то есть, поняв, что от его воли зависит результат), наступает настоящий кризис фотографа. Некуда идти дальше. Пропадает смысл. Вот это – истинная беда. Как преодолеть кризис? У меня есть мнение на сей счет. Мне думается, надо принять эту правду. И начать наконец-то говорить (при помощи визуального ряда) то, что ты думаешь на самом деле. Именно поэтому фотографию я считаю прежде всего языком, а уж потом способом фиксации и сохранения оптического изображения и средством самовыражения.

Видимость обманывает, этот факт. Те, кто много путешествует по миру, знает, какие бяки встречаются, ежели сворачиваешь с туристического маршрута. Потому что у мира есть фасад и есть остальные части. Красота – фасад реальности. Так сказать, то, что мы хотели бы видеть. Всегда вспоминаю афоризм Бернарда Шоу: «Красивая картина, повешенная в зале пленяет взор. Но кто на нее посмотрит через неделю?» Как там у Блаженного Августина: «Глаза любят красивые и разнообразные формы, яркие и приятные краски. Да не овладеют они душой моей; да овладеет ею Бог, Который создал их, конечно, "весьма хорошими", но не они, а Он - благо мое. Они тревожат меня целый день, пока я бодрствую, и нет мне от них покоя, какой бывает от звонких голосов, да и от любых звуков в наступившем молчании. И сам царь красок, этот солнечный свет, заливающий все, что мы видим, где бы я ни был днем, всячески подкрадывается ко мне и ласкает меня, хотя я занят другим и не обращаю на него внимания. И он настолько дорог, что если он вдруг исчезнет, то его с тоской ищешь, а если его долго нет, то душа омрачается».

Главная черта красоты – прелесть. Которая отвлекает от чего-то более важного, возможно, и от Бога. Но мы все же готовы очень многим пожертвовать ради этой страшной силы. Слабы мы, люди… и не только «на передок».

Но довольно пустых философствований и скользких намеков. Как пишут в правильных книжках, прошли после тех редакционных попоек годы и годы. «Конкурс стакана» вживую я так и не увидел. И что – так будет до скончания моего земного века? Не-е-ет, надо здесь подвести хотя бы какую-то черту. Устрою-ка «фотосессию со стаканом» лично для себя. К слову сказать, в те времена слова такого заграничного «фотосессия» не знали. Была просто «съемка», и это относилась к любому виду фотографических опытов. Вообще, слово «снимать» имеет в том числе и сакральное значение. Мы при помощи фотографической технологии как бы снимаем поволоку с тайны Времени. Моя «фотосессия со стаканом» будет всего лишь опытом. Посмотрим, как можно выразительно снять не слишком выразительный предмет.

Итак, знакомьтесь: стакан. Просто стакан.

1

Он пылится в стенке по соседству с хрустальными фужерами. Ближе всего он стоит потому что его удобно (и не жалко) использовать, и, если надо что-то быстро выпить (ну, или попить, запить, залить…), именно стакан берется в первую очередь. Этот стакан, на мой взгляд, гениален – потому что предельно прост. Может быть, в этом главный посыл пресловутого «Черного квадрата» Малевича. Да: этот стакан сродни «Черному квадрату». С той только разницей, что «квадрат» - концептуальное измышление, а стакан – утилитарный предмет. Правда, стакан стоит один евро, а «Черный квадрат» все же несколько дороже. Давайте приглядимся к стакану. Цилиндрообразный, чуть голубоватый, с гладкими стенками. Честно – глазу зацепиться не за что. Невыразителен он, этот «просто стакан». В том-то и интерес: как его снять?

Строго говоря, каждый предмет имеет сумму определенных свойств. Основных видимых свойств у предмета всего три: форма, цвет и фактура. Есть и другие свойства, физические (вес, плотность, температура ets.) но для фотографии они не важны, ведь мы их в абсолютном большинстве случаев напрямую не видим. Итак, фотографическое изображение предмета передает – лучше или хуже – информацию о форме, цвете или фактуре. Мы вольны от одного из свойств отказаться. Я говорю о цветовой информации. В графическом редакторе достаточно нажать одну кнопку – и цвета исчезают:

2

Давайте уж честно признаемся: и без того маловыразительный предмет стал совсем уж никаким. Легкая, небесная голубизна стекла была положительной чертой стакана. Ну, еще хороша глянцевая поверхность, красиво отражающая свет. Давайте-ка все же вернемся к цветному изображению. Хотя, на будущее скажу: ВСЕГДА полезно посмотреть, как будет

выглядеть фотоснимок в бесцветном варианте. По счастью, современные технологии это позволяют.

Я не случайно почти сразу заговорил о переводе в ч/б. На мой взгляд, цветная фотография намного сложнее черно-белой, и перевод изображения в ч/б (либо съемка на черно белую пленку или в режиме b/w) – упрощение задачи. Очень часто пластические свойства изображения настолько существенны, что отказ от цвета даже улучшает восприятие. Часто этот феномен используют шарлатаны, доказывающие, что только черно-белый снимок может считаться «шидевром». Мне очень нравится одна юмористическая статья, гуляющая в Сети, в которой на примере скверного снимка, сначала переведенного в ч/б, а потом заведомо искаженного цифровым фильтром «софт-фокус», превращается «типа в шидевр». Проведите маленький мысленный эксперимент: не хотелось бы вам хотя бы раз любимый снимок известного мастера, который когда-то был снят на черно-белую пленку, увидеть в цвете? Не хотелось? А если призадуматься?

Просто, цветная фотография труднее черно-белой, ибо в реальности в кадр то и дело норовят влезть «несюжетноважные» объекты, раскрашенные в кричащие цвета. В любом графическом редакторе есть простенький инструмент: можно приглушить цвета, чтобы они не «кричали». Да и в настройках цифровой камеры не грех поменять цветовую насыщенность – кто мешает?

Ну, да мы сейчас ведем практически студийную съемку, а потому попадание случайных цветовых доминант в кадр можем заведомо исключить. Итак, у нашего стакана слишком примитивная форма, очень плохенькая фактура (здесь я имею в виду фактуру – как свойство поверхности предмета). Хотя, гладкая поверхность стакана вполне интересна для экспериментов. Только поменьше надо его ляпать – могут остаться отпечатки пальцев! Ну, а главное - он небесного цвета.

Вынужден в относительно простую схему «форма-цвет-фактура» ввести еще две составляющие: фон и среда. Пестрый фон слишком «забивает» наш предмет. Что делать? Давайте, попробуем стакан высветить, простым фонариком, снизу:

3

И сбоку:

4

И все же фон, который и является одновременно средой нашего стакана, отвлекает (хотя отчасти подчеркивает гениальную простоту снимаемого предмета). Давайте-ка среду поменяем:

5

Тоже не то. Так можно стакан снимать в самых невероятных средах (хоть в борделе), но суть предмета от этого не поменяется. Стакан – он и в Африке стакан. Но хочу отметить еще один момент. Стакан – прозрачный предмет, сквозь него видны (в данном случае) чашки. И получается, стакан по отношению к чашкам (они ведь тоже предметы!) является

средой, причем средой искажающей. Нет, слишком сложная компоновка кадра. Фон надо решительно менять.

Но перед этим расширим сознание. Стакан – не только предмет, но и объект. Объектами для фотографии являются и предметы, и люди, и планеты, и закаты, и птички, и вообще все-все видимое. И у каждого объекта также имеются три свойства: форма, цвет и фактура. Даже человеческое лицо для фотографии – объект. У которого может быть не слишком приятная форма, отвратительная фактура (прыщи, последствия оспы…) и «нездоровый» цвет. Чаще всего с недостатками лица (если быть более точным – именно кожи лица) фотограф борется с использованием всяких средств. Распространены и ретушь снимков, и услуги визажистов. Ну, это для гламура, коммерческой съемки – в репортажной фотографии приоритеты несколько иные.

То есть… и нам надо побыть «визажистами» для нашего героя? Получается, ежели фактура стекла плоха – надо ее улучшить? Да, пожалуй, никуда не деться. Но для начала займемся фоном. Для прозрачного объекта всегда интуитивно выбирают темный фон. Пойдем и мы легким путем – разместим стакан на темном фоне. Конечно же, возникает вопрос освещения. Источник света (точечный, лампа накаливания) расположим чуть спереди, сбоку.

6

Та-а-ак, какой-то раздрай у нас в балансе белого. Кажется, автобалланс камеры не справляется с задачей. Очень вредно-пурпурный какой-то фон, блики слишком желтые… Давайте-ка попробуем настроить баланс белого вручную. Дас-с-с, очень непростой оказался источник света, спектр его излучения довольно рваный. Оттого и непросто подогнать баланс. Пожалуй, ближе всего это:

Но все равно не идеал. Кстати: мало кто задумывается о материальности даже цифрового изображения. На матрицу воздействует некоторое количество квантов света. А свет – это не только волны, но и карпускулы. Этот дуализм света в школе проходят, на уроках физики. И ВСЯКОЕ изображение несет в себе следы тех самых квантов, которые однажды отразились от реального объекта и были зарегистрированы матрицей. Так же физики изучают элементарные частицы по тем трекам, которые они оставили на светочувствительных слоях. Никто не видел ни фотонов, ни электронов, ни каких-нибудь мезонов. Но ученые о них уже много знают.

Я к чему это. Вы видели этот стакан вживую? А вообще – существует ли он? Вы ведь сейчас наблюдаете изображение этого нехитрого предмета на мониторе – и не более того. Кванты света от люминесцентных ламп вашего монитора высветили некое изображение. А вдруг я вас дурю и никакого стакана не существует? А есть компьютерная модель, фикция. Может быть, нет и Гены Михеева? Да, мы живем в очень непростом мире, где параллельно существуют несколько реальностей. Давайте заранее условимся: никакого фотошопа, за исключением вычитания цветовой информации и незначительной коррекции градаций. Мы не будем затемнять углы, затирать ненужные детали, применять цифровые (аналоговые) фильтры. Ну-у-у… почти не будем.

И еще. Ведь я не сказал, какой камерой снимаю, при какой светочувствительности, в каком режиме. А ведь фотография – искусство техническое, в этом виде творческой деятельности без этих нюансов не обойтись.

Вот метаданные:

Фотокамера FUJIFILM FinePix F30

Выдержка – 1/8 секунды, диафрама 1/4,4

Режим – приоритет диафрагмы

Светочувствительность – ISO 200

Простая цифромыльница, старенькая. Ну, не очень простая там стоит революционная для времени выпуска F30 (2005 год) матрица Super-SSD, которая дает сносное качество и на ISO 400. Ей снимаю, потому что она проста как тот же стакан. Хотя – и этого многие владельцы крутых цифрозеркалок не знают – даже простенькая цифромыльница – сложнейший оптико-электронный прибор. В данном случае я использую старенькую Фуджи потому что у нее неплохой макрорежим. Правда, очень-очень трудно наводить на резкость. В цифромыльнице подобного класса используется автофокус по контрасту (по серому вообще фокус не навести), а ручная наводка на резкость не предусмотрена. К тому же в данном аппарате нет стабилизатора изображения, и на выдержке 1/8 очень непросто снимать без смаза… Ведь это не тяжеленный «марк два». Тем интереснее – ведь молодежь легких путей не ищет.

Теперь о снимке. Извините, но получилась, черт подери, колба – колбой. Прости Господи, реторта какая-то. Ну, на «конкурсе стакана» это фото не пройдет даже отборочного тура. Короче, невыразительно, скучно. Не «цепляет». Простейший прием: меняем ракурс.

7

Не то, не то, ужасная фактура. Совершаем решительный поступок – положим стакан на бок и пшикнем из него из пульверизатора водой. В конце концов, данный объект у нас во власти, фактически, мы его боги, и значит, все поступки по отношению к этому мученику фотоискусства нам дозволены:

8

Итак, наш герой приобрел фактуру в виде капелек воды, своеобразной рукотворной росы. Кто знаком с рекламной фотографией, знает множество средств «улучшить» фактуру. Многие из таковых даже продаются в фотомагазинах, например, различные типы «инея». Достигнут простенький эффект свежести:

9

Поставим стакан как ему и положено стоять, и еще раз «пшикнем» водой:

10

Заметьте: треки от водяной пыли – это как дождь. Мы создали особую среду, стихию! Ага, время перевести изображение в ч/б и посмотреть, как будет выглядеть объект с «улучшенной» фактурой без цветовой информации (хотя, на самом деле японцы, к примеру, не считают черно-белое изображение «нецветным» - ведь там есть черный, белый цвета, да еще и оттенки серого):

11

Для усиления выразительности я поднял контраст изображения – это делает фактуру (капли) более читаемыми. Вроде бы лучше, а все равно не то. И знаете… похоже на карандашный рисунок. В этом еще одна тайна черно-белой фотографии: они приближает зрителя к пониманию светописи как некоей разновидности графического искусства, в котором происходит занятная игра между отображенной на плоскости реальностью и знаком, образом полностью выдуманнымы художником. В черно-белом мы отдаляемся от

«чистой» фотографии (если таковая есть вообще) и приближаемся к артистизму. Не надо забывать, что слова «автор» и «актер» имеют общий латинский корень (*auctor* — творец). Однако не хотелось бы отдаляться от светописи как таковой. Хочется «артистизма»? Тогда уж – бери листок бумаги и учись рисовать с «фотографической» точностью. Чтобы потом блеснуть своим мастерством… рисовальщика. Напомню: в среде художников «рисовальщик» - нарицательное слово с пренебрежительным оттенком.

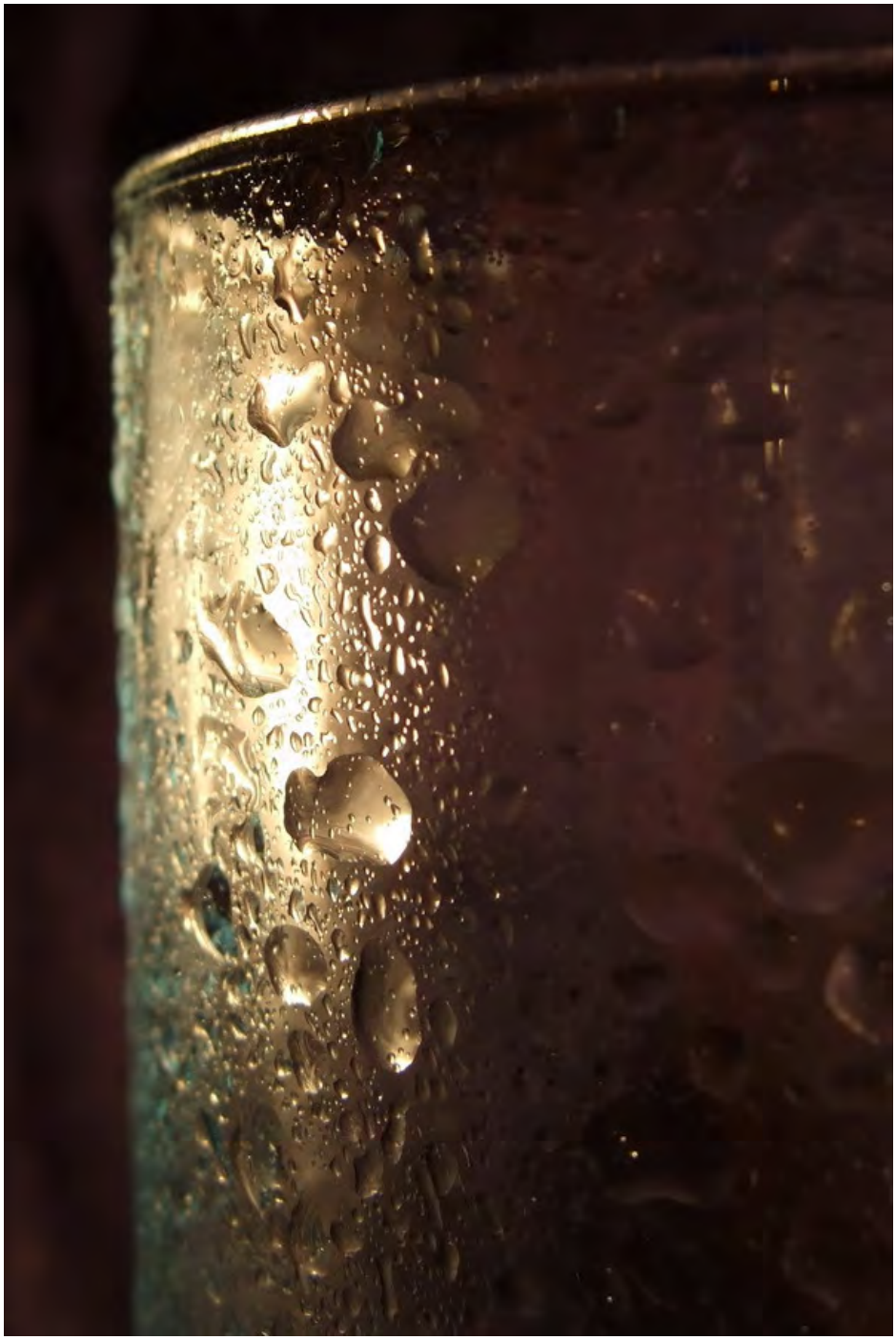
Следующий этап. А почему мы воспринимаем объект в целом и стараемся изобразить его целиком? Давайте-ка выделим фрагмент.

12

И здесь вырисовывается интересная «петрушка»: оказывается, капли при взгляде «вообще» представляют собой фактуру. Но в макрорежиме они сами собой выглядят как ОБЪЕКТЫ. То есть: на самом деле объект может содержать в себе (точнее, на себе) более мелкие объекты. Например: Город-улицы-дома-окна-форточки-капли на стекле… Или: Лес-дерево-ветвь-лист-клетка. Можно направить свой мысленный взор в сторону Вселенной или к микробам, атомам… Я называю это «макрообъектами» и «микрообъектами». Применительно к стакану макрообъект – стакан, микрообъект – капли. Стенка, в которой стоял наш стакан – макрообъект. Так устроен наш мир. Кто знаком с фрактальной геометрией, знает, что каждый микрообъект несет в себе информацию о макрообъекте, частью которого он является. Мир, реальный мир - сложен, его редко можно расчленить на «макро» и «микро». В кадр попадает всякое… как нужное, так и ненужное. Однако, условия студии позволяют все ненужное исключить.

На последнем фото (12) хочу отметить одну приятную для меня лично особенность. Один угол – один блик – зато капли все же не воспринимаются как объекты. То есть внимание зрителя сконцентрировано на определенном участке снимка. Стакан здесь - не стакан вовсе, но абстрактный «сосуд», или, если угодно, «стеклянная масса». Абстрагирование – признак искусства. Мы совершили любопытный шаг: абстрагировались от пошлого в сущности стакана, но пришли к обобщению. Вероятно, отчасти даже к художественному обобщению.

Хорошо ли, что сюжетно важный элемент находится в центре кадра, что нарушает старое композиционное правило трети? Для опыта кадрируем изображение, чтобы блик находился в «трети»:


13

Мое мнение: картинка стала слишком правильной. Правила предписывают делать правильные фотографии. Чтобы зритель сказал: да – все как и положено. Но это как в школе – отработка навыков «правописания». Или оценка ученического сочинения по схеме «тема раскрыта или не раскрыта». Ску-ко-та! Действительно, все, сотворенное по правилам, получается скучным. Сальери сокрушался, что якобы он поверил алгеброй

гармонию (то есть пишет музыку согласно всем канонам), а народ восхищается полуграмотными опусами этого разгильдяя Моцарта. Ну, не совсем, конечно, полуграмотными – скорее, хулиганскими, вызывающими и слишком… легковесными. Смею заметить: Сальери отравил Моцарта только в мифе. На самом деле Вольфганг Амадей умер от болезни – всеми забытый и нищий. А Сальери прожил долгую и счастливую жизнь, до смерти купаясь в лучах славы. Я к чему это: актуальное искусство направлено на коммерческую выгоду, и правила в процессе создания актуальных вещей применимы. Особенно правила маркетинга. Но актуальное искусство смертно – вот, в чем фишка. Смертно и большинство из модернового, авангардистского. В веках живет только узкий круг произведений различных искусств. Справедливости ради скажу: Сальери был выдающимся музыкальным педагогом, воспитавшим Бетховена, Шуберта, Листа. Как из плохого вина порой получается отличный уксус, из не слишком одаренных музыкантов (фотографов) могут получиться гениальные музыкальные (фотографические) педагоги.

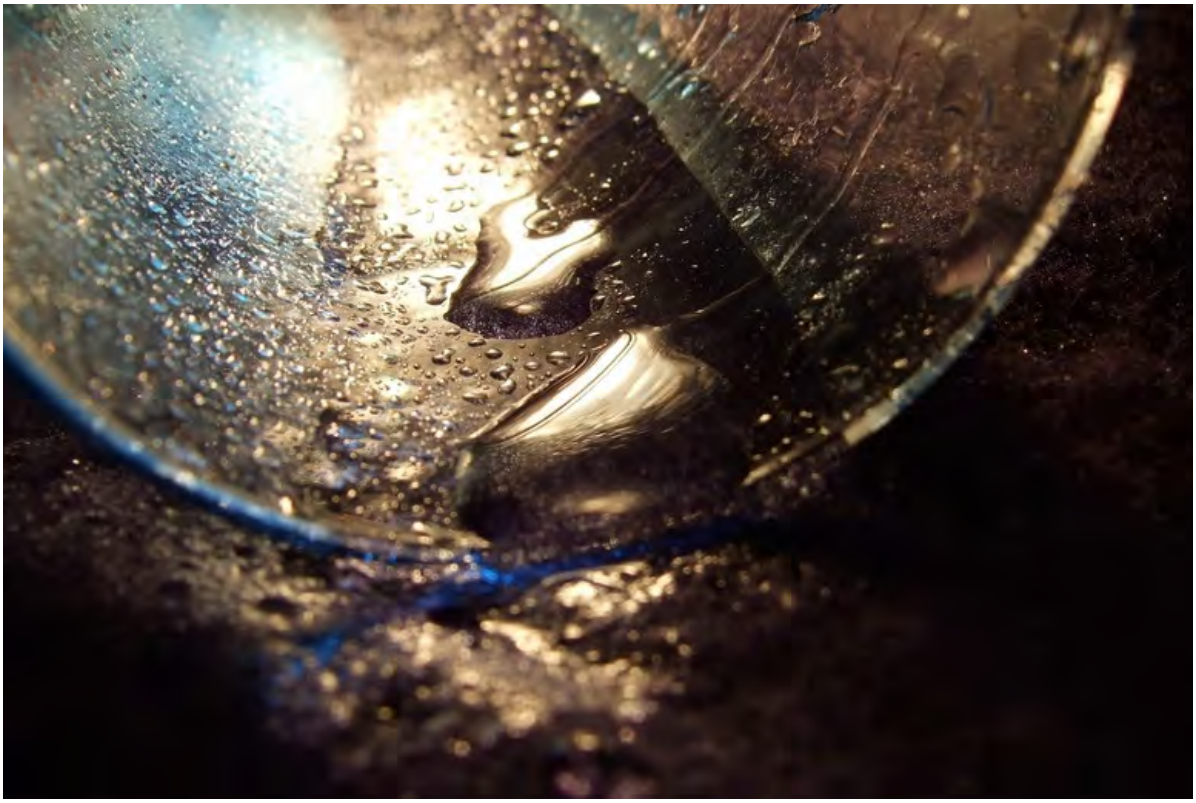
Пушкин был сочинителем, а не историком музыки: Александр Сергеевич всего лишь смоделировал сомнительную сплетню – для того, чтобы испытать идею несовместимости гения и злодейства. И еще: современные музыканты изредка исполняют и произведения Сальери. Потому что в жизни не бывает деления на «черное-белое», и всякий автор имеет шанс создать нечто нетленное. Особенно – в фотографической деятельности. Вы наверняка знаете множество фотографов, которые снимают канонически правильно и удивляются: почему их снимки не ценят? В смысле, коллеги не ценят, а заказчики как раз с радостью покупают. Ну, да: в коммерческой фотографии как раз нужна «классика» либо умеренный «расфокус». Но мы-то хотим создать нечто выдающееся, на все времена! Или не хотим? Я не про стакан – а вообще…

Мне нравится пространство на фото 2, взгляд блуждает по снимку, не может успокоиться. Видимо, все хорошие фотографии должны «цеплять». Конечно, из стакана мы не сделаем «шидевр», зато мы вольны экспериментировать. Нет, черно-белый вариант лишен чувственности, он холоден, брутален. Цвет способен подарить эмоции – а какое же искусство без эмоций? Но и фото 12 меня не удовлетворяет. Любование углом, бликом и капельками – это не для меня. Хочу большего. Правда (если честно) не знаю точно, чего.

Роняем стакан, как на фото 9, и приближаемся к деталям. Да, забыл уточнить: у нас все тот же один источник света, на сей раз мы его уже делаем почти контровым:

14

А, пожалуй, плохо. Я бы сказал, безобразно. Потому что БЕЗ ОБРАЗА. То есть непонятно, что это, да и капли разбросаны слишком уж беспорядочно. Этот вариант неудачен. Что я сделал не так? Попробуем-ка немножко упорядочить влагу:


15

Объяснимо вполне рационально: движение воды мы представляем «сверху вниз» - это ведь как водопад, который чаще всего снимают вертикальным кадром. К тому же мы не видим здесь дно стакана – и понимаем, что все происходит в некоем сосуде. Разводы в крупных каплях рождают фантастический образ, они уже не БЕЗ-ОБРАЗНЫ. А давайте-ка заглянем на дно стакана:

16

Ну, не знаю… слишком абстрактно. Да, приятна перспектива, в которую убегают капли. Относительно крупная матрица цифромыльницы (1/1,6 дюйма) позволила добиться не слишком большой глубины резкости – ведь читается дно, и капли вдали и вблизи не слишком размыты. Если снимать полноразмерной зеркалкой, и даже и при закрытой диафрагме (напомню – у нас макрорежим, расстояние от передней линзы объектива зоны резкости около 3 сантиметров), передний и задний планы будут уж слишком размыты. Напрашивается вывод: не лучше ли макро снимать цифромыльницей с совсем уж малипусенькой матрицей? Может быть… только уж, слишком качество изображения пострадает – шумы изображения будут слишком явны. Надеюсь, я уже смог показать, что простенькой мыльничкой вполне можно снимать «высокохудожественно». Но двинемся дальше. А почему бы нам не попробовать поменять фон – с темного на светлый? Ведь практика – единственный способ постичь истину. Меняю ткань:

17

Сразу замечу: контраст изображения я поднял, потому что прозрачный объект на светлом фоне выглядит очень уж вяло. «Теплый» свет, мятая простыня, приятная голубизна стакана куда-то испарились…

Мне думается, взгляд концентрируется в первую очередь на фактуре ткани. Слишком конкретно, к тому же мы отвлекаемся от нашего объекта. Не забудьте, что наша задача –

выразительно снять стакан, а не что либо иное! Ну, и вообще: в нашем случае светлый фон действительно неудачен. Интуиция, заставившая сразу выбрать темный фон, не подвела. Однако, замечу: не бывает универсальных правил. Каждый конкретный объект требует индивидуального подхода. И для всякого предмета подбирается особый фон. Это как в медицине: есть куча учебников, справочников, монографий, но врач лечит не болезнь, а больного. Пожалуй, удачное у меня сравнение получилось: стакан для нас – как «больной». Мы выясняем, чем он «болеет» и пытаемся излечить. То есть, снять стакан так, чтобы он был… А, собственно, чем мы хотим видеть этот дурацкий стакан?

Об этом мы поговорим позже. Сейчас же хочу напомнить гениальное изречение Ленина: всякое сравнение хромает. Мы не врачи, а именно фотографы. И всякий объект мы стремимся изобразить в соответствии с поставленной задачей. Если надо – обезобразить.

Полнота стаканьей жизни

Мы придумываем одежды для форм, скрашиваем фактуры. Такова наша натура. Ясно, для чего мы все это делаем: если, например, людей изображать только голыми, выйдет жуткая скукота. Исключительно обнаженными художники изображают людей в аду (даже религиозные живописцы на храмовых фресках). Мне почему-то вспоминаются страшные фото из фашистских концлагерей… Одежды, фактуры, глубокие тени не только «прикрывают срам»: они создают иллюзию… тайны. О, сколько возможностей нам предоставляют всякие приукрашения! Да и вообще любое разнообразие расширяет наше сознание. Представьте себе ряд одинаковых стаканов. Ужас! Подобное изображение выглядеть будет БЕЗДУШНО. Вот оно, ключевое слово: ОДУХОТВОРЕНИЕ! Ведь по сути, снимая примитивный стакан, я пытаюсь его хоть как-то оживить…

Получается ли? Не уверен. Но ведь умеет, к примеру, музыкант из простенькой свирели извлекать чарующие звуки. Почему бы фотографу из банального предмета не создать привлекательное изображение? Фотографы, что – хуже? Например, мне вспоминаются замечательные фотографические опыты с предметами (и с человеческими телами) Эдуарда Уэстона. А вот стакан от Йозефа Судека:

Теперь впору задумываться: а для чего, собственно, предназначен стакан? Неужто для любования сим предметом? Ну, и для любования, конечно, тоже. Изредка… возможно, не всякий стакан за свою жизнь удостоится любящего взгляда не за то, что в нем содержится пьянящее зелье, а за простую гениальность облика. Но в основном все же стаканы придуманы для питья. Как человек создан для счастья (надеюсь, вы не думаете, что для страдания…), так емкость придумана для жидкости. Наш стакан уже готов продолжить свои страдания. Стакан попал в ад? На в коей мере! Мы же рядим нашего бедолагу в одежды, стараемся представить стеклянного красавца героем! Потерпи, брат. Что делать – искусство требует жертв…

Что еще сотворить с этим прозрачным объектом небесного цвета? Ну, некоторые романтики могут туда цветочек поставить. А неромантики – окурков натолкать. Ах, да - же мы пока что не вспоминали, что стакан можно снять и с контентом.

Как там обычно говорится в развеселой компании: «И в мире нет прекрасней красоты, чем красота налитого стакана!» Чем налитого? В нашем случае, важен не эффект от жидкости, а ее визуальные свойства.

Еще один вариант старой поговорки: «И в мире нет прекрасней красоты, чем красота граненого стакана!» Слышал я, что граненый стакан придумала великая Вера Мухина. Ну, да – грани очень порой неплохо преломляют свет. Но, к сожалению, граненый стакан перестает быть довольно своеобразной средой, которая, разбивая свет, отраженный от других предметов, дарит нам некую свежесть восприятия объектов, на которые мы глядим… через стакан. В следующей после данной серией опытов мы в том убедимся. Или иллюзию свежести – это уж каждый пусть судит в меру своей продвинутости (или испорченности). Та-а-ак, пузыри, пена… Помою стакан и взболтаю средство для мытья. Поглядим на пену в стакане:

18

Естественно, свет контровой – он помогает «нарисовать» пену контрастно. Помню, те же мастера, что «пели» про «конкурс стакана», со знанием дела произносили: «Настоящая фотография делается только против света». Я долго не мог понять, почему именно так. Потом все же сообразил (в меру своей индивидуальной просветленности): качественная оптика, верная экспозиция, умение ловить блики и подавлять паразитную засветку – составляющие качественной фотографии. Но к мастерству это имеет довольно сомнительное отношение. Зажиточные фотолюбители закупают дорогущие стекла центнерами, у них нет проблем с работой в контровике. Но карточки все одно получаются никакие…

Вообще говоря, мне больше нравится снимать в туман, в ливень, под снегопадом. Эти среды определенно дарят визуальному образу драматичность. Контровик добавляет красивости, а о красоте и ее противоречивых свойствах мы ранее уже говорили. Что еще говорили старперы: «Суетливость – черта великого фотографа». Глупость – суетливость есть признак неуверенного в себе человека. Вот вы лично уважаете суетливых людей?.. Если уж я взялся за стакан (не в том смысле, в котором вы подумали), попробую дальше продолжить издевательство над артефактом, без суеты.

Знаете, что меня убивает в этом, с позволения сказать, сюжете (скорее всего, опыте – сюжет, строго говоря, - это схема рассказа, повествования): статичность кадра. Нет движения жизни, динамики. Кинуть что ль, стакан о стенку? Нет, подождем. Поиздеваемся над нашим героем еще.

Итак, мы сконцентрировались на контенте. Стекло – твердое вещество (если оно не расплавлено). Жидкость движется. Так давайте заставим поработать контент!

Вариант начальный: опускаем в воду трубочку и выдуваем пузырь воздуха. Здесь надо поймать движение, это не слишком просто, особенно когда снимаешь мыльницей. В конце концов, из «серии с пузырями» я выбрал этот вариант:

19

Заглянем в метаданные: диафрагма ¼, выдержка – 1/150. При светочувствительности 200 ISO для такой выдержки необходим яркий свет. Если выдержка будет длиннее, пузыри смажутся. Очень уж они шустро вылетают…

«Замутим» сюжетец еще сложнее: создадим в стакане круговорот, ну, и в дополнение выпустим пузырь. Так сказать, буря в стакане воды, в прямом смысле:

20

Любопытно. Но отвлекает такая мелочь как цвет трубки. Удалим цвета:

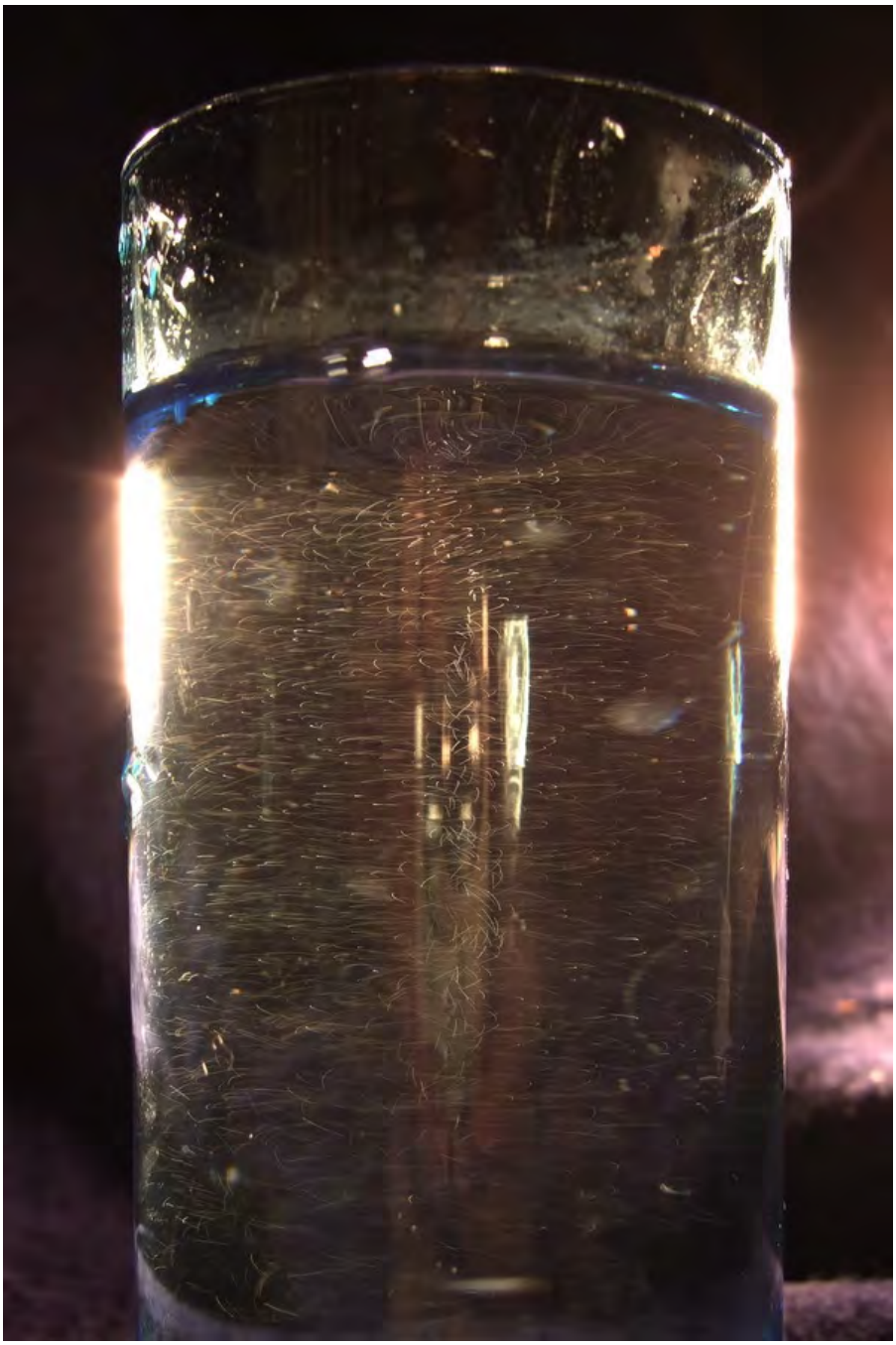
21

А, пожалуй, картинка выигрывает. Только пузырь шибко невнятный. Получился не пузырь, а пятно неясной природы. Выдержка 1/120 секунды оказалась слишком экстремальной. Или… А может быть, НЕ СЛИШКОМ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ? Для чего нам, собственно, вообще четко показывать все эти пузыри и завихрения? Мы ведь хотим выразительно снять стакан, а не явления в неспокойной среде.

Проделаем следующий опыт. Перемешаем воду, вытащим трубочку и нажмем на кнопку затвора.

На изображении 22 получились треки от мельчайших пузыриков. Выдержка 1/38 секунды позволила смазать движение. Легкий вихрь в воде, ненавязчивый антогонизм желтого с голубым. В общем, «карманная стихия». Не хватает какой-то «возвышенности», что ли.

Смысл ракурса можно понять в том числе и примитивно. Сверху вниз на что-то мы смотрим как боги, хозяева. Снизу вверх глядим как дети, ученики, восхищенные почитатели… домашние питомцы. Очень простая визуально-психологическая схема. Вот, смотрите:



22

На мой взгляд, в этом ракурсе стакан исполнен некоторого величия и содержит нечто таинственное. А в ч/б перевести – «флер» будет потерян.

Хочу чуточку отвлечься: «черно-белое» мышление тоже надо в себе воспитывать и развивать. Нужно представлять себе, как тот или иной объект будет выглядеть в бесцветном варианте. Помню, послали одного маститого фотографа снять мавзолей Ленина. Он до этого несколько лет проработал в журнале, но «волею судеб» очутился маэстро в черно-белой газете. Он принес карточки – а на карточке надпись «ЛЕНИН» не читается. Потому что в цвете буквы на мавзолее отличаются от красноватого фона. А в ч/б сливаются с фоном – и все получается серым. Автор с «черно-белым» мышлениям этот нюанс уловил бы слету и нашел бы тот ракурс, в котором надпись отражается иначе, чем фон, и читается в ч/б. Но для этого нужны практика и визуальный опыт.

Добавим драматизма (при помощи вилки) и увеличим выдержку да 1/14 секунды:

23

О-о-о-о, буря и натиск! Убираем цвет:

24

На сей раз, мне кажется, черно-белый вариант (24) интереснее – потому что мы концентрируем наше внимание (или только я концентрирую его?) на происходящем в стакане столпотворении. Да рука здесь, мне кажется, к месту, легкий смаз только подчеркивает движение. Все вторичное нерезко, незыблем только стакан.

Ну, а теперь делаем решительный шаг в сторону. Как там у поэта (Николая Заболотского): «Что есть красота, и почему ее обожествляют люди? Сосуд ли он, в котором пустота, или огонь, пылающий в сосуде?»

О, мы про огонь еще не вспомнили! Давайте-ка воспалим внутри нашего бедолаги пламя:

25

Вы, вероятно, даже не заметили, в чем он, этот «акцент». А нюанс в том, что пламя от свечи метнулось в сторону. И еще один момент: я чуть-чуть добавил заполняющего света, отчего стакан немного лучше «читается». Подыграло и отражение «язычка» в стенках стакана.

Абстрагируем образ стакана, переведя его в разряд «стеклянной преграды:

26

Эта фотография (26) уже о свече, а сам стакан на вторых ролях, он выступает даже в роли эффектного фильтра.

Здесь уже важен пластический (изменчивый) образ, фотография воспринимается как произведение графического искусства.

Что такое «графика»: это вид изобразительного искусства, основой которого является рисунок с использованием контурных линий, штрихов, тонов и пятен в контрасте с белой, цветной или черной поверхностью бумаги.

Фотография именно что помогает нам фиксировать изменчивые объекты и явления. «Мы играем с исчезающими вещами», говаривал Картье-Брессон.

Кстати: а чтобы сделали старпёры от фотографии, если бы они реально участвовали в «конкурсе стакана»? Думаю, с наименьшей бы степенью вероятности они бы пустились в эксперименты со светом и ракурсом. Скорее всего, они начали бы строить нечто «классическое» типа натюрморта. Например, на тему: «фронтовые сто грамм и корочка хлеба»; или: «стакан и огурчик»; или: «стакан и лекарство». Тоже, кстати, варианты. Так сказать, социальной направленности.

А попробую-ка и я изобразить пошлый натюрморт:

27

Тип натюрморта: «водка-селедка-корочкахлеба». Ну, надеюсь, вы поняли, что особо высоких чувств по отношению к данному жанру автор не испытывает. Но, если взялся за сюжетец, надо бы «докрутить». Кстати, этот термин «докручивать» также заимствован мною у старых фоторепортеров. Они, бедолаги много корпели над постановочными сюжетами, ведь время было такое – пропагандистское. Это когда надо не изучать жизнь таковой, какая она есть на самом деле, а придумывать реальность, исполняя роль режиссера, агитатора, глашатая и главаря.

Справедливости ради замечу: и в постановке нужны талант и умение. Лично я эдакими дарами обделен. А были такие корифеи постановки! Да и сейчас, в общем-то таковые встречаются, ведь нынешний гламур немногим отличается от глянца советского времени. Да пожалуй что сейчас усилий к созданию «шидевра» надо вкладывать и поболе, ведь технические требования возросли. Да в добавок еще и надо уметь делать постановочные снимки типа «навскидку». Чтоб, значит сымитировать случайный кадр.

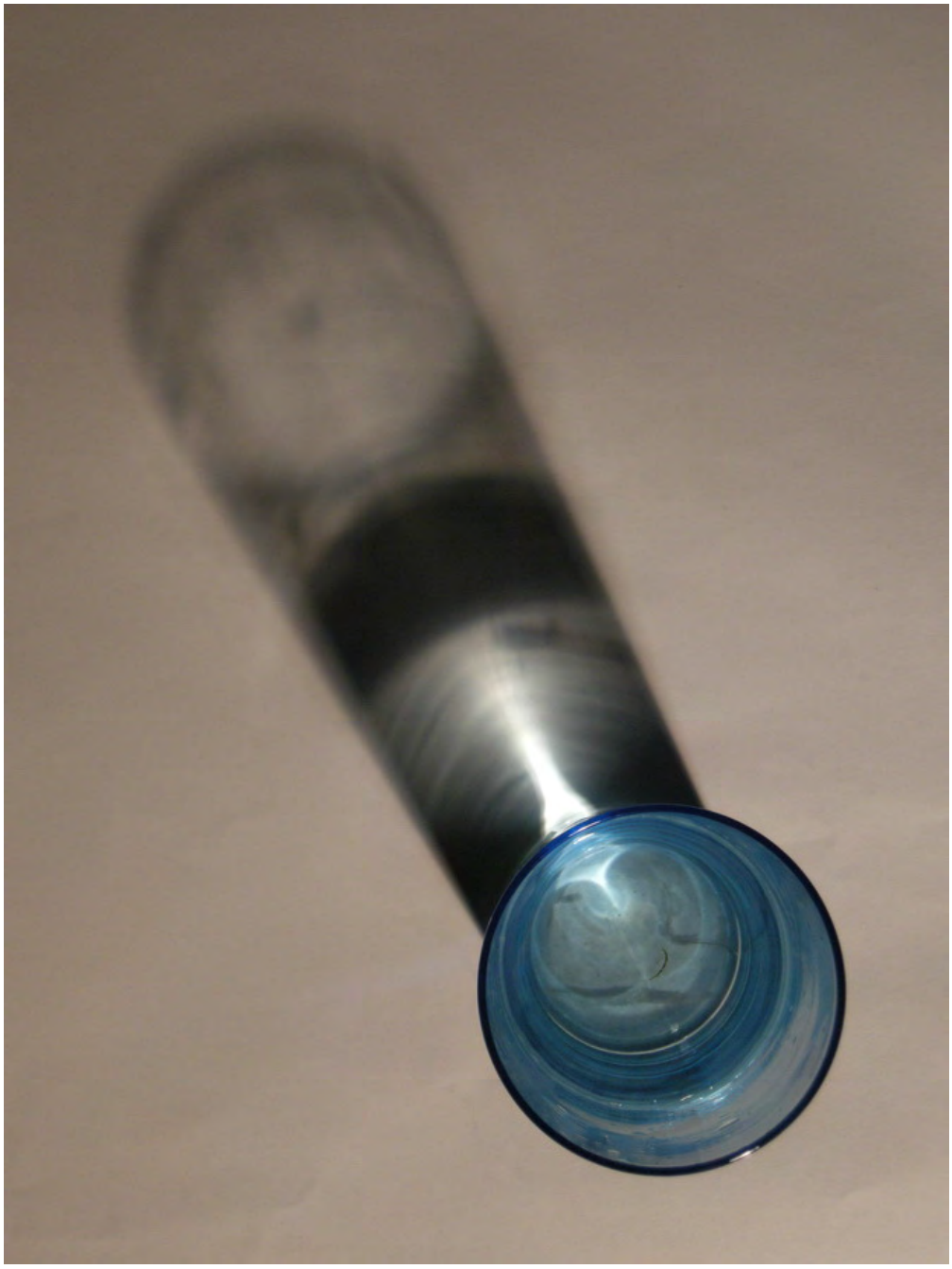
Да просто сюжет пошлый, тупой. Да и откровенно надуманный. Вывод: не надо выдумывать жизнь! Когда выпиваете, празднуете, посмотрите внимательно на стол. Ни черта он не эстетичен! И реальная жизнь редко бывает по настоящему выразительной (в визуальном смысле). Для того-то и существуют художники, чтобы «из жизни бледной и случайной создать трепет без конца» (Брюсов). Искусство призвано возвышать, поднимать нашу дурацкую жизнь до высот образного обобщения.

Здесь я не в силах умолчать и хочу высказать одну мысль. Как и во всякой деятельности, в светописи каждый «охотник до фотографии» рано или поздно упирается в стену (или в потолок?). Ты понимаешь, что начинаешь повторять наработанные приемы, штампы, которые порядком поднадоели. Фотографии твои тебе же самому кажутся пошлыми, неинтересными, бездарными. Это обычный кризис. Выход из него один: меняться самому, забыть себя старого, попытаться пробить стену, которая, возможно, есть куколка для бабочки (а, может, и раковина для улитки…).

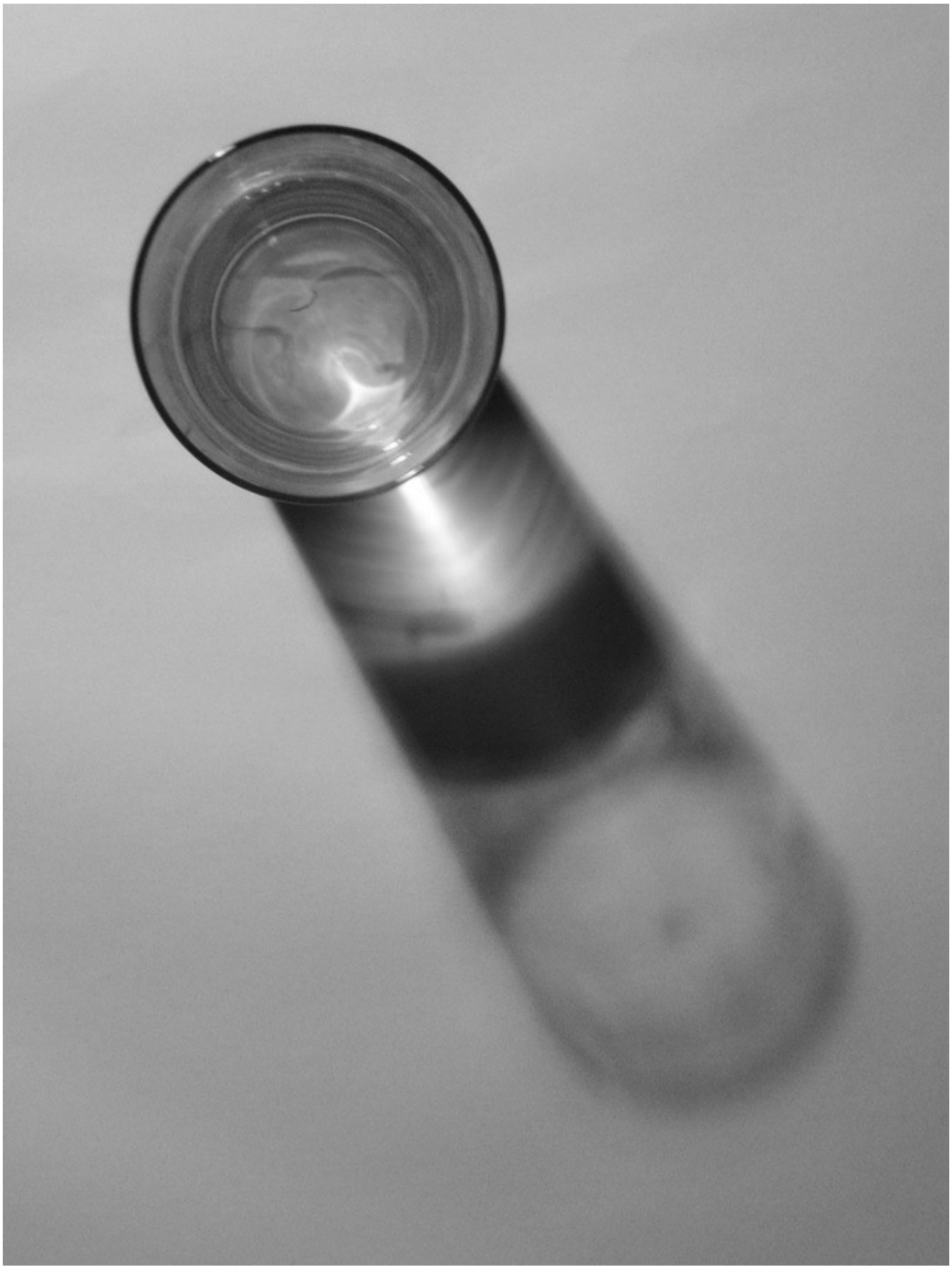
Как это сделать? Никто не знает. Как минимум, не стоит сидеть без дела. Творческая фотография близка к науке, так как в ней есть место эксперименту. И практика – главнейший критерий истины. А потому продолжим опыты.

Забыл я про веками наигранный мотив «объект и его тень». Или «объект и его отражение». Эдакая игра реальности и «жалкой тени» даже в определенном смысле философская. Почему: для фотографического изображения вовсе неважно, реальность отражена в плоскости фотоснимка или ее слепок. Потому что фотокарточка – это и есть слепок с реальности. И всегда-то мы окружены то ли объектами, то ли жалкими тенями… да и сами порой не можем понять: не являемся ли мы всего лишь отражениями чего-то?

Поиграем с тенью. Для тени от стакана нам нужна светлая поверхность и жесткий направленный свет от одного источника. Отбросим тень:


28

Помогает проекция в виде тени. А вода дала живой блик. То есть, мы получили интересную игру света. Посмотрим тот же (почти) вариант в ч/б:


29

Здесь я могу сосредоточиться на графических формах, и очень хорошо, что цвет не отвлекает.

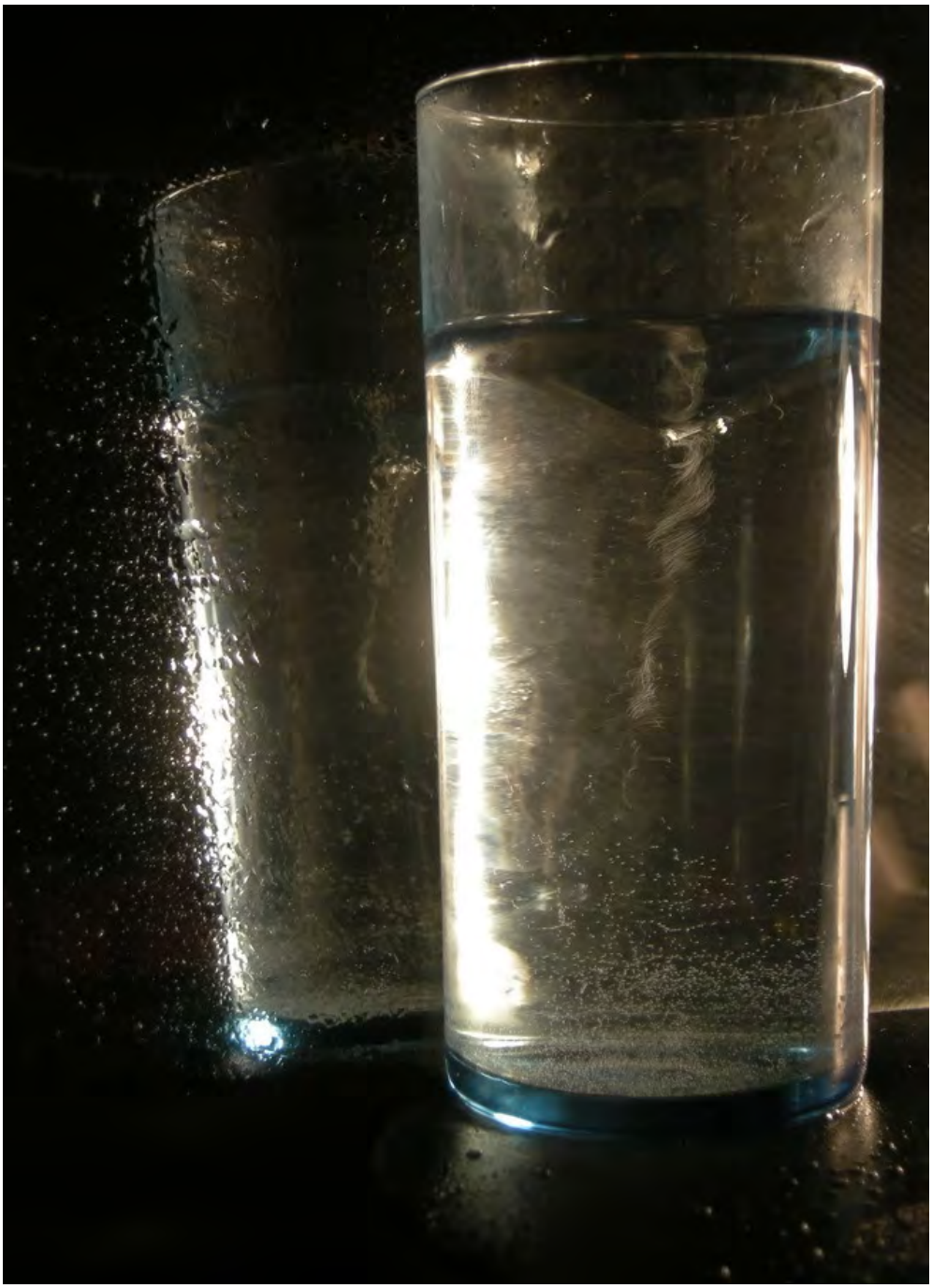
Вы наверняка обратили внимание, что выбор «цвет-ч/б» зависит от конкретного сюжета. Есть важная цветовая информация – это хорошо для цветного снимка. Интересны пластические свойства объекта – можно отказаться от цвета. Но ведь, чаще всего бывает-то как раз так, что и пластика (форма), и цвет, и фактура – все к месту. Как же тогда быть? Ну, здесь все просто: из цветного сделать ч/б можно одним кликом. Оно конечно, если мы

изначально будет снимать в черно-белом режиме, техническое качество будет повыше (из-за особенностей технологии матрицы, если она не Foveon, имитирующая трехслойную фотопленку). Обратный процесс весьма затруднителен. Этот момент, мне кажется существенен. А техника все равно будет совершенствоваться – даже вопреки мнению, что матрицы достигли своего физического предела.

Вот только, как быть с «черно-белым» мышлением… Мозги-то совершенствовать и перенастраивать за нас не будет никто. Вот, в чем загвоздка…

Поэкспериментируем с отражением. Итак: сюжет "стакан и зеркало":

Вполне симпатичная игра света. А, пожалуй, стаканчик-то нас в чем-то даже весьма мил...
Добавим-ка еще волнения в "контенте":


31

Ну, и вариант в ч/б:

32

Тоже ничего так. Штамп? Да не-е-е-ет: набор штампов! И главное: мы именно сняли стакан - и ничто иное. Все остальные "примочки" только играют на образ.

Ну, чем еще можно заполнить нашего бедолагу… Ну, давайте насыпаем стеклянных шариков:

33

Здесь мое внимание захватывают прежде всего капли. В том, что шары темные, что-то есть… недосказанное. Тайна. Разве искусство – не набор методов тайноустройства?

Вот она, ловушка! В жизни всегда так: что-то приятнее для глаза по сравнению с иным. Поставь стакан рядом с каким-нибудь кирпичом (а мы нечто подобное в следующей части проделаем) – он покажется небесным созданием. Положи в стакан красивые блестяшки – сосуд наш покажется жутким уродцем…

Ну, и последний сюжетец для этой части. Классика, со льдом:

34

А теперь – стоп. Что-то у нас идет не так. В «конкурсе стакана» я демонстрирую свое умение необычно снимать, находить свежие подходы, ракурсы. Но… Я ПОКАЗЫВАЮ СВОЕ ИСКУССТВО, А НЕ РАССКАЗЫВАЮ, СОБСТВЕННО ОБ ОБЪЕКТЕ.

В сущности, если задуматься, вся культура человечества есть демонстрация мастерства того или иного Мастера, артиста. Любой объект – в том числе и в творческой фотографии – преломляясь сквозь призму восприятия, мышления автора, явит нам некую новую сущность. То есть, посредством изображения художник (надеюсь, фотограф так же

способен быть в какой-то мере художником) рассказывает нам о том, что творится в его душе. Ну, а если Автор смог убедить зрителя в том, что душа есть в, казалось бы, бездушном предмете…

Выход в естественный свет

До сей поры, если не учитывать рассеянный свет из окна в неудачном «натюрморте с водкой и селедкой» (27) мы использовали искусственное освещение в довольно комфортных условиях. На улице будет сложнее, ибо наши манипуляции с освещением будут стремиться к нулю. Так же нам сложно будет организовать «правильный» фон.

Прежде чем вынести наш стаканище на большую прогулку, давайте-ка в условиях студии ознакомимся с еще одним свойством нашего объекта. Дело в том, что стеклянные предметы часто являются не только объектами или средами, но и преломляющими линзами, порой очень причудливо преображающими реальность. В каком-то смысле, все стекляшки – «эффектные фильтры», придающие оригинальному изображению черты неправильности. Вот модель приблизила стакан к своему лицу:

35

Вообще, на мой взгляд, получился забавный шарж. Хорошо ли это? Ну, в данном случае все зависит от поставленной задачи. Наша задача, съемка стакана, обошлась бы и без этого сюжета. Но, повторюсь, я всего лишь наглядно продемонстрировал преломляющие и трансформирующие свойства прозрачного объекта.

А вот интересно: как вы отнесетесь к человеку который таскается со стаканом по разным общественным и, а то и злачным местам и старательно его фоткает? Практически, маньячит… Само собою, много снимающий человек отнесется нормально, равнодушно. Но много снимающих (простите за каламбур) немного, поэтому основная масса населения на чувака со стаканом будет смотреть как на кретина (это минимум). Но давайте рассудим: фотографы сплошь маньячат – потому как все время снимают что-то непонятное, выбиваясь из серой размеренной массы. Что делать – такое искусство фотография, что в съемочный период фотографу приходится пребывать на миру. На миру только смерть красна – а вот сомнительные манипуляции с какими-то стаканами – это уже нечто не слишком приличное. По мнению обывателей, конечно.

То есть: фотографы – те самые чуваки (и, простите, чувихи), которые постоянно нарушают привычный ход вещей. Если снимающий человек фоткает закат, птичку, киску, листочек – это все понимают. Потому что данные красоты фоткают все, даже дети и полицейские. А вот всякие такие стаканы, а вкупе и другие пошлые предметы по идее обывателя фоткают только маньяки. Типа фетишисты.

Я, конечно, не от балды зацепил данную тему. Дело в том, что проблема многих снимающих – преодоление робости. Вы часто видите на лице у снимающих (на людях) граждан идиотские улыбки. Они не идиоты. Просто, они стесняются, маскируя свою нерешительность улыбочками. Научиться сохранять каменное выражение лица – одна из целей человека, желающего стать фотографическим докой. Но это еще не все. Надо быть тонким психологом и знать, что в определенный момент, если людям, которые попали к тебе в кадр, не нравится, что их снимают, надо улыбнуться – возможно, даже идиотски. Или оскалиться. Или изобразить излишнюю деловитость. Короче: фотограф рано или поздно становится хорошим психологом. Инстинкт самосохранения…

Итак, выходим из искусственного света в естественный. Для начала стакан помещу у корневища дерева:

36

Здесь заметить хочу, что голубизна объекта по контрасту с серым очень даже выигрывает. К тому же грубая фактура коры подчеркивает легкость, прозрачность, даже зыбкость стекла.

Да… я совсем забыл, что существуют варианты компоновки. Поскольку наш объект продолговатый, естественное его положение – вертикаль, я интуитивно компоновал вертикальный кадр. Разве это правильно? А все зависит от того, что вы хотите сказать. Так, мы может тянуть очень коротенькое слово (например: ч-ч-ч-чо-о-о-ор-р-р-рт!), чтобы… а для чего? Да, просто, насладиться самим звучанием! Или, полезно порой делать многозначительные паузы между словами. В визуальных языках (на мой взгляд, язык фотографии – одна из разновидностей визуальных языков) мы оставляем пространство

для того, чтобы подчеркнуть особенности объекта. Просто напомню задачу: снять стакан, чтобы победить в «виртуальном конкурсе стакана». Кто судьи? А вы, кто же еще...

Форма, цвет, фактура: таковы свойства любого объекта. На данном снимке строгая форма стакана контрастирует с разнузданными, вольными, сумбурными формами живой природы. Голубой цвет тоже контрастирует с цветами осени. Ну, и фактура – гладкая стеклянная поверхность – смотрится абсолютными противопоставлением фактурам леса. Стакан – антипод природы? Естественность жизни и искусственность предмета?

А, поменяем-ка ракурс, возвысив (в прямом смысле) наш объект:

37

Здесь стакан уподобляется деревьям, стремящимся ввысь, как бы заимствуя их свойство.

И все же получается лабуда. Даже глазу не за что зацепиться. О, «зацепиться глазу»?.. Чем мы в студийных условиях «глаз цепляли»? Контентом!

Давайте-ка наполним стакан… нет, не жидкостью. А вот, чем:

38

Совершаю решительное действо: помещаю объект в стихию:

39

Вот он, «образ»: в замкнутом сосуде прекрасные создания, им там тесно – но одному удалось выбраться на волю… Сюжет! Разве он о стакане? Конечно: именно о стакане, только емкость выступает в отрицательной роли… ну, не темницы, конечно, но – тюрьмы, что ли. Беспорядочно теснящиеся прекрасные создания – как мятущиеся души. Говорят, настоящих злодеев могут сыграть только великие артисты – героя сыграет и бездарь. Наш стаканище – гений? Да нет – только лишь объект, который мы согласно своей воле организуем в пространстве… Впрочем, может только я один так думаю. Другой скажет: «Да накидал ромашек в стакан – и представляет… драму».

Но здесь я обязан отметить особенность любого визуального образа. Он, образ, не описывается словами, я вообще зря сейчас про «тюрьму» наболтал. Есть теории, что праязык человеческий зиждется именно на визуальных образах, а словесное облачение – лишь капсула для передачи информации между людьми. Вербальный язык значительно обедняет мысль, а то и искажает. «Мысль изреченная есть ложь». На самом деле, фотография способна более точно донести то послание, которое автор желает сообщить зрителю. Именно поэтому язык фотографии как разновидность визуальных языков – прекрасное средство, которое человечество почти два столетия использует для того, чтобы передавать чувства, ощущения. Но не мысль. Эмоции – вот что «конек» для творческой фотографии. А все эти «концептуальные извращения», когда во главу угла ставится идея… в общем, не для фотографии они. Снова вспомню свое фиаско с натюрмортом «водка-стакан-селедка». Какое там место чувствам? По крайней мере, высоким…

Поменяю ракурс, чтобы была еще и перспектива за стаканом, открывалось пространство:

40

А истина вот, в чем: мы строим кадр в зависимости от того, ЧТО хотим сообщить зрителю. Вероятно, у нас есть желание и напрячь людей… Вот так и «докручиваются» сюжеты.

Однако, продолжим. Давайте-ка, погрузим стакан в еще одну среду:

41

Это река, легкий такой прибой. Смазанность движения пузырей (читай – воды) создает иллюзию движения фона, что подчеркивает мнимую незыблемость нашего героя. Но что-то лично мне здесь неприятно… ага: коричневатый цвет воды. Ну, не доставляет мне удовольствие созерцание эдакой бяки! Хотя, по идее, голубой по контрасту с коричневым обязан смотреться более, что ли, «возвышенно». Ладно – переведем в ч/б:

42

Графичность сюжета (напомню, у всех изображений, переведенных в ч/б, в редакторе я поднимаю контраст) не спасает стакан. Потому что он теряется на фоне, пусть и анекдотичного, но все же буйства стихии.

Хочу вернуть вас ненадолго к первой части наших опытов, а именно, к открытию психологической гармонии между голубым стакана и желтым (золотым) искусственного освещения . Это вечный, архетипичный мотив, обыгрываемый, например, в «Данае» Рембрандта. Или в «Данае» Тициано Вичеллио. А вспомните, как много желтого и голубого на полотнах Ван Гога. Впрочем, на мой взгляд, оглядки на живопись в писании про фотографию – признак дурного вкуса. Или нехватки знаний в области истории светописи. Изобразительное искусство, а вкупе и всю визуальную культуру человечества изучать, конечно, стоит. Но НИЧЕГО хорошего не выйдет, ежели мы начнем оценивать фотографические снимки с точки зрения живописи или графики.

Кстати. Поглядите на досуге репродукции полотен Винсента Ван Гога «Ветка цветущего миндаля в стакане» и «Роза в стакане». Или «Черемуху», а так же «Утренний натюрморт» Кузьмы Петрова-Водкина. Надеюсь после просмотра вы поменьше будете потешаться над авторами, так нещадно эксплуатирующими тему стакана. Потому что стакан – вполне, на мой взгляд, интересный для визуального-эстетического изучения объект. Но это так – для общего развития.

Снова посмотрим на нашего бедолагу в контексте живой природы:

43

Здесь я просто хочу напомнить: надо стараться «примерять» и горизонтальную, и вертикальную компоновку сюжета. Я уже объяснял ранее, почему: горизонтальное расположение кадра подчеркивает значимость вертикали (в нашем случае – стакана). Само расположение дна стакана, вне «правила трети», мне почему-то приятно. Еще вариант:

44

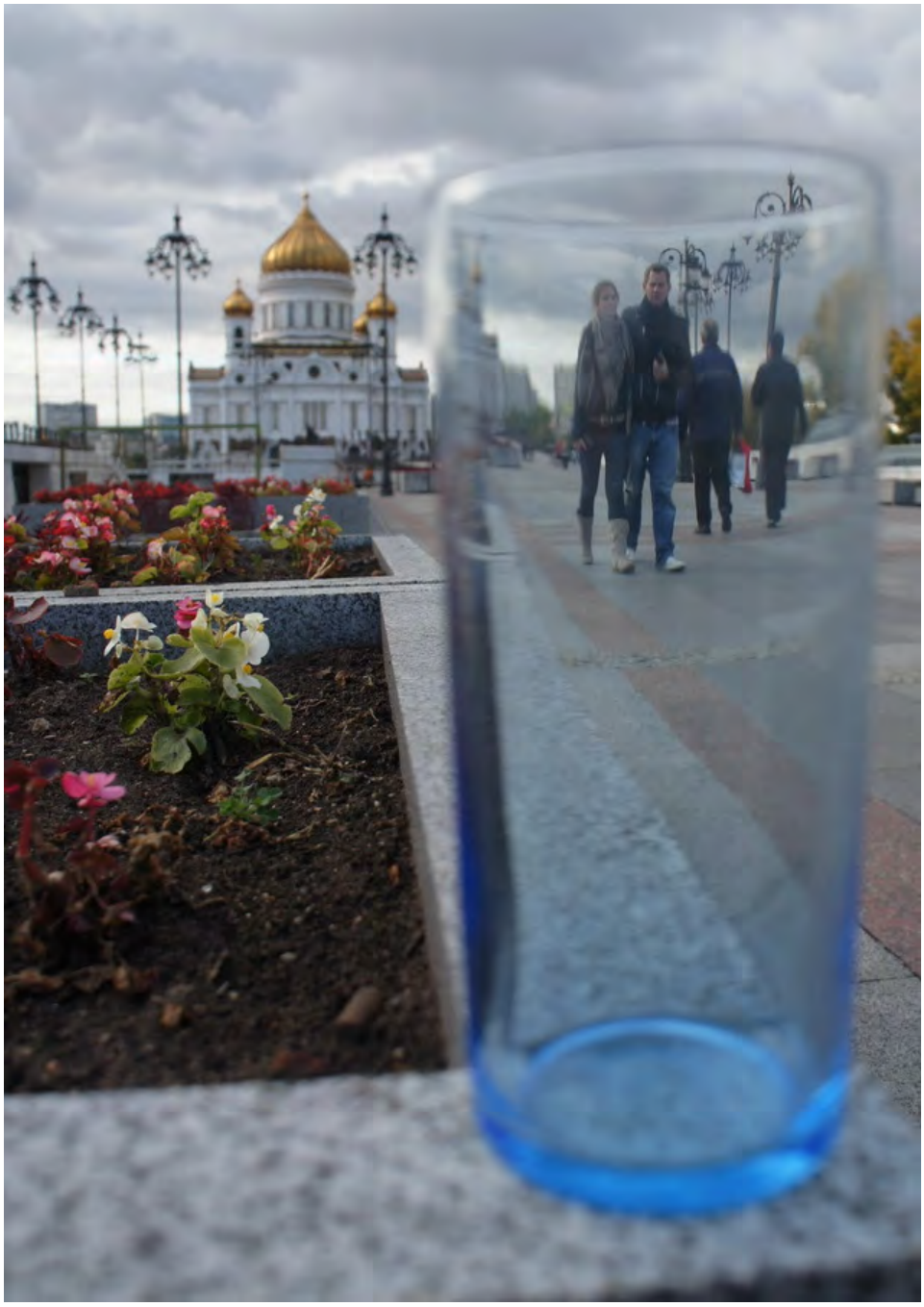
Как видите, стакан вторичен, цветок - первичен. Хорош ли сюжет с точки зрения «художественной фотографии»? А, пожалуй что – нет. Снова – нелепо…

Да, вспомнил: мы еще не смотрели сквозь наш стаканище на солнце:

45

Конечно, не мог воздержаться, от напыления влаги… Игра света в стекле – почти всегда любопытное зрелище. Но ловля этой игры – занятие непростое в техническом плане. В данном сюжете очень высок контраст. Да, стакан действительно стал «стаканищем», вырастающим из земли. Как-то страшновато даже.

Ну, а теперь скоренько так попутешествуем со стаканом по центру Москвы, посмотрим, как наш объект будет выглядеть, так сказать, в контексте города. Вот в нашем стакане появились люди:



46

Полный разброд. Что не так? Ага… ракурс! В этом ракурсе много внимания уделено цветам, да и вообще в кадре немало лишних элементов.

Меняем ракурс, «возвысив» испытуемого:

47

И все же опять штамп… хотя, птичка, казалось бы, «поймана» удачно.

Легкая «чумовая идея»:

48

В сущности, стандартный прием плохих художников: хочешь, чтобы твои работы привлекли внимание - переверни их вверх тормашками. Иногда действует...Бездумно, бессмысленно. Да еще и провод в кадр влез. Всегда мешают эти провода… Да много в городе мешает! Потому, видно, так фотографы и не любят большие города…

А вот наш дружок позирует на Красной площади:

[49]

А устал я изгаляться с этими контекстами. Д а и ты, брателло стаканище, похоже, утомился. Поставлю-ка я тебя, старик, на пуп Всея Руси, в точку нулевого километра:

50

Голубое на золотом… То есть, на бронзовом. Знаешь что, Стаканович… оставайся-ка здесь, отдохни. Может подберет тебя какой-нибудь более адекватный товарищ. И сотворит с тобою нечто более подобающее твоему предназначению. Прощай! И прости… Как там у классика: "Мы отдохнем! Мы все отдохнем..." Не в этой жизни, так в той.

Все грани небытия

Поймал себя на мысли: если уж я произношу какую-то банальность, она должна все же быть проиллюстрирована. А то мы горазды строить наше общение на разъезжих банальностях, а суть-то за ними прячем. Это как маскировка какая-то, сокрытие правды за частоколом общих слов.

Вот, ранее я писал: «И в мире нет прекрасней красоты – чем красота граненого стакана!» Типа пошутил. Но мы ведь не шутить здесь собрались (хотя, отчасти и для этого), а разобраться в проблемах выразительности в творческой фотографии. В общем, надо бы приглядеться и к граненому стакану. Это второй наш герой. Как объект он тоже прозрачен, и в сущности маловыразителен. Грубо говоря, граненый стакан – визуальная пошлость, анекдот. Но как же он будет выглядеть в виде двухмерного фотографического изображения? Посмотрим:

51

Заметьте: грани – они как в алмазе – причудливо преломляют свет, рождая занятный узор. Не случайно гранят рюмки, фужеры, кубки, салатницы и прочие изделия! Да, граненый хрусталь интереснее, причем добавление солей тяжелых металлов в стекло повышает видимую прозрачность материала. Но, ежели интересно подсветить обычный граненый стакан, может получиться весьма симпатичный результат. Материал нашего стакана №2 не имеет цветовых оттенков, как в №1-м. Он нейтрален, а все нейтральное (в природе или в жизни) принимает оттенок фона, среды. Так сказать, мимикрирует.

Да не такие уж эти грани и симпатичные… У всякой красоты есть своя степень приближения (или удаления), когда она теряет всякую привлекательность. И, получается,

для всякой красоты есть своя «выгодная» дистанция созерцания. Ну, или несколько дистанций. Фотографы прекрасно знают, что не стоит снимать моделей слишком крупным планом…

Вновь, как и в случае стакана №1, постараемся сконцентрироваться на капле:

52

Контровой свет почти всегда подчеркивает объем стеклянных предметов. Или прозрачных объектов. Пожалуй, здесь и капли нелишние, так как они добавляют «стихийности».

И, кстати, о стихии:

53

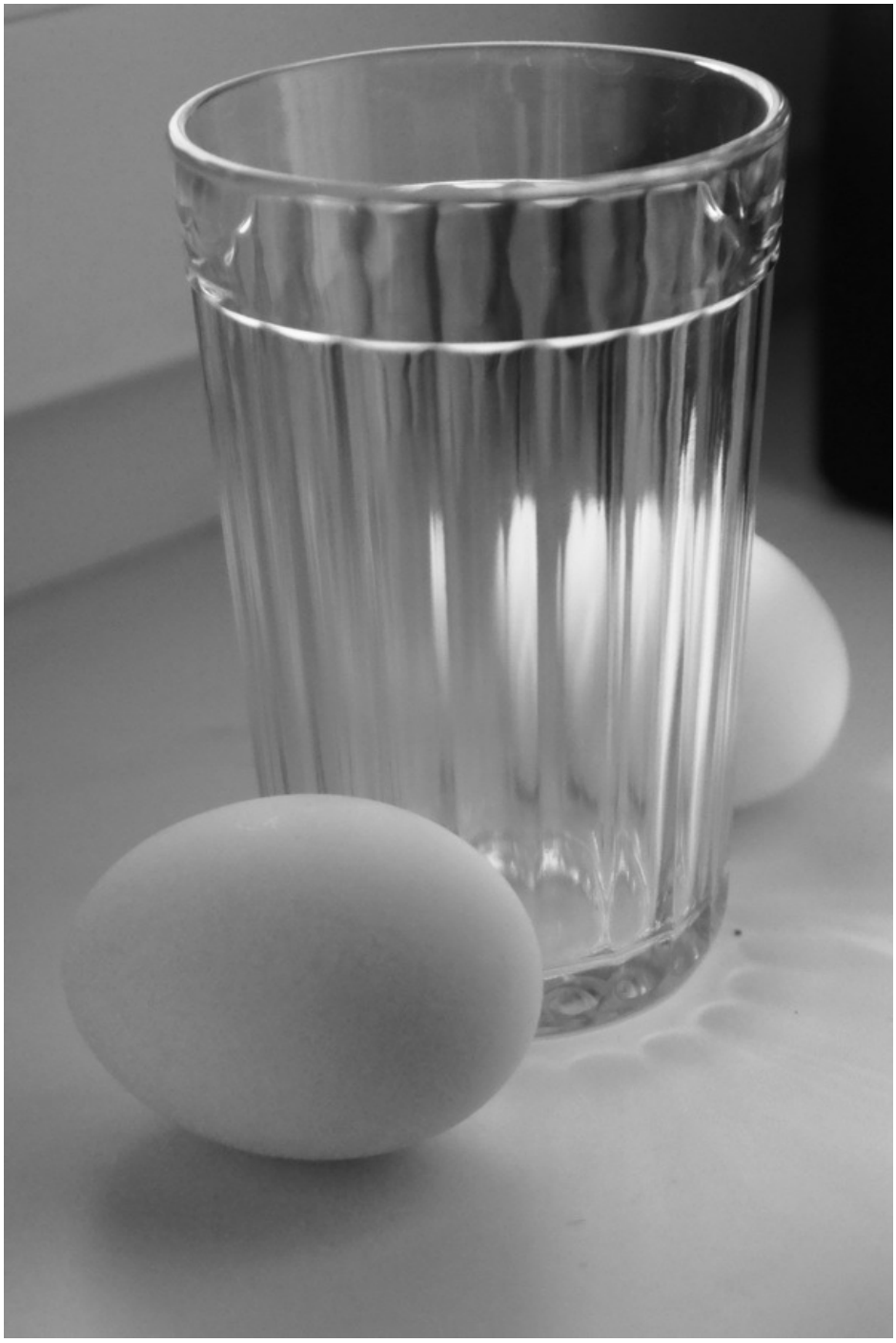
Этот прием создания «вихря» добавляет динамики сцене. Да, внимание концентрируется на движении жидкости. Это как если бы мы снимали горный водопад: завораживают потоки, а на камни как-то внимания не обращаешь вовсе. Так же и с морским прибоем. Да, все внимание - на движение волн. Но без прочего антуража кадр был бы тоскливым.

К слову, этот принцип «движухи», «экшена» лежит в основе медиа-фотографии. Фотожурналисты все мастей ищут динамичные образы – чтобы привлечь внимание аудитории. Это не хорошо и не плохо – просто, крикнуть что-то в толпе – вернейший способ сделать хотя бы на мгновение себя заметным. Этот примитивный прием имеет отношение в том числе и к фотографии. Миллионы, миллиарды изображений пролетают мимо нас. Мы, сами того не замечая, ежедневно просматриваем сотни а то и тысячи фотоизображений. На чем останавливается наше любезное внимание? На том, что «цепляет». И у нас много времени вдуматься в отдельный кадр? Да нет времени вообще! Вот и введемся на приемы, основанные на шок-ценностях. О последних, кстати, мы очень скоро поговорим.

Творческая фотография – часть реальности, а реальность – это медиамир, в котором важен не сам факт, а информация о факте. И объект как таковой нам чаще всего неинтересен, потому что мы знаем: все равно нами манипулируют (с той или иной целью), и мы никогда не узнаем настоящей правды. Многие ли видели вживую гигантские рисунки пустыни Наско? Мы знаем о данном артефакте из журналов и телевизионных передач. Чаще всего нам внушают, что Наско – аэродром пришельцев. И снимают в соответствующем ракурсе… с вертолета. Мы о загадке пустыни Наско судим только по трактовкам того или иного автора. Ну, а поскольку человечество более склонно верить чуду, нежели научному факту, «информационные спекулянты» выдвигающие фантастические гипотезы, оказываются в фаворе у медиа-аудитории.

«Мне интересен не сам факт, а моя точка зрения на факт» - данные слова принадлежат Картье-Брессону.

О, как я завернул. Ладно – спустимся на грешную землю – к стакану №2:

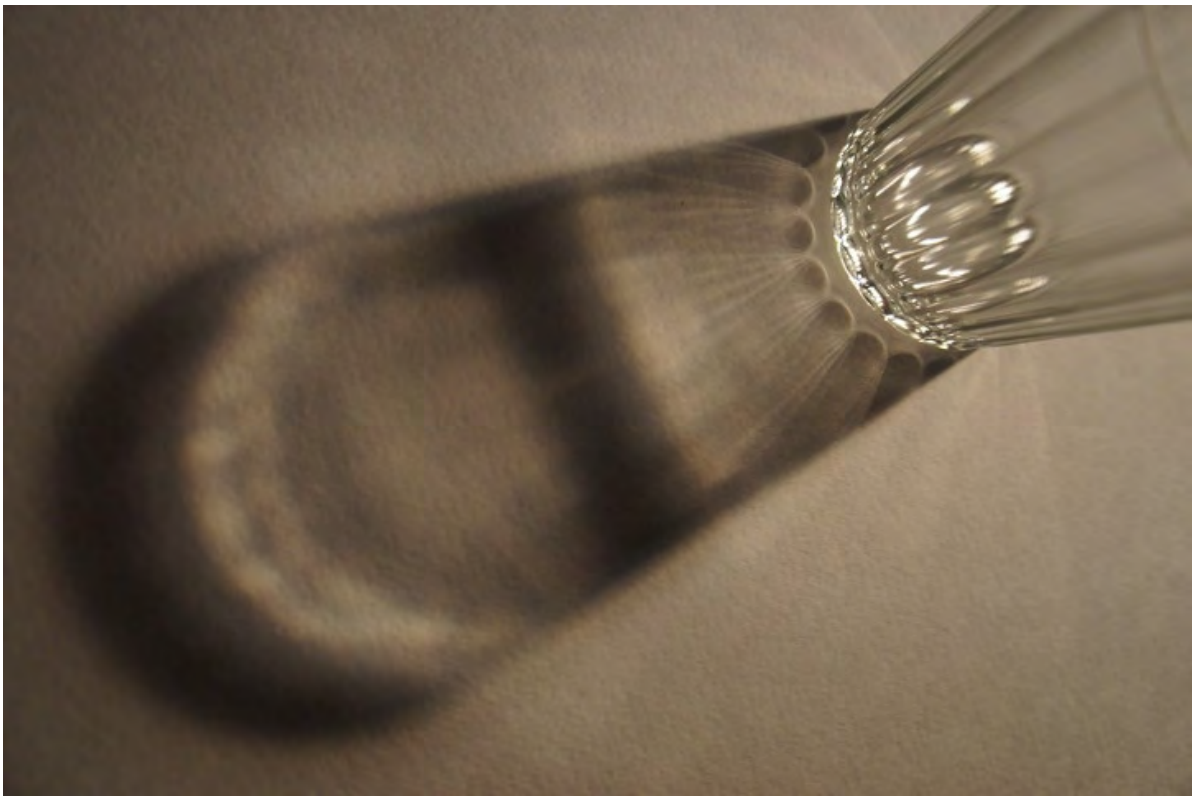


54

Простой стакан, простые яйца… но посмотрите, как интересно преломленное в призме стакана яйцо. Получается, как бы иная реальность, которая все же интереснее обыденности. Ранее я демонстрировал фотографию Судека со стаканом (граненым, между прочим) и яйцами. Созданию иной реальности начиная с XIX века посвящали свою деятельность художники. Специалисты утверждают, что толкнуло мастеров визуальных

искусств к подобным экспериментам изобретение фотографии. К чему с точностью воспроизводить объекты, ежели объектив все равно справится с данной задачей качественней?

Здесь больше графики, формы довлеют над прочими свойствами объектов. И еще: обратите внимание на тень от стакана. Ведь получается эдакий причудливый узор. А давайте-ка построим композицию, в которой сюжетно важной деталью окажется тень:


55

Вот – уже «теплее». Игра света в гранях стакана, переплетение линий в тени… и главное – есть в кадре четкая упорядоченность. Даже в какой-то степени строгий «математический» порядок. То есть, именно этот вариант позволил мне использовать самое интересное свойство граненого стакана: способность необычно преломлять свет.

Здесь я не могу не отметить главный принцип «объектного» подхода в творческой фотографии – ведь именно этот подход, я бы сказал, метод я и проповедую. А именно: у всякого объекта есть определенный набор свойств. Они группируются в особенности формы, цвета и фактуры. Усиливая или ослабляя то или иное свойство при фотографическом воспроизведении, мы расставляем акценты – в зависимости от нашего замысла.

Вот, чем мы занимаемся в предметной съемке: находим красоту и стараемся ее передать зрителю. Если фактура плоха – мы придумываем свою фактуру. Если цвета кричащие или слишком блеклые – мы изменяем цветовую информацию. Поклонники черно-белой фотографии делают тоже самое – они уничтожают информацию о цветах. Понимаю – в старину, когда цветной пленки еще не изобрели… Но теперь-то убийство цвета должно быть мотивировано! Да, черно-белые фотографы творят искусство. В смысле, придумывают искусственный мир. Ну, да: есть на свете дальтоники, преимущественно

мужчины. Но «чистых» дальтоников немного. Большинство из обладателей данного нарушения цветовосприятия все же какие-то цвета видят.

Все грани бытия в фотографии отразить невозможно. Ну, или, по крайней мере, весьма затруднительно. Все, что мы в изображении называем «бытием», на самом деле – заполненная нашими идеями ПУСТОТА. Художник, писатель, композитор все свои фантазии строят прежде всего в своей голове. Да, ткань бытия в создания присутствует несомненно. Особенно, конечно, в творческой фотографии.

А поместим-ка наш объект в водную среду:

56

Как-то «не ахти» Потому что мое лично внимание отвлекает игра света в волнах. Откровенно говоря, граненый стакан среди природы нелеп.

В общем, резюме такое: если есть у того или иного объекта положительные свойства, не стоит их затмевать еще более привлекательными свойствами объектов, которые для нас сюжетно неважны. Красавицы стараются выбирать в подруги страшил – чтобы те подчеркивали их достоинства. Другое дело, что красивой родиться не полезно, но это не наша тема

. Зачастую художник хочет сказать одно, а зритель слышит (видит) другое. Произведение искусства – открытая система, содержащая гораздо больше информации, нежели закладывает в нее автор. Собственно, в этом и состоит главное чудо любого искусства.

Теперь о страшном (нервных прошу эту главу НЕ читать!)

А сейчас я отвлекусь от проблем эстетики творческой фотографии и ненадолго обращусь к этике фотожурналистики. Извините за резкий разворот, но тема очень важна, чтобы ее задеть.

Итак, посмотрите на это фотоизображение:

Все знают, что запечатлен Муамар Каддафи, убитый ливийский диктатор.

Цитирую информационное сообщение:

В Мисурате выстроилась огромная очередь желающих сфотографироваться с телом Каддафи

Тысячи жителей Мисураты выстраиваются в очереди в районе старого рынка Сук ат-Тавасна, чтобы своими глазами увидеть тело бывшего лидера Ливии Муамара Каддафи,

выставленное на обозрение в одном из продуктовых холодильников торговой площади. Вначале это место было выбрано, чтобы скрыть тело Каддафи от посторонних глаз до решения о его захоронении, но информацию не удалось сохранить в тайне, и к торговому центру на площади потянулись толпы людей. Тогда власти были вынуждены выставить тело на всеобщее обозрение. Посетители торгового центра, в том числе и дети, охотно фотографируются рядом с убитым Каддафи. Из-за огромного потока желающих охрана, выставленная возле морозильной камеры, была вынуждена ввести отдельные «часы посещения» для семей и тех, кто приходит в одиночестве.

Итак, фотоссессия с трупом… мир сошел с ума? Еще одно информационное сообщение:

Бывший лидер ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи заслуживал казни, но не таким методом, заявил в сын основателя саудовского королевства принц Таляль бен Абдель Азиз Аль-Сауд. Высказывание принца стало первым комментарием со стороны саудовской королевской семьи касательно гибели ливийского полковника. «Слава всевышнему, что он уничтожил этого диктатора. Сорок лет он правил душами ливийцев. Сейчас ливийским братьям нужно быть сдержанными, не прибегать к крайностям и не сходить с пути демократии - к той цели, к которой они стремились. Да, он заслуживал смерти, и сами ливийцы так говорят, однако, то, как это произошло, с общечеловеческой точки зрения таких методов, конечно, нельзя было допускать», – сказал Таляль бен Абдель Азиз.

Ситуация, на мой взгляд, ужасна. С останками человека поступили кощунственно. У людей наболело? Как сказать… И какой следующий труп выставят для фотосессии? Ким Чен Ина? Лукашенко? Путина? Что-то не пахнет в этом мире уважением к телу усопшего, даже если этот человек был тираном и деспотом…

К чему я это все? А посмотрите на другой вариант страшного сюжета (если Вас еще не стошнило):

О чем эта фотография? Естественно, репортер хотел просто снять труп бывшего лидера Ливийской Джамахирии. А мне думается, эта фотография о человеческой подлости. Приглядитесь к молодому человеку, который сидит прямо над головой Каддафи. Чувак «фоткается» на память! Может быть, пройдет сколько-то лет и уже мало кто будет знать, что за труп изображен на этой «фотке». Но люди будут смотреть на беспринципных мужчин с мобилами, которые бессовестно нависли над мертвым человеком.

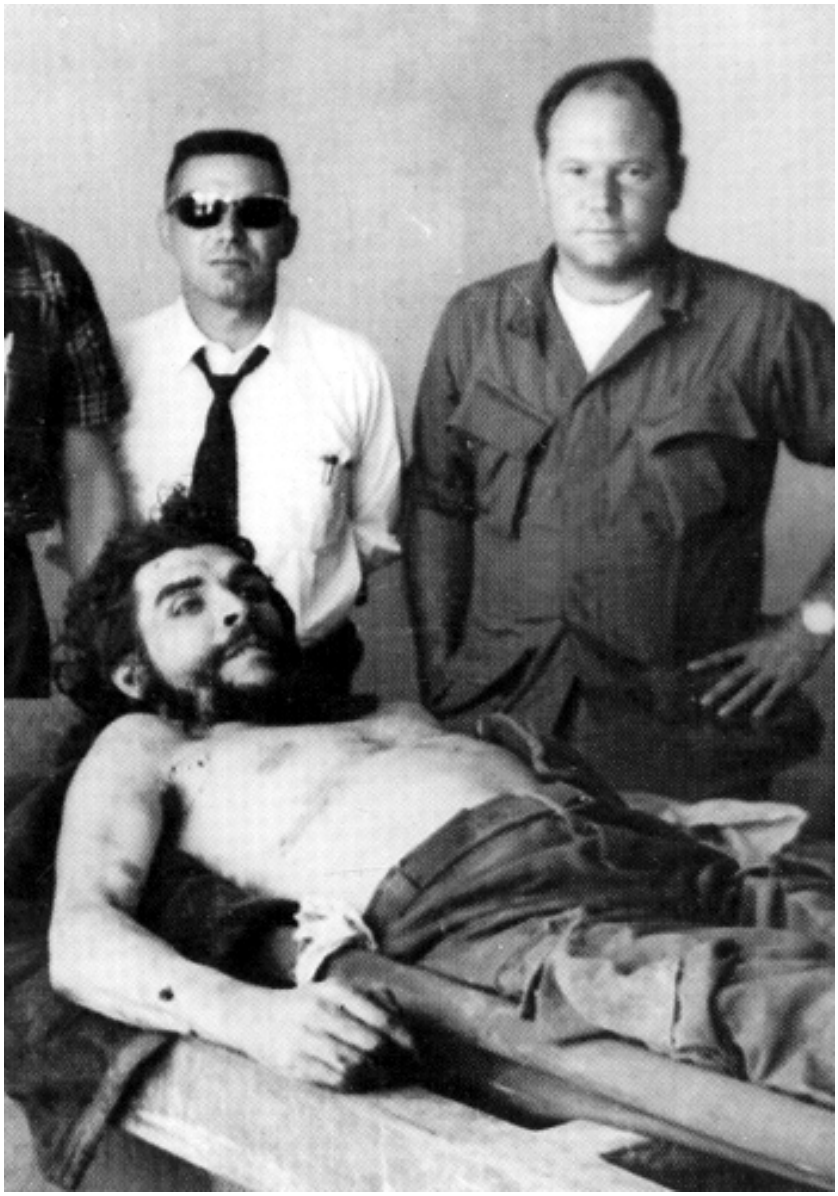
(Здесь должен был стоять снимок с еще живым окровавленным Каддафи. Но, поразмыслив, я решил его не ставить. Все-таки, это уже запредельный цинизм...)

Ливийская война – вообще канонический образец современных медиавойн. Все знают, что победу одержали натовская авиация и натовские же инструкторы. Авиация бомбила, инструкторы обучали и организовывали разрозненные отряды исламистов. Война-то на самом деле была за ливийские углеводороды. Только мы не об этом лишь догадываемся, а о войне в Ливии рассказывали фотографии такого типа:

И победил не тот, за кем правда (правд-то много…), а тот, кто правильно сфоткал и умело донес визуальную информацию до потребителя.

Теперь - внимание. Посмотрите на эту фотографию:

Все знают, что изображен убитый Эрнесто Че Гевара. А вот возле трупа «фоткаются» чуваки:



Напомню, какой резонанс произвела публикация данных сюжетов. Люди сравнили распростертого команданте Че с… Иисусом Христом. Начался процесс мифологизации героя, и теперь Че – всемирный символ борьбы за свободу и независимость, страдалец антиглобализма.

Кто «сфоткался» с трупом Че? Американосы.

Арабы, которые фоткаются с трупом Каддафи, поступают чисто в штатовском тренде. Ничего свежего они не придумали. Вопрос: а не будет ли вскоре Муамар восприниматься как символ борьбы с американским империализмом?

Еще одно страшное изображение:

Это трупы Муссолини, его подруги Клареттой Петачче и других итальянских фашистов. Кто на переднем плане? Американские солдаты, американосы. Вот другой ракурс:

Мы опять видим штатовскую каску. Зрелище отвратительное. Выставление напоказ трупов – пусть и диктаторов – не слишком добрая традиция. Да, в огне брода нет. Должно быть зримое свидетельство уничтожения врага. Должно ли?.. Да и вообще: линчевание - разве цивилизованный метод?

Американосы не такие идиоты, они вполне обучаемы. Мир не увидел (пока что) посмертных фотографий Саддама Хусейна и Усамы бен Ладена. В Ливии натовцы, видимо, не вполне управляют ситуацией, чтобы лишить общество «удовольствия» посмертной фотосессии Каддафи.

А, значит в будущем из ливийского диктатора могут сделать мученика. Точнее, сотворить образ мученика. И для борцов с диктатурами «фотосессия с трупом» может стать роковой.

Ну, и последнее страшное фотоизображение:

Очень жалко смотреть на старуху и старика, которых расстреливают. Говорят, до самых последних секунд один держали друг друга за руки. Многие знают этих людей. Очень была гармоничная пара, а любили они друг друга исключительно:

Но, к сожалению, старик был диктатором.

Чета Чаушеску была расстреляна в 1989 году. По воспоминаниям очевидцев, во время казни экс-правитель и его жена вели себя вызывающе и лишь в последний момент дрогнули: мрачное небритое лицо Николае Чаушеску на какое-то мгновение выдало страх, который он испытывал, стоя перед расстрельной командой. По пути на казнь Елена спросила кого-то из солдат: "За что вы нас? Ведь я была вам матерью". Солдат сухо возразил: "Да что ты за мать, если убивала наших матерей!" Расстрелять чету Чаушеску вызвались сотни добровольцев, но отобраны были только четверо - офицер и трое солдат. Они выстроились в линию и прицелились. Чаушеску успел только крикнуть: "Я не заслуживаю...", и тут прогремели выстрелы…

Председатель военного трибунала, осудившего диктатора и его жену, генерал-майор Джорджица Попа в 1990 году покончил жизнь самоубийством.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что из Каддафи, из Дуче, из Чаушеску при помощи подбора фотографий можно сотворить любой образ. История в фотографиях будет выглядеть именно так, как пожелает автор. Я намеренно не буду задевать образы Гитлера и Сталина, впрочем, вы и сами прекрасно знаете, каких гомункулусов некие силы из данных личностей творят.

Так устроен современный мир: важны не факты, а точки зрения на факты. Именно поэтому учебники истории так любят переписывать…

Итак, вернемся на наш банальный «эстетический» уровень. Знакомьтесь: стакан №3:

57

В принципе, банальный, простой. Без шарма в виде легкой голубизны (без кавычек). Впрочем, у него есть одна особенность: изогнутые формы. Они подспудно порождают сравнение с женской фигурой.

Прямо, душечка… недотрога. Легкий, воздушный, почти неземной.

Мне предстоит сотворить из данного объекта историю в фотографиях.

Сразу предупрежу: мне придется делать постановочные кадры. Если я сяду напротив стакана с фотоаппаратом и буду ждать, что с ним произойдет, мало что высижу. А, пожалуй, что и ничего не высижу. То есть, по сути я буду делать не фоторепортаж, а проведу ряд фотосессий. Историю мне надо выдумать – от начала и до самого конца. Естественно, применю драматургические «закавыки». В меру своего умения…

Потом из «визуальной руды» выделю нечто, по моему разумению, достойное. И «вылеплю» фотоисторию стакана №3. Итак…

Полная гибель. Всерьез

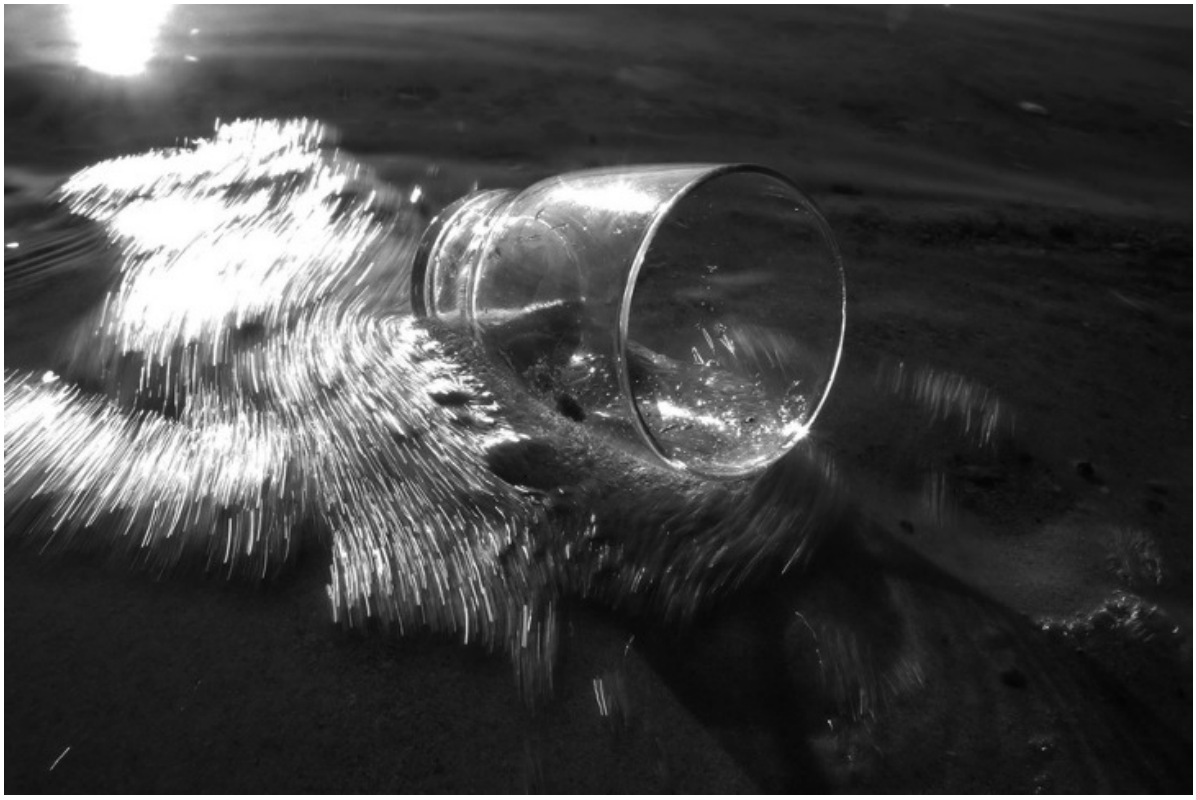
Никто не вправе определить норму, количество фотографических изображений, из которых составится фотоистория. Их может быть сто. Или одно. Действительно: может ли фотоистория быть представлена одной-единственной фотокарточкой! Думаю, без сомнения. Весь вопрос, какие грани бытия вместит одно изображение… Даже не «сколько», а «какие именно». Это касается истории человека, человечества. Ну, и истории какого-нибудь банального предмета. Того же, к примеру, стакана №3.

Я в данном случае ограничил себя числом «12». Почему? Нравится – и все тут. В конце концов, именно Гена Михеев здесь взялся «рулить». Если данный автор Вас раздражает своим самодурством, значит, Вам не следует читать далее.

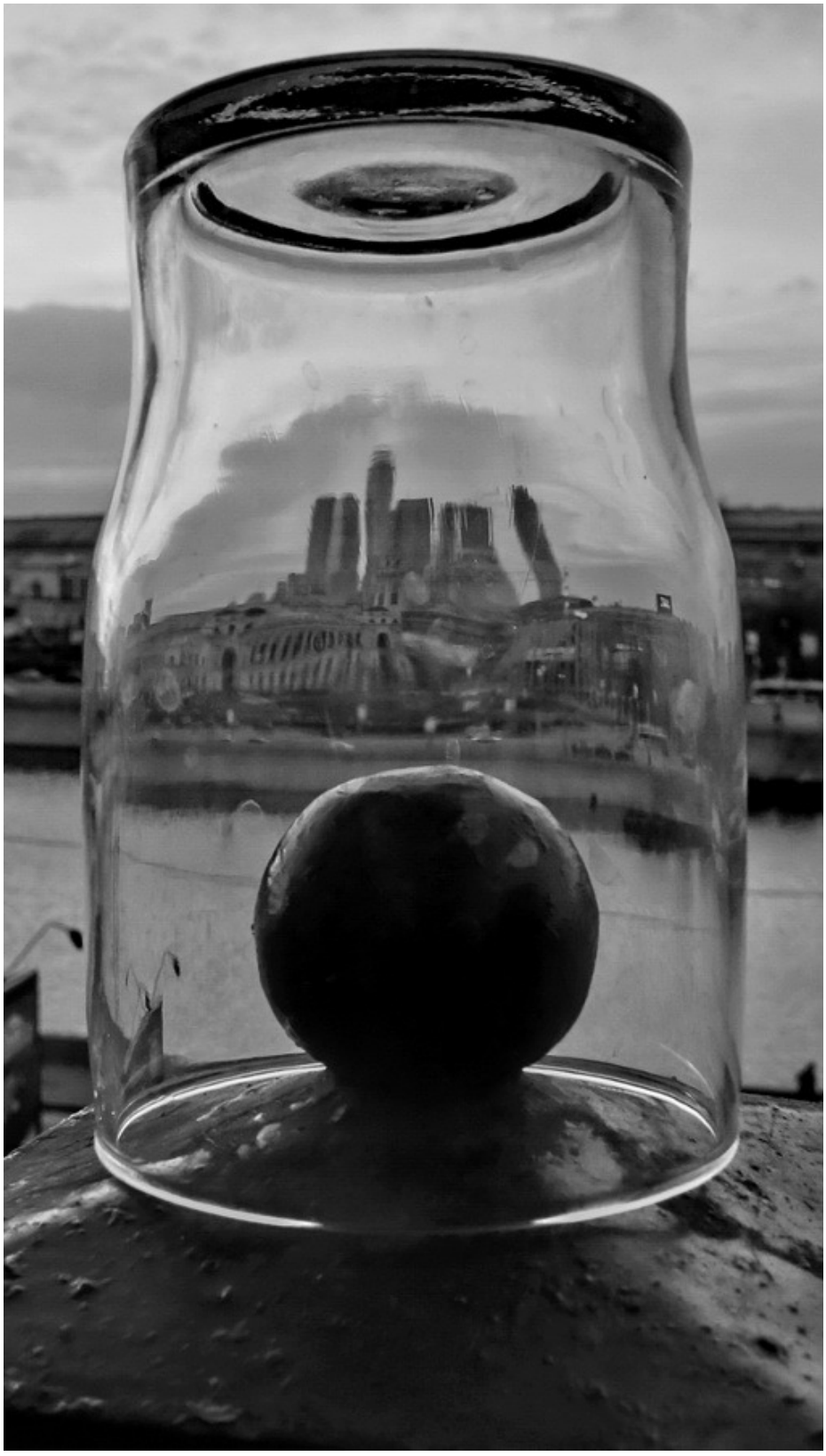
Итак, вот история стакана №3 (в черно-белом и цветном вариантах):

61

63



67



Кто-то скажет: «не вижу здесь никакой истории». Не видьте. Но тггда – сделайте лучше.

Теперь «топ-12» в цвете:

70

71

75

81

С одной стороны, я просто помещаю предмет (объект) в различные ситуации. Но ведь даже литературный рассказ – набор эпизодов! Моя задача все же была приближена к выражению некоей идеи. Я хотел, чтобы Вы… пожалели стакан, прониклись к судьбе стеклянного изделия. Иначе говоря, я попытался вдохнуть в стакан… жизнь.

Заметьте: в черно-белой истории мой стакан не погиб. Пожалел? Ни в коей мере! Снимок разбитого стакана в ч/б варианте был отсеян как более слабый (по моему мнению). Цветной вариант гибели стакана, с отражениями осенних деревьев в спокойной воде, с желтым кленовым листиком, как раз выдержал мой отсев. Но это на мой вкус – чужой вкус наверняка будет иным. Да и вообще ни у кого нет монополии на истину.

Пожалели ли Вы стакан, увидев его разбитым? Не скрою, когда я его на берегу пруда, на камне долбанул объект кирпичом, чувствовал себя убийцею. Мне данный предмет (не кирпич, конечно, а стакан) было жалко. Но я себя успокоил мыслию: «Да надоел уже, вычеркну тебя, дружок из своей жизни!»

Вычеркнуть? Ну, здрасьте! Я же типа попытался данный стакан №3… увековечить. Не более и не менее. Предмет удостоился великой чести: ему суждено было стать героем фотоистории. Миллиарды иных емкостей как и останутся в абсолютной безвестности. А как мне его увековечить, а не просто зафиксировать при помощи фотографических

съемок? По меньшей мере, ОДУХОТВОРИТЬ. Посмотреть на нейтральный внешне объект как на нечто живое, ЖИВУЩЕЕ СВОЕЮ ЖИЗНИЮ.

Красивая смерть ради «арт-хаусного» кадра… Но ведь это искусство. А оно, как известно, требует жертв. И. если сценарием предусмотрена гибель персонажа, он, простите, должен погибнуть, а не сымитировать гибель. Ах, если персонаж – человек, по меньшей мере, глупо его убивать на той же сцене!

ОДНАКО, ПРАВДА ИСКУССТВА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО АРТИСТ, КОТОРОМУ В ПЬЕСЕ СУЖДЕНО УМЕРЕТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМИРАЕТ.

Всякий раз артист, выходя на сцену, например, в роли Гамлета, обязан в финале умереть. «Я один, все тонет в фарисействе… жизнь прожить – не поле перейти!»

Напомню стихи Бориса Пастернака:

О, знал бы я, что так бывает,

Когда пускался на дебют,

Что строчки с кровью - убивают,

Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой

Я б отказался наотрез.

Начало было так далеко,

Так робок первый интерес.

Но старость - это Рим, который

Взамен турусов и колес

Не читки требует с актера,

А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,

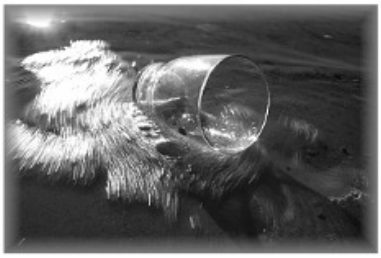
Оно на сцену шлет раба,

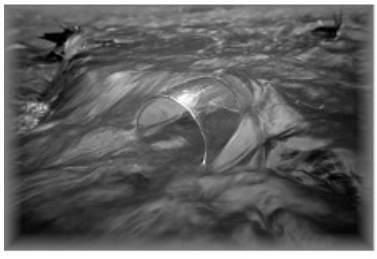
И тут кончается искусство,

И дышат почва и судьба.

На самом деле из массива отснятого материала для цветной и черно-белой историй у меня было отобрано по 45 картинок. Вот они:

БЕЛОЧКА





Режем по живому

Прежде чем окончательно добить потуги со стаканом, обращусь к одной крайне серьезной теме. Она касается самой сущности фотографии вообще и творческой фотографии в частности. Если говорить совсем уж кратко, фотография – великая врунья. Но далеко не всегда.

Скорее, фотография – инструмент для манипуляций с реальностью. Посмотрите эти милые, невинные (с виду) фотографии семидесятилетней давности:

Цитирую источник:

«Мемориальный музей Холокоста в США представил фотоальбом, в котором содержатся фотографии офицеров СС в лагере смерти Освенцим, включая изображения Йозефа Менгеле и Рудольфа Гесса. В альбоме содержатся 116 редких фотографий старших офицеров СС и других чиновников из нацистского концлагеря Освенцим.

Фотографии были сделаны в период с мая по декабрь 1944 года. Многие из них сняты как раз во время «пика» работы газовых камер и крематориев в лагере: нацисты торопились уничтожить оставшихся евреев Европы, так как война уже приближалась к концу.

Немецкий концлагерь в Польше был освобожден советскими войсками 27 января 1945 года. Фотографии содержались в альбоме, который хранил у себя, адъютант коменданта лагеря смерти Карл Геккер. В личном альбоме Геккера есть фотографии,

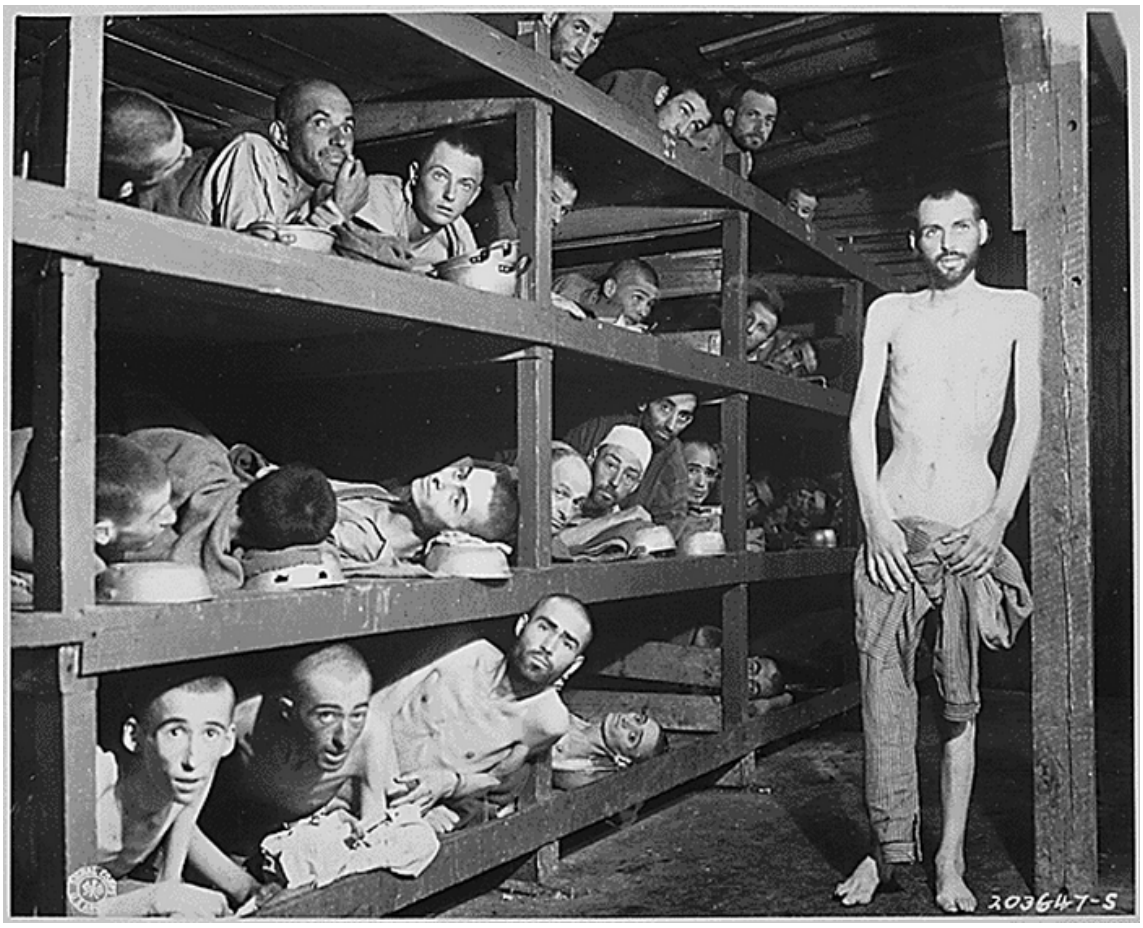
изображающие выступление аккордеониста, которого слушают около 70 солдат СС, включая Йозефа Менгеле – лагерного врача, известного своими противоестественными и жестокими медицинскими экспериментами. Рядом с ним стоят другие известные нацистские преступники — Йозеф Крамер и Рудольф Гесс.

Восемь фотографий с Менгеле — это первые известные истории снимки «доктора смерти» в Освенциме. Среди многочисленных фотографий эсэсовских охранников и нацистов на охоте есть изображения Геккера, зажигающего рождественскую елку, и ассистенток сил СС, которые едят голубику, насмешливо смеются и позируют с пустыми корзинами.

По словам директора фотоколлекции музея Юдит Коэн, альбом «иллюстрирует и придаёт определённые оттенки вещам, которые трудно себе представить, например, то, как офицеры СС могли спокойно вести нормальную жизнь – общаться с товарищами — в один день и совершать массовые убийства в другой, и не видеть в этом никакого противоречия».

А вот иные фотографические материалы из Освенцима, снятые приблизительно в то же время:

© Getty Images



Два Освенцима? Нет – Освенцим один, только жизнь в лагере показана по обе стороны от колючей проволоки. На самом деле, снимки из альбома Геккера – тоже правда. Но, скажем так, они – только одна грань бытия страшной фабрики смерти. Более миллиона погубленных в Освенциме жизней! Господи – и это сделало человечество?..

А ведь, история (я имею в виду всеобщую историю человечества) могла повернуться так, что мы бы и не узнали, что творилось в Освенциме, а вкупе и в других концлагерях, на самом деле. Достаточно было только уничтожить фотодокументы, показывающие реальных заключенных, и оставить только «гламур»…

В этом и заключается истина фотографии. Отбор материала позволяет сотворить из конкретного факта любую картину, свидетельствующую о чем угодно. Вот какая коварная штука – фотография…

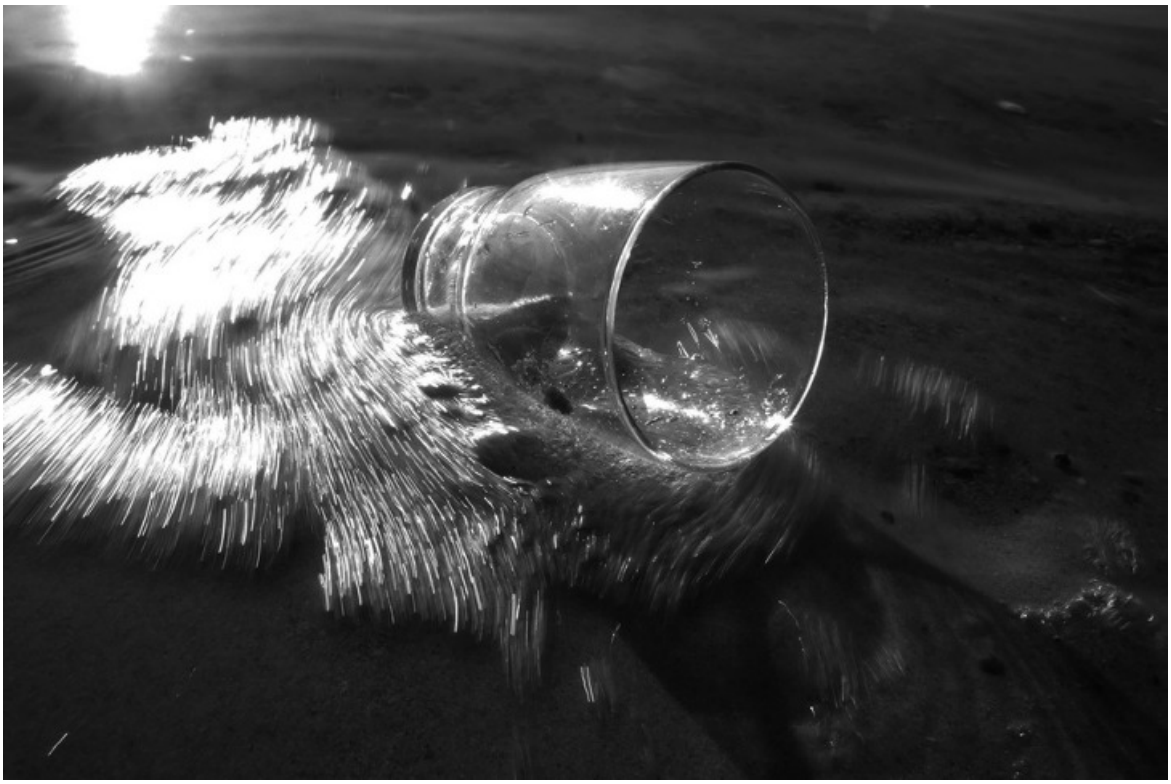
На данной (простите) мрачной ноте вернусь к разбору «полетов со стаканом №3». Допущу сокращение числа снимков в серии с 12 до 3. Обычно выбираются общий, средний и крупный кадры. И здесь я открываю для себя «прокол»: в сущности у меня присутствуют только средние планы! Да-а-а… я лишил историю многоплановости. Хотя… ладно. Да-а-а-а… надо, однако, резать по живому. Итак, ч/б: №№ 60, 68 и 69.

Ну, хотя бы получилось нечто похожее на «крупный-средний-общий» планы.

Ну, а что с цветом? Попробуем: №№ 71, 79, 81.

А, пожалуй, довольно внятная история.

Теперь финальный штрих. Посмотрим, сможем ли мы составить историю стакана из одной-единственной карточки. Лучшим я считаю черно-белый кадр:


67

Есть ли в нем история объекта? А, пожалуй, что нет. Но меня завораживает движение волны. И стакан в кадре выглядит как-то естественно… или, что ли, волшебно. Эдакий диалог между объектом и природной стихией. И он такой легковесный, будто катится по волнам…

Глупо было бы не посмотреть, как выглядит данный сюжет в цвете:

82

На мой взгляд, черно-белый вариант интереснее. Доказывает ли это, что ч/б более тянет на «шедевральность»? Да ничего это не доказывает! Просто стакан сам по себе обладает довольно интересной формой, а фактура брызг дарит изображению определенный шарм. Цветовая же информация оказывается второстепенной, к тому же она не несет особой эстетической нагрузки. Кстати, при съемке была допущена экспозиционная ошибка: пересвет на две ступени. Оказывается, для выразительности полезно ошибаться в элементарном? Иногда – да.

Полусвященный полутрепет

Наконец от пошлого предмета, коим является стакан, переходим к более выразительным, или, как минимум, благородным объектам. Хотя… кажется, в руках Мастера ничто не лишается духовного содержания. И даже приобретает оное. Разве только усилий надо побольше приложить, чтобы изображенное было очищено от случайных черт и стало поистине прекрасным. Именно прекрасным – а не красивеньким!

Вопрос – для чего. То есть, надо ли нам вообще из великого разнообразия фактуры творить именно «прекрасное». Может, создавать разумное, доброе и вечное? Ну, по крайней мере, все глупое, злое и преходящее и без того с завидным упорством так и стремится заслонить наши взоры. Кстати, вы никогда не задумывались, что мировая фотожурналистика как раз и оказывает львиную долю внимания человеческой глупости, человеческому злу и человеческой мелочности? Да просто посмотрите работы победителей «Уорлдпрессфото» последних десятилетий… Кровь, боль, страдание, разврат, предательство, горечь, отчаяние… что еще? Ах, любовь? Что-то не припомню любви-то. Все больше в фотожурналистике мы наблюдаем тотальную ненависть, я бы сказал, ксенофобию. И это дело разбавлено имитацией любви и чувств в разного рода глянце. Ля дольче вита, сладкая жизнь. Гламур и криминал тотально торжествуют!

А потому не надо вальяжно хулить всякие он-лайн-конкурсы типа «фоток.ру». Да, там в топах закаты, киски, писки и, простите, редиски. Но уж, по крайней мере, человеческого страдания там не наблюдается. Господа, если к правде святой мир дорогу найти не суме, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой! Вот и живем. В грезах. И душа не болит, за что особая благодарность гламурным фотографам.

Ну, а теперь посмотрим на данный берег Москвы-реки (как москвичи обычно говорят, "Москварики"):

83

Что обычно для нашей Средней полосы, на берегу растут ивы «неплакучие», или, как в деревнях говорят, «вётлы». В центре кадра – довольно большое дерево. С этого ракурса оно невыразительно. Практически, оно сливается с безобразным фоном, Да и само изображение какое-то «плоское». Все потому, что снято телеобъективом. «Телевик», ежели глубина резко изображаемого пространства велика (а в данном случае снято «цифромыльницей» с маленькой матрицей, которая дает просто сумасшедшую ГРИП), всегда убивает объем.

Итак, на изображении мы видим великое количество лишних деталей. Да в кадре просто отсутствует сюжетно важная деталь! Сплошной сумбур. А мне хотелось бы снять дерево. Так, чтобы оно выразительно смотрелось. Сам объект находится в районе, где я живу, Строгино. В так называемой «Строгинской пойме». Под этим деревом одно время мы с семьей любили отдыхать и купаться – потому что вётла в летний зной дает тень и в ее сени весьма уютно. Ныне мы облюбовали другой уголок Строгинской поймы, ибо на данном берегу теперь любят отдыхать чернож… простите, гости из ближнего зарубежья, гастарбайтеры. Грязное стало место, неуютное. Впрочем, само дерево пока что не пострадало. И то слава Богу.

Итак, моя задача – выразительно снять дерево, с которым связана некоторая (хотя и незначительная) часть моей жизни. Для фотографии оно – обычный объект, имеющий три свойства: форму, цвет и фактуру. Кстати, о фактуре. Вы никогда не задумывались о том, что в русском языке слово это разделяется на два: «факт» и «ура». Ура факту? А почему бы и нет? У пишущих журналистов тоже ведь бытует понятие «фактура», обозначающее набор фактов. Ну, для нас, снимающих людей, фактура все же – свойства поверхности

того или иного объекта. Фактура дерева – листва. И еще – кора. Ежели приблизиться к дереву вплотную, выясняется, что своя фактура есть у каждого листика. То есть, и дерево является макрообъектом, включающем себя определенные части. Но… ведь мы говорим о дереве, которое имеет ФОРМУ. А потому для начала приглядимся к форме дерева и постараемся ее выразительно передать:

84

Сразу обращаю внимание на бетонное строение слева, на многоэтажки вдали. Ну, катер справа – от него легко избавиться, просто дождавшись, когда он проплывет. А, может, не стоит дожидаться и выбрать такую компоновку, чтобы в кадре была такая… полифония, что ли. Один знаменитый фотограф утверждает, что хорошая фотография – это как стихотворение типа: «Ехал Ваня на коне, вел собачку на ремне, а старушка в это время мыла фикус на окне». С одной стороны, получается вроде бы «фотографический балет», зато взгляд зрителя задерживается на снимке несколько больше, чем ежели в нем содержалось более одной сюжетно важной детали. Однако мы снимаем дерево. А значит, неплохо было бы сконцентрироваться на нем:

85

Человеческие фигурки, т.н. «стаффаж» (второстепенные детали) - древний прием в пейзаже, придуманный еще на заре этого жанра изобразительного искусства. «Человек – мера всех вещей». Фигурка всегда подчеркивает масштаб объекта природы. И не только природы. Но как-то… штамповано, что ли. Нет «изюминки». Хотя, по форме дерево – довольно интересное. Какая-то в нем все же есть величественность. Таковая на самом деле присутствует во всех больших деревьях.

Давайте разберем свойства данного объекта по деталям. Форма… она интересна. Цвет… Желтеющая листва, а на одной ветви уже и пожелтевшая – это плюс. С фактурой сложнее. Поскольку листва на этом общем плане совсем уж мелкая, фактуры не видно вообще.

Но мы забыли про ряд съемочных факторов, а именно – об освещении, о ракурсе, о фоне, о среде. В съемке стаканов все эти факторы мы довольно подробно разбирали, поэтому здесь не буду расшифровывать их значение. Освещение здесь – мягкий рассеянный свет. Облачно, солнце не дает теней, не «рисует» объект.

Посмотрим внимательнее на фрагмент:

86

Мне лично мешают многоэтажки, а еще раздражает мусор на земле, окурки. По идее мне надо было провести «ретушь объекта», прибраться у корней. Как всегда, ленюсь…

Я, может, вообще не о конкретном дереве хочу рассказать, а о величии Самой Природы. О том, как мы, людишки, суетливы, мелочны по сравнению с… а по сравнению с чем? Так же можно ведь снять «человечка» радом с небоскребом. Или рядом с церетелевским памятником Петру. Или рядом со скалой. Весь вопрос, КАК мы это снимем…

Впрочем, вернемся к нашему дереву. Вспомним, что кадр можно скомпоновать и вертикально:

87

Ведь чем характерно любое дерево: оно тянется ввысь, к свету. Все эти вертикали, разветвляющиеся стволы – они как символы самой жизни. Символы? Ага… кажется, время поговорить об архетипах.

Сразу вынужден себя осечь: «архетипичность» нашего понимания фотографий не имеет такого громадного значения как сюжет. Так же и «фотографическая композиция» - лишь один из элементов языка фотографии. Но я не могу обойти теорию архетипов стороной, ибо в творческой фотографии слишком большое значение имеют «архетипичные» сюжеты. Архетипы не надо путать со стереотипами, наборами штампов, существующими в любом искусстве. Одиноко стоящие деревья, отражения в лужах, водные потоки, летящие голубки и прочие стереотипы миллионами тиражируются в произведениях различного уровня качества. Посмотрите несколько отвлеченно, например, на «Яндекс-фотки» - и вы увидите стереотипы, настоянные на архитипичных сюжетах.

Это как дискретные смысловые конгломераты; они адекватны «затертым» фразам в вербальных языках. Например, мы говорим: «спит мертвым сном», «небо заволокло облаками», «темнота – хоть глаз выколи», «любовь до гроба» - потому что эти идиомы накрепко засели в нашем подсознании. Не надо выдумывать ничего нового и оригинального – есть готовые словесные конструкции, которые мы применяем не задумываясь. Сейчас их можно именовать «мемами». Это рационально, ибо в повседневном общении позволяет нам не растранжиривать почем зря умственную энергию. Другое дело – «художественное слово», в котором оригинальность, неповторимость – несомненное достоинство.

В фотографическом языке так же. Зачем выдумывать что-то своеобразное, если еще древний мудрец Екклесиаст утверждал, что все в этом мире уже придумано… Отсюда и многочисленные штампы. Даже в творческой фотографии, если зритель начинает путаться в смысловых дебрях, оригинальность не всегда полезна, ибо форма, заслоняющая содержание, способна отвлечь от главного. Грубо говоря, если мы восхищаемся фотографическим произведением: «Боже, как снято, как снято!..», мы можем, собственно, не заметить, ЧТО снято. Восхищение мастерством автора может заслонить суть. Не надо ведь забывать, что фотографическая камера фиксирует реальные объекты и события. Фотограф имеет право на интерпретацию. Но фотографии, в которых реальность игнорируется, я собственно «фотографиями» назвать не могу. Скорее, это художественные произведения, созданные при помощи фотографической технологии.

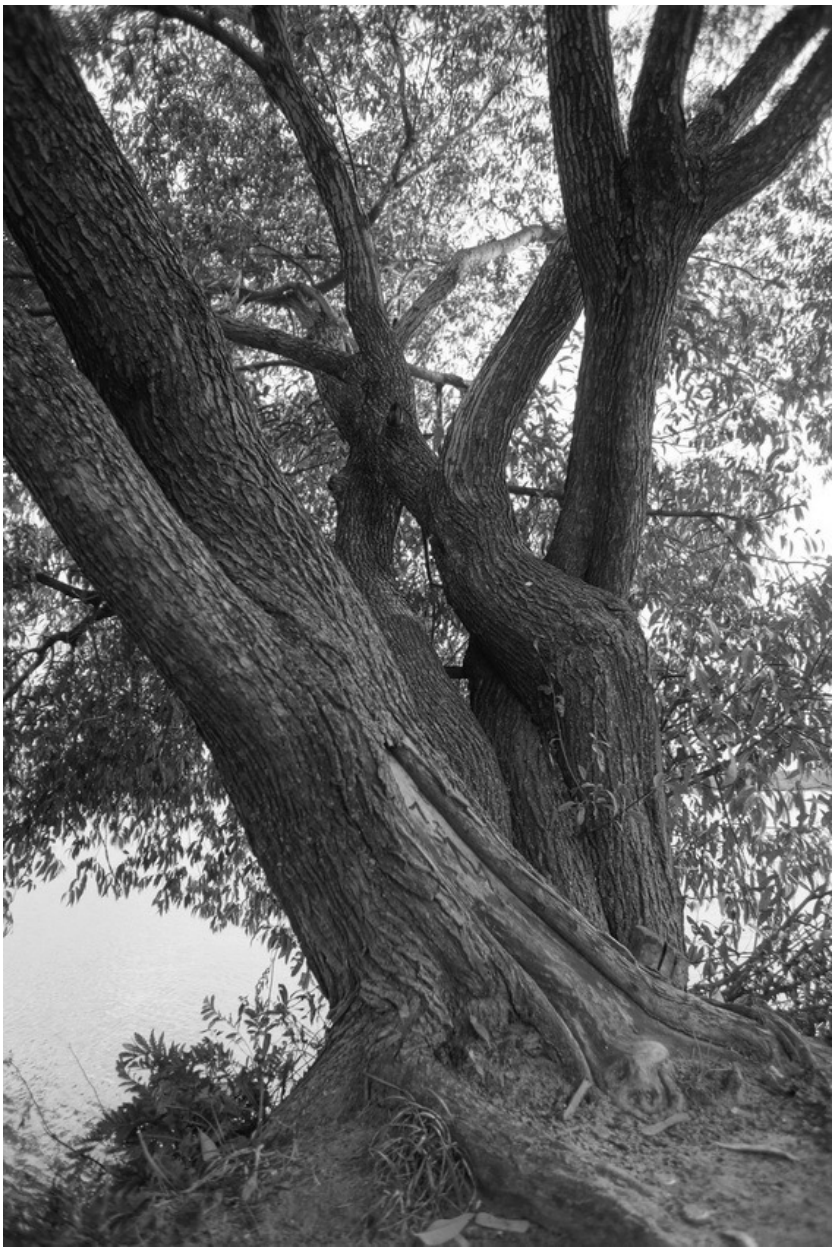
Я не оправдываю громадное количество фотографических стереотипов. Но я не стал бы писать эти строки, если бы не существовало одно обстоятельство: за поволокой стереотипов (а хотя бы тех же закатов с отражением в воде) скрывается иной мир, чрезвычайно сложный и противоречивый. Фотография – поле для создания визуальных образов. Видимость – дар особенный, вряд ли кто-то будет отрицать, что вербальный язык – жалкое дитя по сравнению с невербальными языками. Даже балет, искусство пластическое, с его «па-де-де» и прочими «французскими» штучками по сути древнее всякой письменности, ибо в основе его лежат архаичные ритуальные танцы (и не только человеческие!). А уж что говорить о визуальных искусствах.

Идея архетипов была высказана Карлом Густавом Юнгом почти столетие назад; в нас сохраняется склонность мыслить образными категориями, способность обобщать и оперировать символами. Но это не для простоты и рациональности. Архетипы помогают пониманию сущего, а так же интеграции в данный социум. Приведу высказывание Юнга:

«По мере развития наук наш мир становится все менее человечным. Человек ощущает себя изолированным в космосе, поскольку его связи с природой разорваны, а эмоциональное «подсознательное единение» с явлениями природы утеряно. Последние постепенно утратили свое символическое значение. Гром более не глас гневающегося бога, а молния – не орудие его возмездия. В реках нет водяных, в деревьях не таится

жизненная сила, змеи не являются воплощением мудрости, а горные пещеры не служат убежищем великих демонов. Камни, растения и животные более не разговаривают с человеком, да и сам он не обращается к ним, как раньше, думая, что его услышат. Нет больше связи с природой, нет и той глубоко эмоциональной энергии, возникавшей от этого символического единения. Эта колоссальная потеря компенсируется образами, приходящими к нам в сновидениях. Они воссоздают нашу первозданную природу, ее инстинкты и особый образ мышления. К сожалению, они говорят на языке природы, странном и непонятном для нас, что ставит нас перед необходимостью перевода этого языка в рациональные слова и понятия, присущие современной речи, свободной от такой дикарской «обузы», как мистическое соединение с описываемым предметом».

Переведем снимок 87 в оттенки серого:



88

Здесь мы можем сосредоточиться на фактуре ствола, ощутить жизненную мощь, таящуюся в дереве. Нас не отвлекает зелень, мы не созерцаем цветовые оттенки на коре (для меня они не слишком приятны). Зато мы видим графический образ, а именно – игру полутонов и линий в плоскости фотоснимка.

Теперь я хочу подробнее остановиться на особенности архетипа «дерево».

Помню, был я как-то в командировке, в Кадуйском районе Вологодской области. Очень меня заинтересовал слух о том, что в одной глухой деревушке старушка, почитаемая в округе за ведьму, поклоняется… дереву, которое она сама себе выбрала в лесу. И вот мы смогли забраться в эту «тьмутаракань», а точнее, в деревню Верховье. Мы опоздали. Из дому вышла ее дочка и сказала, что баба Клава при смерти. Уже и не говорит совсем: день - от силы два ей осталось. И еще дочка поведала, что злодеи какие-то то деревце сломали. После чего мать и занеможила. В дом нас не пустили, точнее, мы и сами не просились. Уехали с миром.

Говорят, баба Клава колдунья была добрая. И считалась в своей деревне чудачкой. Да, украшала «свое» дерево, разговаривала с ним, подарки ему приносила - ну, да мало ли какой у кого «бзик»? Но дерево ее не трогали. Мало ли что... «Злодеи», видно неместные были, не знали - что к чему. Тем более, здесь, в Верховье к деревьям особенное отношение. В частности, принято на годовщину смерти сажать посередине могильного холмика деревце. И местное кладбище представляет собой лес из таких деревьев, иногда и толстенных, в два обхвата: получается, дерево - как символ человека. Уже и крест сгнил, и холмик едва различим, а дерево - вот оно - растет себе.

Я уже было забыл этот эпизод. Но в начале лета один четырехлетний карапуз подозвал меня к березке и заставил приложиться ухом к ее шершавой и не очень приятной на ощупь коре. «Слысыс?!» - категорично спросил он меня. Я ничего не слышал. «А ты не дысы…» - Я задержал дыхание. И, кажется, до меня донеслись утробные, едва доносящиеся перезвоны тысячи колокольчиков. Я заткнул второе ухо и напряг слух. Да, действительно: будто далекие колокольца переливаются. Ну, да естественно, соки поднимаются по стволу, отсюда и звуки. «Тепель слысыс?» - «Да…» - «Оно зывое?» - «Кто?» - «Кто-кто. Делево.» - «Конечно» - «Знасит, ему больно?» - и малыш тыкнул пальчиком в надрез на стволе, наверное, сделанный любителем березового сока. Я кивнул.

А потом, когда остался один, решил поверить открытие мальчика, переходя от дерева к дереву. Надо сказать, «пели» они не все. Но - большинство. И, что интересно, «музыка» каждого дерева отличалась своей, тональностью, темпом и силой. И не каждую породу можно услышать: береза, осина, тополь - у них стволы гладкие, а вот дуб или ель к ним не приложишься - кора очень уж рельефная...

Я вспомнил один странный рисунок, который кинорежиссер Андрей Тарковский сделал в 1986 году, когда лежал в госпитале. У него был рак, последняя стадия. Врачи давали только несколько дней. И вот Тарковский изобразил на бумаге дерево. Одинокое дерево. Оно старое и не все его ветви покрывает листва. Справа от дерева - могильный крест. А в могучих корнях различим большой, покрытый поволокой... глаз. Такой вот символ. Знатоки Тарковского утверждают, что это не случайно: Андрей Арсеньевич очень любил одну фотографию, которая была сделана в городе Юрьевце, в 1933 году его отцом Арсением Александровичем. На фото изображены маленький Андрюша с мамой, Марией Ивановной. Они сидят на скамейке в нижнем правом углу кадра. Остальную же часть фотографии занимают корни. Гигантские корни дерева, даже ствол его едва попал в кадр. И действительно: если вглядываться, то кажется, что чрез корни проглядывает глаз.

Режиссер сделал дерево (другое дерево, мертвое) одним из героев своего последнего фильма «Жертвоприношение». В конце этой картины, напомню, дерево оживает.

Вот фото из «города Тарковского» Юрьевца:

Нет уже бабы Клавы. И на ее могилке тянется к небу крохотная еще березка. Живет себе, наверное, не горюя, тот гражданин, что повредил достопамятное дерево. А может быть, очень даже горюет? И не поймет, что когда-то по дурости нарушил некую сакральную связь человека и Природы…

Однако, пора бы вернуться к нашей вётле. Много в творческой фотографии зависит от элементарной удачи. Вот снимок:

89

Удача здесь в состоянии природы. Раннее утро, туман, мороз… По сути, изменилась среда. От туманной среды фон стал, ну, совершенно абстрактным. Мягкий, рассеянный свет, пастельные тона, иней, прикрасивший землю… Ляпота! Только… фотография-то эта вовсе не о дереве. Она о красоте раннего утра. Типа рассвет.

На самом деле, фотографы-пезажисты как раз и снимают-то на рассветах да на закатах. У них это называется «режимной съемкой» (хотя, на самом деле это понятие пришло из кинематографа – операторы в условиях недостаточного освещения снимали (на пленку) «в режиме».

Еще кое-что скажу о среде. В 2010-м в Москве был смог. Тогда я тоже снимал эти деревья в Строгинской пойме:

90

Не знаю, как вас, но меня эдакая воздушная перспектива (точнее, «дымная перспектива») завораживает. Хотя, деревья здесь – всего лишь антураж, часть пейзажа.

А вот вариант «социальный», пикник таджиков невдалеке от нашего дерева:

91

Здесь и солнышко, прячущееся за кроной, и перспектива. И композиция «правильная», а все же в нашем дереве, точнее, в его изображении чего-то не хватает. Какой-то «сумасшедшинки», что ли… Обычно я говорю: «нет полета воображения». Не тянет наша вётла на почетное звания «древа жизни». Чтоб, значит, дух захватывало.

Я сделал длительную паузу. Дождался, когда осень изрядно поработает над нашим объектом. Пришел на то же место в конце октября – и вот:

92

Хочу заметить: пришлось дожидаться солнечного дня, а их нынешней осенью было не слишком-то и много.

Хочу раскрыть маленький секрет: при съемке пейзажа я частенько использую режим HDR, моя фотокамера снимает один сюжет при нормальной экспозиции, с недодержкой и передержкой, а потом три кадра автоматически сводит в один. То есть, я искусственно расширил динамический диапазон. Хорошо ли это? Очень скоро мы попытаемся разобраться в данном вопросе.

Пока же смею обратить ваше внимание на то, что листва нашего дерева стала благородно желтой. Мое любимое цветовое соотношение: золото на голубом. Да, мне пришлось ждать, чтобы «отловить» данное состояние погоды. Хотел еще дождаться изрядного тумана, но не срослось. Что делать – фотограф чаще всего зависим от удачи…

Итак, золото на голубом… А если посмотреть графический образ:

93

Ну, что ж… как минимум, величественная «форма кроны» весьма впечатляет. А «изюминки» как раз нет. Обычный «школярский» снимок, я бы сказал, бесхитростный. А рамочки я "приделал" для того, чтобы снимок не сливался с белым полем.

Ну, а теперь усилим при помощи смены точки съемки три свойства нашего объекта: форму, цвет и фактуру:

94

Здесь у нас боковое освещение, которое, как известно, наилучшим образом подчеркивает рельеф. Знаете, почему на этом снимке дерево смотрится откровенно неважно? Это очень интересный вопрос, ибо за кажущимся иррациональным неприятием чего-то или кого-то скрываются зачастую очень простые вещи. Случается, какой-нибудь, вероятно, хороший человек нам отвратителен из-за простой… бородавки. Или из-за волос в ушах. В кадре 94 и цвета вроде как приятны, и крона шикарная, и простор манит, чувствуется морозный, прозрачный воздух. А нет… ствола. Дерево воспринимается как куст! А все почему: неудачный ракурс.

А можно еще поизгаляться над фотоизображением. Классический вариант: оставляем только красный канал и переводим в ч/б:

95

По сути, мы имитируем красный светофильтр, затемняющий небо и высветляющий листву.

Отмечу весьма важный момент. Поскольку я манипулирую с кадрами, сжатыми в JPEG, очень страдают градации. Надо оперировать с файлами с файлами RAW! Я же совершаю дилетантскую с технической точки зрения ошибку.

Снова поиграем с солнцем:

96

Вертикаль в изобразительном искусстве, в особенности в пейзаже, добавляет «духовности», ибо подчеркивает стремление ввысь. Вспомните, что японская и китайская средневековая живопись в подавляющем большинстве имеет вертикальный формат. Почему я «духовность» заключил в кавычки. Заголовок этой главки, «полусвященный полутрепет» придуман мною потому, что на самом деле мы, снимающие люди, стараясь в

своих выдающихся (на наш взгляд) произведениях передать «священный трепет природы», «постичь тайны бытия», «открыть канал общения с Богом», все это придумываем. Точнее, все вышеперечисленное никто не отменял, но сакральное мистическое, возвышенное пребывает внутри нас. Мы все же ведем себя как настоящие художники и прежде всего самовыражаемся. Отсюда наши чаяния и уполовиниваются.

Я могу ошибаться, но это мое убеждение. «Священный трепет природы», величественность вётлы, ее открытость Космосу – моя личная выдумка. Но во всякой выдумке есть место… истине. Дело в том, что Космосу открыто все сущее. Только ряд объектов сами по себе выразительны. А вот большинство элементов видимого мира невзрачны, а то и уродливы. Что делать – это правда. Кто хочет оспорить сию мысль, пусть задаст себе вопрос: для чего человечество выдумало косметику, пластическую хирургию и эпиляцию?

Скажу еще о композиционной составляющей. В снимке много неба. Пустого, вроде бы, бессмысленного. Хитрость в том, что небо – тоже объект, который так же является архетипом и знаком. Дерево, вода, земля, небеса – четыре архетипичных элемента. Вечный сюжет. Не хватает еще человечка? Возможно. Часто профессиональные фотографы умышленно добавляют в кадр стаффаж. Но я вот, что замечу. Нередко хорошие фотографы, замечая, что на моих (к примеру) снимках не хватает человеческой фигурки, сетуют: «Эх, что ж ты человека-то не вписал!» А есть в кадре человек – мастера вроде бы как успокаиваются. Получается, что человек в кадре должен быть априори. Стаффаж – правило? Увидит эксперт, что фигурка гомо сапиенс присутствует, типа он оживляет сюжет, и успокоится: «Ну, все как надо!» И забудет данную фотографию через полминуты. И не вспомнит о ней никогда. А иногда наши глаза хотят и отдохнуть от людишек. Особенно если ты в большом городе живешь.

Сюжет «человек и дерево»:

Ах, да, забыл: ведь, если я хочу подчеркнуть связь вётлы с мирозданием, неплохо было бы построить вертикальную композицию:

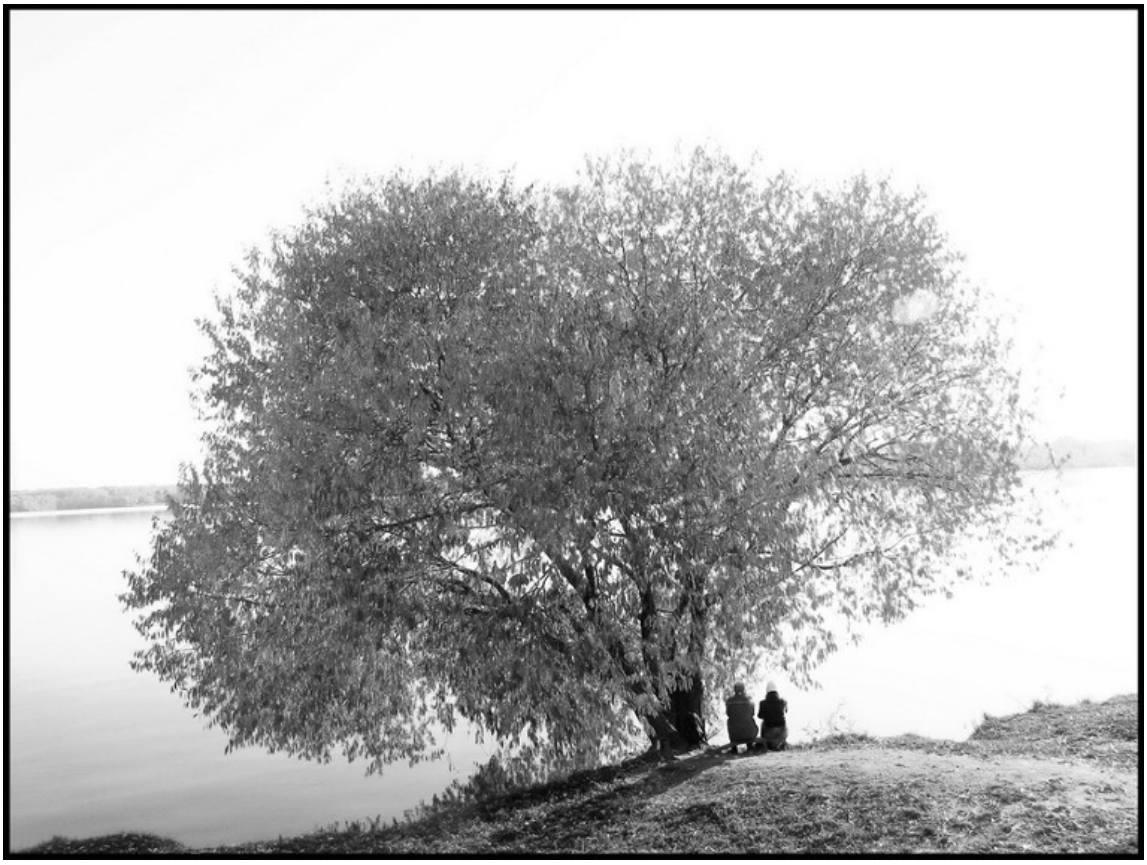
98

А хорошо все же, что куртка у человека синяя. Она не отвлекает внимания, не бросается в глаза. А что касается сути, эта фотография как раз о дереве. Об иве, почти что расставшейся со своим покровом.

А вот снимок двухлетней давности, снятый камерой KONICA MINOLTA DiMAGE A200, с несколько более качественной матрицей, чем у цифромыльницы (2/3 дюйма):

99

Ну, здесь две фигурки очень живописно расположены. Кстати: именно из-за данного кадра (он здорово запал мне в душу) я захотел плотно и целенаправленно поснимать именно это дерево. Переведем в ч/б:



100

Да, здесь пропадает, собственно, осень, но очень уж графически композиция симпатично выстроена. Эдакий «вечный покой».

Попробую вернуть цвета, но несколько в приглушенном варианте:

101

Но вот, что я здесь бы хотел отметить. На самом деле я хотел сделать лучше, чем у меня получилось пару лет назад. Но, как говорится в старом анекдоте «ну, не шмог я, не шмог…» К чему это говорю: наверное, действительно не войдешь в одну реку дважды. И не стоит возвращаться туда, где тебе было хорошо. И много в фотографии 9простите уж за банальность) действительно зависит от удачи. Мастер способен подарок судьбы не упустить. В этом его очевидное отличите от «чайника».

Я тому веду, что фотография в любой момент способна подарить нам радость открытия. Можно месяцами вымучивать «выдающийся» результат. Вероятно, он будет достигнут. Но на самом деле потрясающий кадр приходит порою в самый неожиданный момент. Нужно быть наготове. Всегда наготове. Мастера любят повторять: важно оказаться в нужное время в нужном месте. Как рыбак знает «клеевые» места, так и фотограф «пасется» там, где есть выразительная фактура. Мастер всю эту выразительность способен передать. У «чайника» тоже может что-то получиться, но вероятность выдающегося результата несколько меньше.

Ну, и напоследок выложу здесь четыре архивных кадра – для того, чтобы наглядно показать некоторые особенности съемки деревьев. Здесь важна¸ конечно, визуальная сторона вопроса. Техническую сторону мы оставим на втором плане (что в сущности неверно, ибо фотография – искусство техническое, и от техники зависит и выразительность).

Вот и все, что я хотел бы сказать про «полусвященный полутрепет» в варианте эксплуатации одного архетипа. «И на камнях растут деревья», «деревья умирают стоя», «древо познания добра и зла» - все эти архаичные смысловые конструкции, сидящие в нашем подсознании, подспудно внушают нам глубокое уважение к деревьям. Визуальные искусства буквально паразитируют на этом.

А сколько еще архетипов управляют нашей культурой!..

Шепот травы

Надеюсь, не надо уже разжевывать, что решение о подаче данного фотографического изображения в цвете, в черно-белом или ином варианте (например, в изогелии) автор принимает в соответствии со своим личным замыслом. Я произношу эту банальность по причине того, что многие, несмотря на голос здравого смысла, идентифицируют «художественную» и «черно-белую» фотографии. Без сомнения, многие черно-белые изображения действительно можно причислить к разряду «художественных». В ч/б явственна своеобразная игра между изображенной реальностью и «светотеневыми соотношениями» в плоскости изображения. «Как рисунок!» - может воскликнуть дилетант. Так же профессионал-художник, пожелавший унизить живописное произведение, пробурчит: «Ну, прям как фотография…»

Не устану повторять: цвет сложнее черно-белого – уже хотя бы потому, что в ч/б автор оперирует двумя цветами (собственно, черным и белым) и их оттенками, а в цветном фото в твоей палитре 64 000 000 цветов – а то и более (зависит от индивидуального цветоощущения). Да, фотография – не живопись, в нашем виде творческой деятельности не все выдумывается, цветовые «подарки» в кадре гораздо чаще мешают, нежели помогают. Но ведь никто, кажется, не требует «идеальных» цветовых композиций. Тем более что их не существует даже в природе. А что же надо? Вот, здесь-то и возникает закавыка. В искусстве вообще мы ждем от произведения искусства элементарной радости – общения, познания, самой, наконец жизни (в смысле, «невыносимой легкости бытия»). А еще от искусства мы ждем катарсиса, очищения души состраданием. В творческой фотографии эта гамма чувств несколько иная. Вы знаете… многие – да большинство, пожалуй – привыкли восхищаться мастерством автора. Необычными фотографическими приемами. Свежими ракурсами. То есть, частенько мы вообще забываем о содержании фотографии, но сконцентрированы на формальностях.

Принято считать: о том, ЧТО снято, судят «чайники». Профессионалы рассуждают КАК и ЧЕМ снято. Ну, да – фотография – занятие техническое. Техника действительно решает многие вопросы, в том числе и эстетического свойства. При помощи цифромыльницы, к примеру, затруднительно получить красивое боке. Зато цифромыльница универсальна, у нее есть макрорежим, каковой есть далеко не у всех качественных «зеркальных» объективов с красивым боке. Между прочем, для макросъемки боке действительно очень важно. Но… о чем я? Снова о том, КАК снимать?

Еще немного о цветном. Если уж говорить совсем начистоту, наше цветоощущение воспитывается в двух плоскостях: природной и гуманитарно-техногенной. Ну, очень редко в природе что-то раздражает глаз! А вот, урбанистические пейзажи – сплошь диссонансы и раздражители. Были, помнится, живописцы, воспевавшие в своих творениях индустриализацию и прогресс. Ну, да: при наличии мастерства из любого, простите, дерьма можно сотворить нечто высокохудожественное. Вероятен и обратный процесс. Так же и в творческой фотографии. Ну, и, соответственно, в коммерческой: ценятся те мастера и «фотошоперы», которые как раз умеют творить «фото-мифы» буквально, из ничего. Впрочем, об этом я уже довольно подробно и с иллюстрациями говорил в предыдущих главах, а потому оставлю отвлеченные рассуждения.

Здесь я хочу поговорить о выразительном изображении такого элемента природы как… трава. Мы частенько не замечаем травяной покров (в отличие от, например, деревьев, о которых мы разговаривали чуть ранее). Трава – как воздух (если, конечно, она не скрыта снегом), то есть, мы даже не думаем о том, что она лезет в кадр. А ведь это очень интересный объект, который нужно уметь снимать.

Вот снимок:

Весенний покров земли реально кажется живым! Трава аж светится… Ну, как тут не вспомнить хит нескольких поколений: «…И снится мне трава, трава у до-о-о-ома, зеленая-зеле-е-еная трава!» А уберем-ка зелень:

М-м-м-да… серая трава явно не «катит». Да и, откровенно говоря, она просто пропала. В чем дело? А просто, в степени приближения. Вот, мы снимаем издалека человеческую толпу. Что получается: масса. Серая обезличенная масса. Надо подойти, или «притянуть» кадр телевичком. Это же касается объектов иных групп, в том числе и травяного покрова. Сконцентрируемся на отдельных травинках, возьмем крупные планы:

Ну, роса здесь не только ради разнообразия, но и для «оживления сюжета. И заметьте: у элементов травяного покрова есть форма, которая бывает и довольно выразительной.

Форма, фактура – все на месте. Мы созерцаем крупный план. А так выглядит средний:

В данном сюжете, мне представляется, ежели лишить изображение цветности (здесь мы это сделаем гипотетически), черно-белый вариант даже интереснее. Скажу, почему: трава очень красиво лежит, создавая даже графический образ, порождающий ассоциации, например, с морскими волнами, человеческими волосами, гривой лошади etc. Именно такие образы мы иногда называем «пластическими», то есть, изменяемыми. Цветной вариант как раз отвлекает от созерцания изящной формы, цветовая информация оказывается лишней. Ведь чего хочет достичь художник, пожелавший изобразить траву: чтобы она казалась живой! То есть, одухотворить образ. Самое время теперь поговорить об архетипе «трава».

Посмотрите это фотографическое изображение:

Здесь мы можем наблюдать взаимодействие в плоскости снимка сразу трех сущностей (или, если угодно, стихий): травы, воды, неба. Последнее, впрочем, представлено небольшим голубым пятнышком в правом нижнем углу. Течение воды, рябь, красивая фактура травы, отражение ее в воде… И заметьте: никаких «художественных» эффектов и «фотошопа». Упорядоченная структура осоки (или уж не знаю, как называется данная водная растительность…) настолько приятна, что она хороша и в ч/б:

Беда только в том, что сюжет развалился: не «читается» водная гладь, нет и отраженного кусочка неба.

Теперь подробнее расскажу об особенностях архетипа «трава». Не без «поэтической поволоки».

Индийские ученые при помощи многочисленных опытов доказали, что индийская музыка положительно влияет на самочувствие и рост трав. Европейские умы так же не остались в стороне и пришли к выводу, что травы лучше всего растут, если им «давать» слушать классическую музыку (Мендельсон, Гендель, Моцарт и т.д.). Исследователи из Бразилии вполне убедительно заключили, что травы лучше всего себя чувствуют при звуках латиноамериканских мелодий. Что же - травы имеют национальность?!

Дело, скорее всего, не в этом. Просто, растения, которые мы порой так бездумно попираем ногами, не изучены в той мере, что бы человек смог утверждать, что понимает их жизнь. То, что травы лучше растут под музыку - это факт. А вопрос - почему происходит так? - остается без ответа.

Наша любовь к разнообразным цветочкам, травинкам и былинкам («былина» - между прочим - еще одно название простой полыни) выражена во всем - даже в названии трав. Вслушайтесь только в имена, которыми мы нарекли растения: петрушка, касатик, горицвет, лютик, баранчик, белая кашка, душичка, заячья лапка, богородицины слезки, ноготки, матренка, одуванчик, маргаритка, солнцегляд, стыдливица, душистый колосок, хрустальная травка, девичья краса, румянка, медвежье ушко, ночная красавица, купальница, медуница, анютины глазки, бархатка, кукушкины слезки, незабудка, божьи глазки, зяблица, мышиная репка... Список можно продолжать и продолжать.

Для меня любимым православным праздником стала Троица, когда прихожане являются на обедню в церковь с букетами полевых цветов, а пол в храме устлан свежей травой. На амвоне перед златыми вратами делается «горка» из травы и священник торжественно водружает на нее Евангелие. Один только запах в храме чего стоит!

Я не знаю аромата более пьянящего, чем аромат свежесрезанных трав: эфирные масла, коими так богата весенняя трава, буквально наводняют помещение. Между прочим, писатель Лев Толстой всегда требовал, чтобы в его кабинете обязательно лежала охапка сена - это на него действовало, как сигнал к вдохновению.

Александр Куприн, описывая быт русского борделя (столетней давности) пишет следующее: «Сегодня Троица. По давнему обычаю, горничные заведения ранним утром, пока их барышни еще спят, купили на базаре целый воз осоки и разбросали ее, длинную, хрустящую под ногами толстую траву всюду: в коридорах, в кабинете, в зале...» Вообще, запах трав не случайно ассоциируется с любовью. На Руси самым романтичным местом всегда считался сеновал. А вспомнить русскую песню, где «не одна трава примята», а еще и девичья краса... Здесь ученые снова внесли свой вклад. Они открыли, что у растений в период их «любви», то есть во время цветения (именно в это время трава скашивается), значительно - на несколько градусов повышается температура по отношению к температуре окружающей среды. То есть, во время цветения растения входят в состояние необычайного возбуждения, и - представьте себе - в этот момент его стебель отнимают от корня! Куда же тогда расходуется его жизненная энергия?

Кстати, вы никогда не задумывались о том, что про женщину, которая вдруг стала необычайно хорошеть, говорят «она расцвела». Или, если взял верх обратный процесс: «она стала увядать...» Откуда такие сравнения из мира флоры? Впрочем, гением был только первый на Земле человек, сравнивший женщину с цветком. Все последующие – пошляки…

Флора - античная богиня цветов. Она представляла собой юное, нежное создание, которое страстно любила Зефира, бога теплого западного ветра, приносящего дожди. Зефир, хоть он и был ветренен, платил Флоре взаимностью. Его брат Борей, бог северного ветра, временами сгонял с полей Зефира - за это Флора лишала поля даров своих. В честь этой хрупкой богини римляне весной устраивали праздник «Флоралии», который сопровождался играми и увеселениями весьма откровенного и даже скабрезного содержания, что якобы стимулировало плодородие. Отголосок этого античного культа можно встретить и в России, в обряде похорон Костромы.

Брянская область, село Верещаки

Вот, сейчас пишу, казалось бы, дикие вещи… Когда-то Мать-Сыра-Земля представлялась мысленному взору русского человека супругою неба-Сварога, а покрывающие землю травы казались пышнокудрыми волосами великой Праматери богов. Старинный апокриф утверждает, что «Земля сотворена яко человек... вместо волосов былие имать...» И еще там написано: «Кая трава всем травам мати? - Плакун трава. - Почему? - Когда жидовья Христа распяли, святую кровь его пролили, Мать Пречистыя Богородица по Иисусу Христу сильно плакала... роняла слезы пречистыя. От сих слез зарождалася плакун-трава.» Что же это за «праматерь трав»? Некоторые считают, что плакун-трава - Иван-чай, иные думают: зверобой. Есть еще мнение, что это - обыкновенный василек.

Среди множества таинственных трав особенно выделяется кочедыжник, цветущий, как и папоротник, только одну ночь. Человек, не знающий особенных заклинаний, не способен его увидеть. Кочедыжник еще зовут «золотоогненным цветом» или «жар-цветом». Его посвящают языческому Светлояру и кому удается сорвать хоть один его цветок и унести из лесной трущобы, золото само посыплется в карманы счастливца. Да что-то не слышно о таких счастливцах. Да и внезапное богатство счастья еще никому не приносило. К тому же, по народному поверью, сорвать таинственный цветок - малая часть дела. «Кто сорвет «жар-цвет» - так из лесу не выйдет, - закружит его, заводит нечистая сила!» Мудрость народа явила себя и в этом мифе...

Архангельская область, село Шангалы

На Руси по-разному относились к травничеству (народному искусству собирания трав и лечения ими). Во времена Ивана Грозного достаточно было подкинуть своему врагу пучок неведомых трав, совершить навет куда следует - и твоего оппонента ждала мучительная смерть за чернокнижничество. Трава была неопровержимой уликой в сношении с диаволом (но сам Грозный царь, как известно, тайком прибегал к услугам различных прорицателей). При царе Михаиле Федоровиче под страхом темницы вообще было запрещено собирать какие-либо травы, а вот при Алексее Михайловиче в 1650 году вышел указ, предписывающий крестьянам... обязательно в Купальскую ночь (время, в которое травы считаются наиболее сильными) отправляться на поиски «серебряного цвета, мятной травы, дягиля и прочия...»

Травы, как известно, бывают лесные и луговые, «дикие» и «культурные» (злаковые культуры ведь, по сути своей, есть «приученные» травы). Есть еще «сорные» травы. Сорняки вообще удивительны по своему поведению. Сколько сил мы тратим на прополку и сколько наших прекрасных задумок загубили сорняки! Но растут они по большей части именно там, где человек старается их уничтожить. Сорняки пробовали высаживать на специально приготовленных для них грядках. В результате... они гибли. Несмотря на все заботы не хотели сорные травы «окультуриваться».

Мы не можем понять, чем, собственно, может отличаться луговая трава от степной. А скотинка наша (ну, или не совсем наша…) - понимает. Коровы уверенно тянутся к степной траве, но вот сено (сушеную траву) они предпочитают луговое. Крестьяне не

случайно выбирали места для хозяйства на стыке луговой и степной травы. Луговая трава дает прекрасное по вкусу молоко, но вот мясо «нагуливается» на степной травке. Самой корове не нужно много молока и она идет из влажной поймы в открытое поле. Между прочим, от того что наша скотинка еще питается натуральным продуктом, а не синтетическими комбикормами, мясо ее значительно превосходит по качеству мясо импортных буренок.

По подобию античных «Флоралий» на Руси издавна проводили обряд «похорон Костромы». Кострома - чучело богини плодородия, набитое травами. Само слово «кострома» обозначало верхушки злаковых трав, колоски. То есть чучело набивалось этими колосками, несущими в себе семя. В деревне изготавливалось чучело, одевалось в одежду, в зависимости от того, какую половую принадлежность оно имело (чаще, это была девушка). Дальше Кострома как бы умирала и с ней по всем человеческим правилам разыгрывался похоронный обряд: с гробиком, причитаниями, плачем, поминками. Потом чучело или топили в реке, или разрывали на мелкие клочки в поле, или сжигали. Все это происходило при общем веселье и даже ликовании, а заканчивалась большим совместным пиршеством. Обряд символизировал будущее плодородие. В некоторых русских деревнях старики обряд похорон Костромы проводят до сих пор, в Русальную неделю (после Троицы).

Ну, и в заключении - старинная притча. Восточный мудрец любил поучать своих учеников следующим изречением: «Если хочешь быть здоровым, как можно больше смотри на зеленую траву, на текучую воду и не красивых женщин.» Молодой и пылкий ученик однажды с пристрастием уточнил: «Учитель, а нельзя ограничиться лишь третьим?» Старик, выдержав положенную паузу, ответил: «Если не будешь смотреть на зеленую траву и на текущую воду, на женщин не захочется смотреть само по себе...»

Откровенно говоря, фотографы любят снимать женщин и в воде, и на траве… далеко не всегда данные фотографические произведения создаются исключительно для эстетического созерцания. Суть, конечно, не в этом. Красивая женщина на любом фоне будет смотреться выигрышно. С травами – сложнее. Вот самый выигрышный контраст (или, если угодно, диалог двух природных сущностей):

Столетняя кора дерева и юная, практически «невинная» поросль. Такой же контраст будет, если снять очень старого человека с ребенком. Штамп используется нередко. И НИЧЕГО СКВЕРНОГО В ШТАМПАХ НЕТ! Обычный фотограф использует семь штампов, хороший – семьдесят. Об этом тоже часто говорят, простите, что повторяюсь…

Другой вариант того же сюжета:

Простите за поэтическое сравнение: стихия листьев ландыша как бы поглощает в себя безликий, даже уродливый ствол.

Посмотрим на траву в диалоге с еще одним объектом:

Вы, вероятно и не поняли, что за объект я подразумеваю. Это… туман (а не паутина). Не надо ведь забывать, что и атмосферные явления для фотографии тоже объекты, съемка которых сопряжена с определенными задачами и трудностями.

В траве протекает жизнь многих видов насекомых; это неизвестный нам мир (который прекрасно описан в детской книжке "Приключения Карика и Вали"), и с этим надо считаться. Впрочем, паутина, пусть даже луговая – объект иного рода. Сейчас мы не о ней разговариваем…

Еще один диалог:

Трава и засохшая земля. Здесь уже противостояние жизни и смерти. Думаю, не надо объяснять, почему эдакий сюжет лучше выглядит в цвете.

Как бы то ни было, мы всегда соизмеряем и соотносим. Иногда данный процесс именуют «композицией». На самом деле процесс несколько сложнее, композиция – лишь одна из составляющих. Секрет в том, что зритель одновременно созерцает красоты природы и общается с авторским произведением. Даже в пошлых штампах, которые вылезают в топы тех же «яндекс-фоток», есть место творческому преломлению реальности сквозь призму дара того или иного автора.

Очень непросто сказать что-то новое в творческой фотографии – уже хотя бы потому что фотографией увлекаются даже не миллионы, а миллиарды. Это вовсе не плохо. Когда миллионы увлекаются поэзией, есть шанс, что из «биомассы» выпестуется нечто выдающееся. Важно, чтобы серая масса (или хотя бы какая-то ее часть) поняла, что это новое – действительно достижение, а не глупый эксперимент. Вспомните «Чайку по имени Джонатан Левингстон» Ричарда Баха. Есть только закон: на самом деле масса нейтральна и даже агрессивна по отношению к любой новизне. Вспомните историю про «сумбур вместо музыки» и «прессование» Шостаковича.

Ну, это касается музыки… В фотографии новизна воспринимается легче, ибо «эксперимент» - признанный фотографический тренд (то есть, направление фотографической деятельности). Именно в фотографии порой надо преодолеть в себе

«тягу к экспериментам» и учиться простоте, лаконичности выражения. Чем характерны любительские фотокарточки: невыразительностью и обилием лишних деталей. Простите, сумбурностью. «Тост должен быть коротким как выстрел!» - так говорится в одной кинокомедии. Фотография тоже может быть такой же… как тост. Не зря иногда хорошие фотографии сравнивают с японской поэтической формой «хойку».

Но не всегда фото обязано быть именно «как выстрел». Истина в разнообразии. Порой хочется неспешно созерцать, наслаждаться великолепно пойманным моментом. Умение блестяще запечатлевать таковые – редкий дар. Его я называю «пластическим чувством» или «чувством хрупкости бытия. Впрочем, вернемся к нашей траве:

И в травах (не у отдельной травинки, а именно у массива трав) может быть форма. Например, это утоптанная в траве тропинка. Причем, черно-белый вариант сюжета даже, на мой взгляд, выигрышнее:

Здесь в чем дело: получается не образ даже, а знак – очень лаконичный, обращенный к нашему подсознанию. Вспомните название некогда популярной повести Сэлинджера; «Над пропастью во ржи».

Шагнем от знака к образу:

Штамп? Без сомнения. Но чуть выше о штампах мы уже говорили: пусть в нашем арсенале их будет больше!

Перевожу в ч/б:

И снова лучше! Потому что хороша фактура травы, не «бьют» в глаза желтизна, яркое платье девочки. Изображение более ГРАФИЧНО, в бесцветном (простите, за занудство – вынужден повторить: в оттенках серого) варианте оно напоминает рисунок.

Не приветствую «фотошоп», но посмотрите, как будет восприниматься образ, если контраст поднять до максимального значения, то есть, оттенки серого убрать вообще:

На мой взгляд, я допустил здесь не слишком хорошее действо: кроме того что лишил изображение цветовой информации, еще и отнял тона. Два шага от «фотографичности» к

«художественности»? В том-то и дело, что нет: допущен отказ от Замысла Божьего. Если нам дано видеть мир цветным и в полутонах – зачем отсекать эту информацию и видеть мир «черно-белым»? Для выразительности? Да не выразительность это, а обеднение!

Еще несколько сюжетов с травами:

Оно конечно, может у меня в голове что-то не так… но представляется мне, трава нам что-то пытается шепнуть – на своем, пока еще неведомом нам языке. И сдается мне, язык трав в чем-то пересекается с языком творческой фотографии.

Тропинка к храму

До сих пор мы говорили о не шибко презентабельных объектах. Ну, и, соответственно, пробовали их выразительно снимать. Считаю, это весьма благородная задача. Гораздо худшее действо – делать конфетку сами понимаете, из чего. Хотя, решение и подобного рода профессиональной задачи непременно должно входить в арсенал снимающего человека. Тем более – профессионала.
На самом деле, умелое владение такими средствами как ракурс, фокус и момент – залог успеха, как, впрочем, и чувство цвета, фактуры и формы объектов. Весь вопрос – какого успеха? Коммерческого? Карьерного? Творческого? Общественного? Сексуального? Здесь-то и кроется главная ловушка. Дело в том, что та самая «матрица» которая доминирует в современном фотографическим мире, заточена именно под коммерческий сегмент. Это я говорю о фотографической деятельности «офф-лайн». «Он-лайн» довлеет серая масса, представленная разномастными «фотками.ру». Это не хорошо и не плохо. Такова данность. Но и в данном сегменте идеалом для ее участников является все же коммерчески успешные фотопроекты. То есть, «не продается вдохновенье – но можно фоточку продать». А может, ты просто хочешь восхитить свои фотоискусством близких людей? Лукавишь, брат! Как минимум, тебе будет приятно, ежели твоя фоторабота будет опубликована в престижном журнале или на популярном сайте. А то и блеснет на выставке… И разве ты откажешься от гонорара?
Считается, коммерческий успех – штука капризная. Сегодня тебя заказчики любят, завтра – недолюбливают… Опять же, конкуренция в фотоиндустрии весьма высока. Но хитрость в том, что капризен любой успех вообще. Даже личный. На моем веку целый ряд фотодеятелей взлетали на вершину «фотографического олимпа» и скатывались с него. Причем, не с треском, а гладко, бесшумно. Незаметно. Это же относится и к «гуру фотографии». Незыблемыми, пожалуй, в фотографическом мире остаются корпорации типа «Никона» или «Кенона». Хотя и на этом поле происходят некоторые изменения. Например: и куда делась «Минолта». Ах, заводы купила корпорация «Сони»? Опять корпорация…
Там, где речь идет о фотографической индустрии, мыслить надобно категориями бизнеса. Любой проект нуждается в раскрутке, капиталовложениях, информационной поддержке, мифотворчестве. Самый красивый миф – «Лейка». Некоторые советские объективы при грамотном юстировании не уступали «леечным». Но под них не создали мифологии. А вот под дерьмовую «ЛОМО» - создали. Вот ведь, какая хреновина, понимаешь… Не стоит верхоглядствовать на коммерческие проекты. Данные занятия так же требуют креативного подхода. Хитрость в том, что учиться надо для раскрутки «мега-проектов» не по учебникам фотографии или книжкам эстетической направленности, а посредством пособий по маркетингу. Есть еще одна составляющая, особенно актуальная для России: личные связи. Надо уметь водить дружбу даже с «собакой дворника – чтоб ласкова была». Ну, кто ныне скажет, что Дмитрий Медведев – говнофотограф? Даже выдающийся кинодеятель Никита Сергеевич Михалков – и тот недавно заявил: «Дмитрий Анатольевич – очень талантливый фотохудожник. В его работах что-то есть…» А ведь киношник априори должен уметь отличать подлинное искусство от его нелепой имитации….

То, что вы прочитали выше – абрисный обзор современных фотографических проектов. Цель их одна: извлечение прибыли. Медведев, уверен, не претендует на звание «выдающегося фотомастера». Таковым его сделала армия лизоблюдов, стремящаяся получить за свой елей новые преференции. Такое движение наблюдается не только в политике. Даже в фотографическом мире имеются свои подхалимы. Отличие этого мира разве в том, что он весьма распылен, и границы творческой фотографии нечетки. Хотя, общее все же есть. Настоящих политиков несколько десятков, остальные – серая масса, которой управляют при помощи древних технологий («Политика – искусство управления человеческим стадом» - говаривал Платон). И в фотографии существует ряд имен, которых причисляют к «гуру». Причем, среди «гуру» встречаются фотодеятели, чьи фотографические работы мало кому известны. Пример – Артем Чернов, руководитель проекта «Фотополигон». Хороший человек. Но я не знаю фотографий Артема. Но, представьте себе, этот человек даже преподает фотокомпозицию! Я спрашивал у людей, получивших образование у Артема: может, они знакомы с фотографическими произведениями, автором которых является Чернов. Люди как-то глупо улыбались – будто я нарушаю некое табу. Создается ощущение какой-то странной игры, в которой есть правила, нарушение которых воспринимается как верх неприличия. Все встает на свои места, только если ввести ключевое слово: «индустрия».
Теперь вопрос: какое из пособий будет наиболее раскупаемо: «Как заработать при помощи фотографии», или «Как красиво сфоткать»? Ответ парадоксален: и та, и другая книга будут популярны. Дело в том, что заказчик хочет именно, чтобы исполнитель красиво снял. Потому что фотограф так же работает на кого-то, кто хочет «впарить» некий продукт как можно большему числу граждан, готовых расстаться со своими кровными. Параллель – нынешнее пространство литературы. Львиная доля книжного рынка – коммерческий продукт. Но! Это не означает, что умерла настоящая литература, которая имеет шанс пережить своих создателей. Так же и в фотографии. Ну, все: поворчал – пора приступать к теме, которую я заявил.

Итак, предыдущая группа объектов, которую мы пробовали снимать, имела немало выразительных свойств. Я говорю о травах. Мы выяснили, что трава в кадре, если она не является сюжетно важной деталью, всегда смотрится настолько естественно, что… мы даже не обращаем на нее внимание. Это антураж, элемент, просто заполняющий кадр. Еще трава – архетип, «читаемый» как знак. Травы – объект природный, а природа никогда (все же - почти никогда…) не вызывает раздражения. Другое дело – объекты искусственного происхождения. К таковым относятся и архитектурные сооружения. Конечно же, самыми популярными (в том числе и на ресурсах фотолюбителей) архитектурными объектами являются храмы. К последним я бы отнес любое культовое архитектурное сооружении. Понятное дело, храмы априори создаются, чтобы привлечь внимание. Они часть пропагандистской деятельности деятелей того или иного культа. Египетские (или американские) пирамиды – тоже суть храмы. Ну, или как минимум, культовые сооружения.
Вот, почему сумасшедшие исламисты атаковали «башни-близнецы»? А потому что считали их символом религии «золотого тельца», «шайтана» против которого правоверные замутили войну. «Близнецы» для экстремистски настроенных мусульман – модель слитков золота. Это спорное утверждение, но надо все же понять: уничтожались не люди, а прежде всего СИМВОЛ.

«Храм» как архетип имеет немало ипостасей. Общее в архитектонике культовых сооружений – устремленность вверх. Замечу, иные арх-объекты все же устремляются в разные стороны, бывает, что и вниз…
О смысле православного (да и любого) храма блистательно написал Александр Мень в своей книге «Православного богослужение: таинство, слово и образ»:

«…Храм в городе – это пророк, говорящий о вечности? Чей зов раздается среди шума современной цивилизации…
Первые христианские храмы строились по принципу римских общественных зданий – базилик. Все здание должно было символизировать корабль Града Божия, плывущий по волнам истории. Наружному декору базилики уделялось мало внимания, зато внутри ее украшали мрамором и мозаикой. Эту же черту сохранило и византийское искусство. Но в Византии идея «корабля», «дома собрания» дополнилась идеей Космоса, которая присутствовала еще в убранстве ветхозаветного Храма…
Храм стал символом одухотворенного мира, прообразом грядущего обОжения вселенной. Древнерусский храм был развитием византийского с его центрическим купольным построением, которое имело в своем плане священные фигуры круга, прямоугольника и креста…
Пережив вместе с Западом кризис барокко и ампира, русские церковные архитекторы обратились к Средним векам в поисках вдохновения. Стали сооружаться многочисленные храмы в неовизантийском и неорусском стиле…»

Теперь обращаемся к конкретному храму. Данный объект я выбрал по трем причинам: его судьба схожа с судьбою Иерусалимского Храма; он самый, пожалуй, снимаемый объект на территории Москвы; храм в двух своих обликах пребывал в разных средах: среде старорусского города XIX века и среде мегаполиса века XXI.
В настоящий момент я говорю только о съемке внешнего вида объекта: фотографирование интерьеров – тема отдельная.
О снимаемом объекте надо хотя бы что-то знать. В энциклопедии черпаем следующую информацию:
Храм Христа Спасителя строился с 1839 по 1883 гг. Замысел возведения в Москве грандиозного храма в честь победы над французами и изгнания их из России возник уже в 1812 году, а 12 октября 1813 года была совершена торжественная закладка фундамента храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Величественное здание первоначально планировалось строить по проекту архитектора А.Л.Витберга, победившему в конкурсе. Планировалось нижней частью храма сделать всю Воробьеву гору, в ней поместить усыпальницу всех погибших в войне с Наполеоном. Этому масштабному проекту было не суждено осуществиться – вначале Витберг попал в немилость при дворе Николая I, а потом, в 1827 г., грунты Воробьевой горы начали оседать, и строительство пришлось вовсе прекратить. В 1832 г. был принят новый проект храма Христа Спасителя. Автором его явился архитектор К.А.Тон. Новое место для храма выбирал лично император Николай I. Этим местом стала территория древнего Алексеевского монастыря, который было решено перенести в Красное село (нынешний Ново-Алексеевский монастырь). Бытует предание о словах, произнесенных настоятельницей монастыря после получения этого известия в 1836 году: «Быть сему месту пусту!». Правда это или нет – неизвестно… Основой стиля храма был выбран византийский. Фасады храма со всех четырех сторон были одинаковы по форме и украшены барельефами, изображающими картины Священного Писания. Строился храм Христа Спасителя почти 50 лет. Примерно еще столько же он простоял действующим… Уже в 1922 г. впервые зашла речь о создании Дворца Советов («Дома СССР»). После этого проект на восемь лет заглох, и вспомнили о нем только в 1931 г. Место было выбрано не случайно: высокий, величественный храм был виден отовсюду и был символом недавнего прошлого. Замена храма Христа Спасителя Дворцом Советов была бы событием, знаменующим переход к новой жизни. На месте разрушенного храма началось возведение Дворца Советов по проекту Иофана. Шло оно медленно, а в 1941 г. и вовсе прекратилось, и на пустыре остались торчать сваи, постепенно растащенные для более насущных нужд города. После окончания Великой Отечественной войны к постройке Дворца Советов на этом месте никто не возвращался. Вместо него здесь построили огромный бассейн «Москва». В 1989 г. было принято

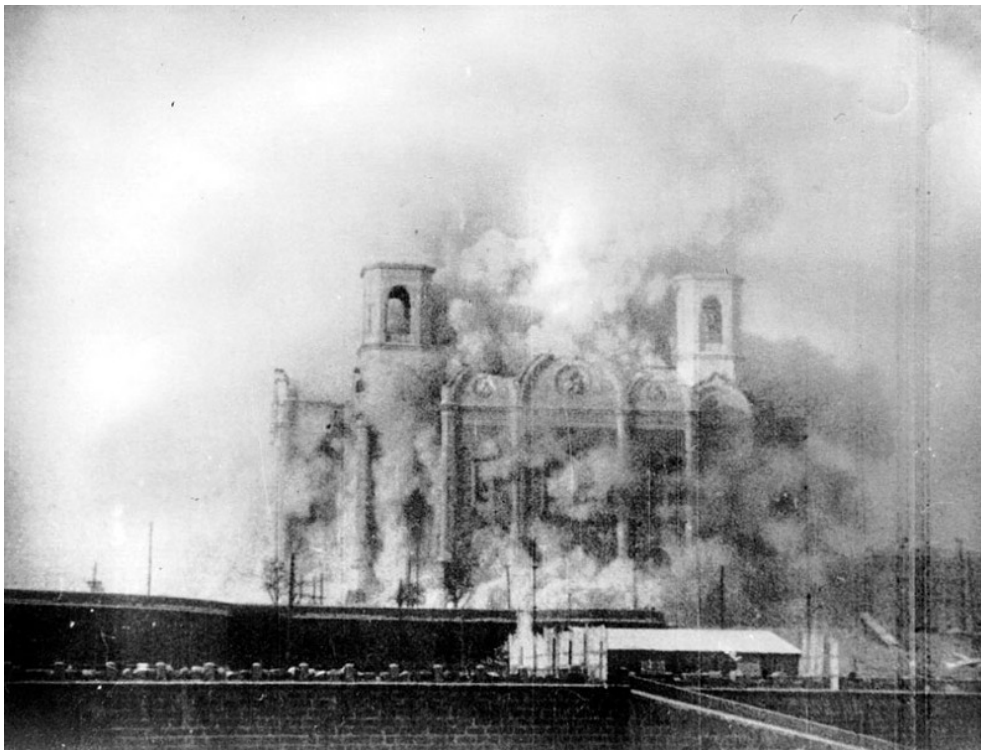
решение о восстановлении храма Христа Спасителя в точном соответствии с тем, каким он был, и в 1990г. с востока от бассейна был установлен закладной камень. В 1994г. началась разборка бассейна «Москва», и уже через три месяца, 7 января 1995г. был заложен первый камень в фундамент возрождаемого храма. Строительство шло намного быстрее, чем в XIX веке. Уже в декабре 2000г. все работы по внешней и внутренней отделке были полностью завершены.
А вот Иисакия в Петербурге, своеобразного двойника храма Христа Спасителя, пожалели, это сооружение не ждала столь драматичная судьба. Должен заметить: К. Тоном было создано несколько проектов храмов в псевдовизантийском стиле. Их строили по всей стране, как сейчас в Москве возводят т.н. «модульные» храмы. Сотни «псевдовизантийских» громадин! Вот одна из них, в станице Нижнекундрюченская, что на Дону:

Посмотрите фото храма Христа Спасителя времени строительства:

Хочу обратить ваше внимание: храм в XIX веке являлся ВТОРОЙ (после Кремлевского комплекса) архитектурной доминантой города. Для тогдашней Москвы – сооружение титаническое.

А вот 20-е годы; храм уже стоит неухоженный, практически мертвый:

Момент взрыва храма:



Молодежь приветствует борьбу с «мракобесием»:

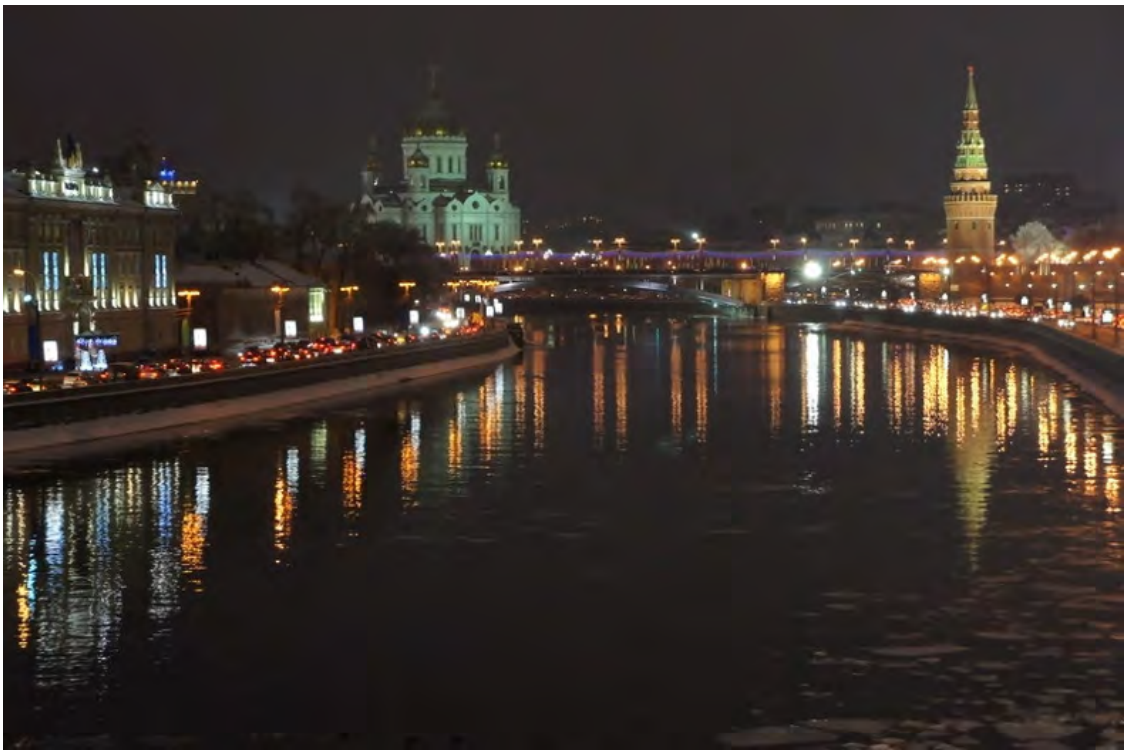
Планировалось воздвигнуть вот это:

По сути, должен был появиться храм коммунизма, с идолом наверху. Любопытная идея. Чуть позже, когда мы приступим к практике, мы увидим, что идея «идолизации» все же была реализована.

Ну, что ж… храма тоталитаризма не получилось, возник храм спорта:

Лично мое детство связано именно с бассейном «Москва». Школьные уроки физкультуры у нас зимой проходили именно здесь. Да, была тогда в ходу песенка: «Был я несмышлен и мал, слышал от родителя, как родитель мой ломал храм Христа Спасителя…» Однако, о кощунстве тогда не думалось. Хороший был бассейн. Пусть в позднее время его сравнили с образом ада, где в чане варятся грешники… ныне такого бассейна в столице нет. Всякие аквапарки – тоже неплохо. Но что-то в них есть «не наше», чуждое русскому духу.

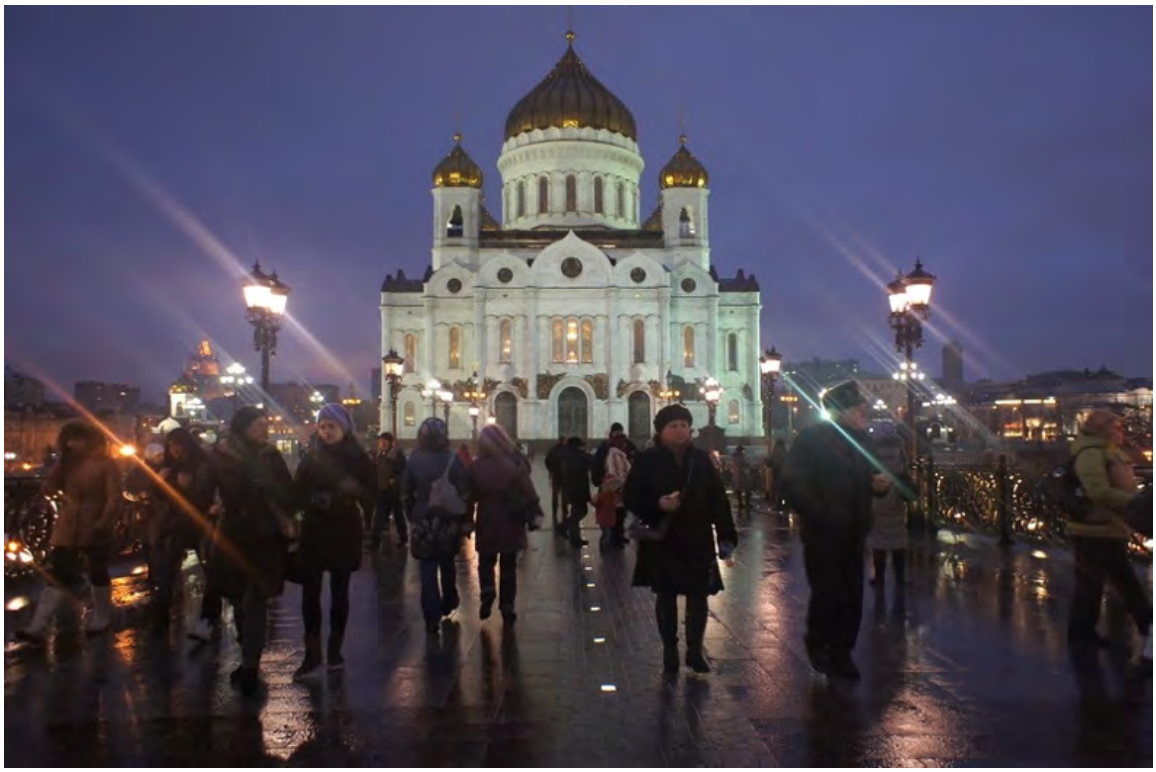
Итак, взгляните на эту стандартную «открытку»:



Пожалуй, с данного ракурса (Большой Москворецкий мост) храм продолжает смотреться архитектурной доминантой. Он подсвечивается в темное время суток – это важно для ночной съемки и значительно облегчает задачу фотографа.
Старая поговорка: молодцу все к лицу. Соответствует ли она истине в нашем варианте? При каждом ли ракурсе, во всякой ли среде храм Христа Спасителя хорош? По идее это – задача архитектора. Если у архитектурного строения есть «неудачный» ракурс – это ошибка создателя. Например, у людей почти всегда есть неудачные ракурсы. Вспомните, например, портреты Владимира Путина в «фас»… меня, к примеру, это ужасает. Еще смею напомнить, что менеджеры «звезд» частенько запрещают снимать своих «подопечных» с определенных ракурсов. Да-а-а… люди – не слишком совершенные творения. Даже, кстати, молодцы, которым по идее должно быть все к лицу.
Если судить совсем уж строго, архитектура храма Христа Спасителя холодна. Практически, и глазу-то зацепиться не за что. Архитектоника «круг-квадрат-крест» выдумана вовсе не К.Тоном. Осмелюсь сказать: храм до гениальности прост. В моих лично представлениях, данное сооружение – более образ, нежели арх-объект.

Проиллюстрирую свою мысль фото:

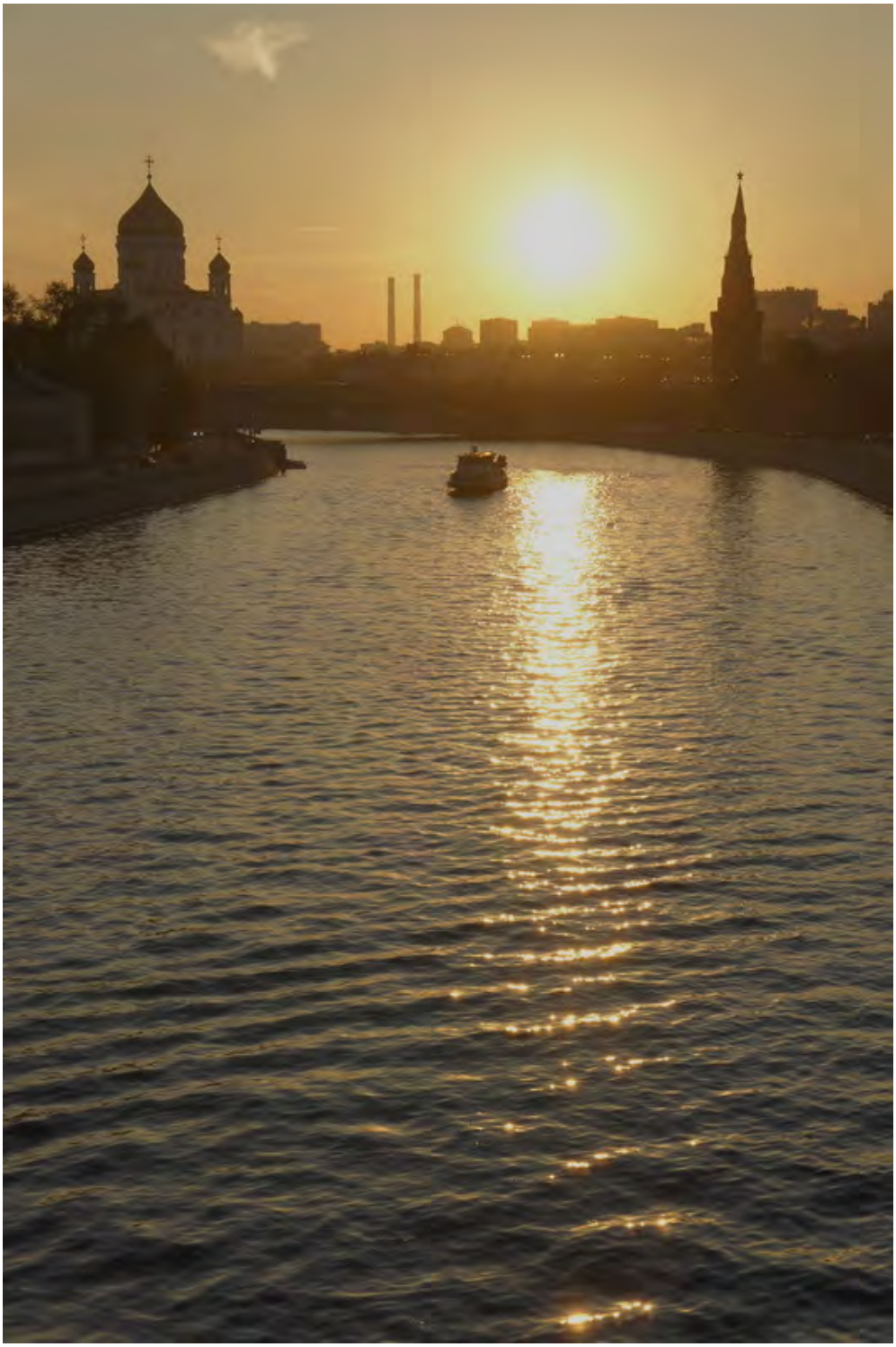
Вообще, изображение храма Христа Спасителя можно встретить порой в самых неожиданных местах. Чаще всего – на пасхальных яйцах (иногда даже на матрешках). По сути храм Христа Спасителя – даже бренд. Посмотрите на этот «стандартный» ракурс:



А теперь переведите взгляд на этот кадр:

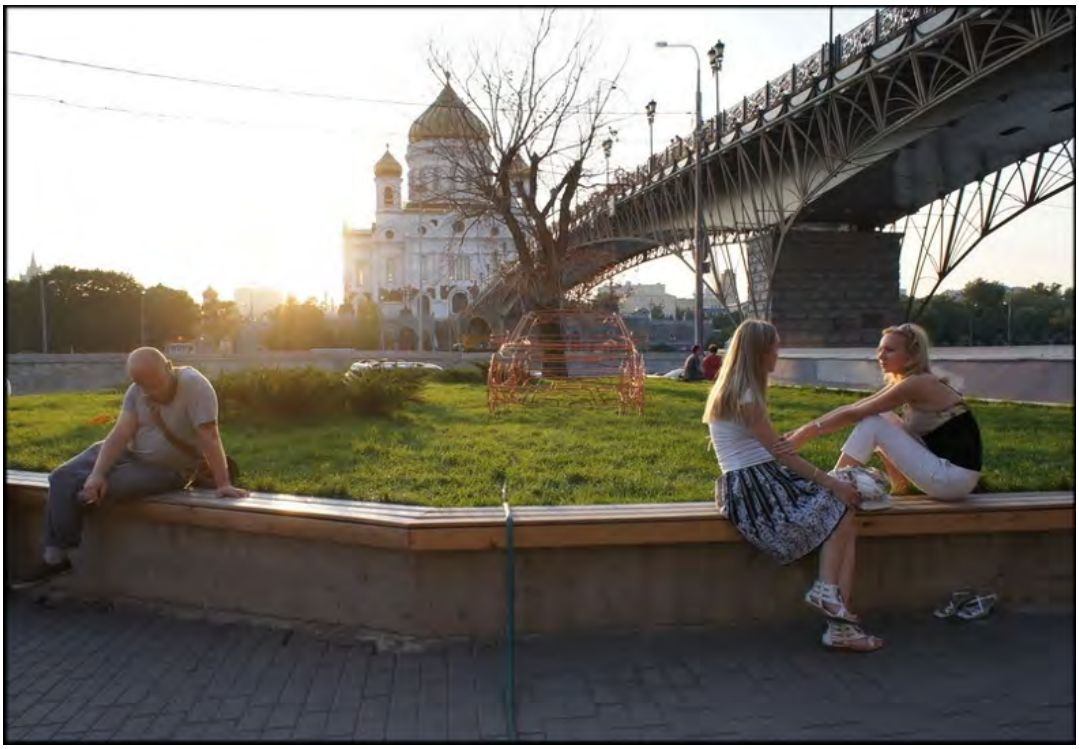
В архитектонике я лично большой разницы с Тадж-Махалом не вижу. Две самые существенные разницы: 1. Тадж-Махал – продукт исламской культуры; 2. Тадж-Махал – аутентичное строение. А храм Христа Спасителя, напомню, - современный муляж, который даже не входит в каталог ЮНЕСКО в качестве памятника архитектуры.
В самой первой части данной работы мы уже «изгалялись» над объектом «храм» сквозь призму стакана, представляя его «игрушкой». Если говорить строго, для фотографии всякий объект – игрушка, с которой можно экспериментировать.

Вот тот же примерно ракурс, как и на «открытке», только другое время года и в иное время дня:



Помню, замечательный фотограф Володя Жаров рассказывал мне о таком случае. Он

работал в одном немецком журнале и ему дали задание снять гостиницу «Украина». Три дня он ходил вокруг да около, применил весь свой фотографический арсенал, который у Володи весьма богат. Но в журнале пошел снимок совсем другого автора. Тот снял гостиницу в лучах заката. Она казалась кроваво-красной. Видимо, так немцы видели архитектуру тоталитаризма… Замечу: поставленный в журнал снимок не являлся лучшим. Он удовлетворил вкус редактора – не более того. В том-то и ловушка профессиональной (даже творческой) фотографии – она всегда призвана удовлетворять чьи-то вкусы.
Оно конечно, можно следовать старой песне Макаревича: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир – пусть лучше мир прогнется под нас!» Но в жизни такого момента ты вряд ли дождешься. Один из миллиона дорастает до уровня, когда автор сам диктует вкусы обществу. Все остальные девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек вынуждены подделываться под МАТРИЦУ. Это ужасный факт. Но это правда.
Вот, сняли мы храм (да, весь город, в сущности) в закатном солнце. И кому это надо? Ответ: только тебе. Ну, и тусовке какого-нибудь популярного интернет ресурса, на котором вся критика сводится только к двум замечаниям: «баланс белого хромает» и «горизонт завален». Но я сейчас в сущности спекулирую. На самом деле, если у тебя нет заказа снять именно храм Христа Спасителя – может, сосредоточиться на чем-то ином? Вот теперь поразмышляем, причем, с фотокамерой в руках. Вот жанровый снимок:



Чем здесь является храм? Скорее всего, это элемент композиции. Еще – знак. Одинокий мужчина, две женщины. Кстати, закатное солнце. Патриарший мост – он тоже «читается» как знак. Если мысленно храм убрать – композиция «развалится». Получается, храм – всего лишь «элемент». Основной? Да нет…

Еще один «композиционный» снимок:

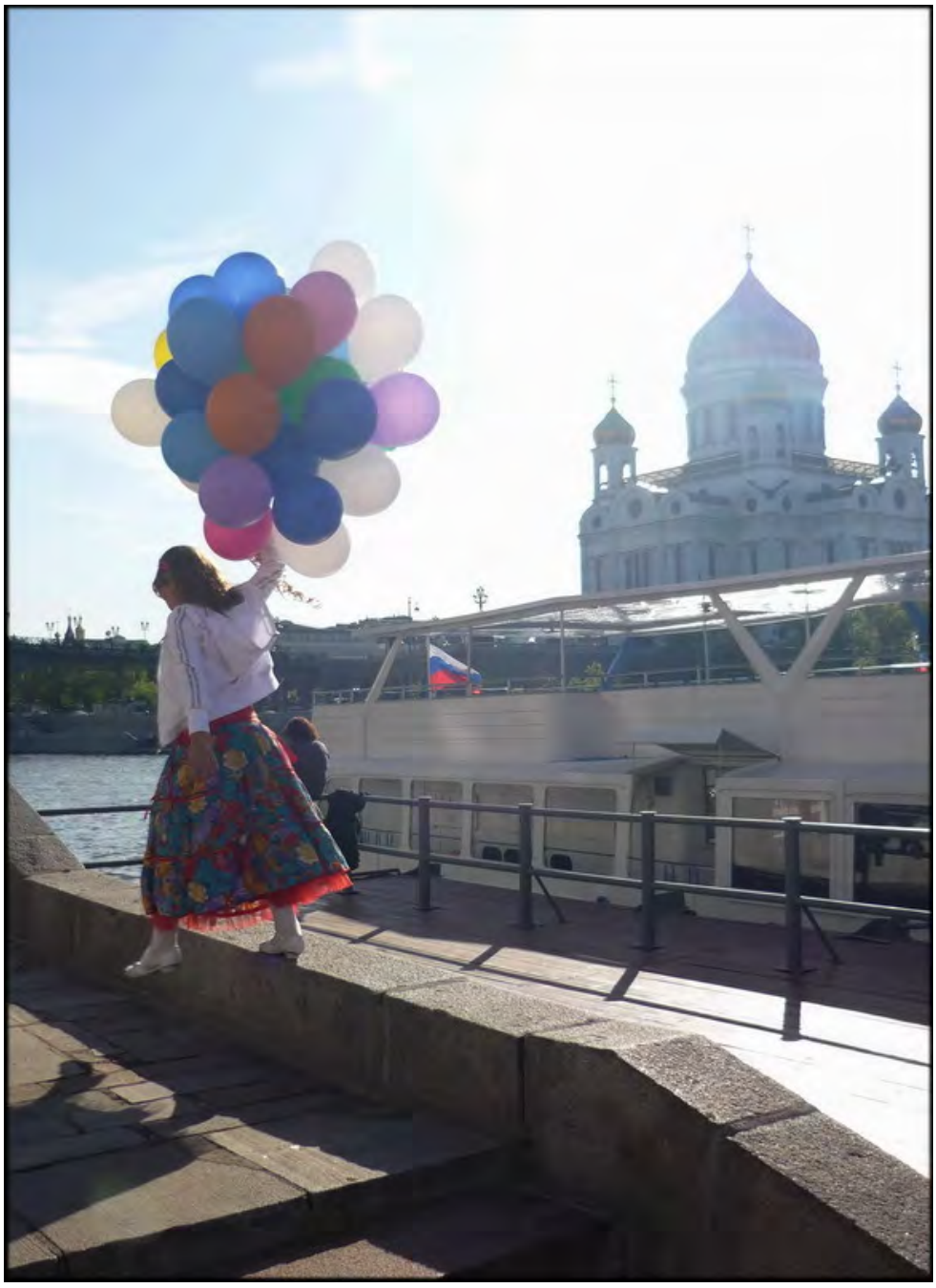
Помните, я говорил об идолах, точнее, об идоле, который хотел возникнуть на месте разрушенного Первого храма Христа Спасителя? Вот, получите идола… За счет ракурса, точки съемки я показал как уродливое властвует над прекрасным. Прекрасным? Все познается в сравнении: храм Христа Спасителя действительно необыкновенно прекрасен!

Ну, чем не иллюстрация простой истины, что простота не только хуже воровства, но еще и признак гениальности? Творение Церетели потому и ужасно, что слишком «наворочено».

Тот же сюжет, но при ночном освещении:

Здесь отмечу одну досаду, мешающую фотографам всегда: как мешают в городе провода! Конечно, «фотошоп» легко все исправит. Но ведь мы, кажется, не о ретуши говорим, а о выразительности в творческой фотографии…

Вот снимок снова чисто «композиционный»:



Здесь мы видим взаимодействие в кадре двух объектов: девочки с шарами и храмом. На самом деле, объектов больше, и они мешают: речной трамвайчик, российский флаг и фигурка женщины, «высовывающаяся» из-за девочки (снимок непостановочный – а потому все предусмотреть и грамотно «выстроить» весьма затруднительно). Незыблемость храма и подвижная фигура ребенка – вот визуальная основа «сообщения», которое содержит кадр. По идее, храм может быть любым. Факт, что именно вокруг храма Христа Спасителя достаточно много пространства, чтобы искать необычные сюжеты. «Необычные сюжеты»? Тогда при чем здесь вообще храм? Здесь-то мы как раз

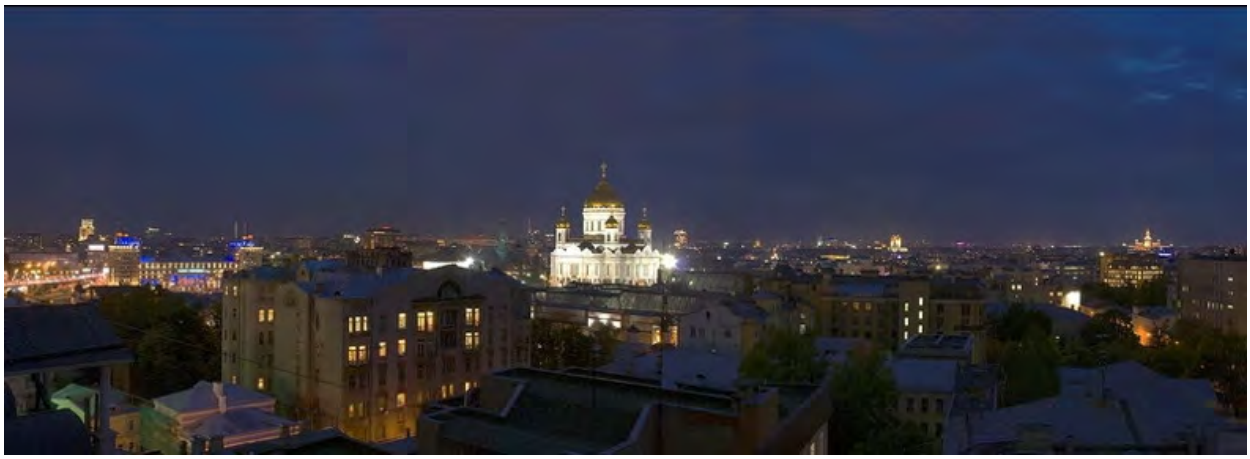
приближаемся к истине. Простите за банальность: художник (в том числе и творчески мыслящий фотограф) рассказывает не о конкретном явлении событии, или реальном объекте. Он самовыражается, раскрывает СВОЙ внутренний мир. В том числе, и посредством изображения объектов (в том числе и людей). Мы ведь на самом деле хотим в лучших своих произведениях передать некие сокровенные свои знания о жизни, о бытии, о мироздании. Раскрыть свои чувства, ощущения, чаяния, переживания.
Да, это на более сухом языке называется: «передача информации». Информация бывает и духовного свойства. Журналистика так же передает информацию. Но, так сказать, напрямую, минуя «художественное осмысление». И не случайно в творческой фотографии возникло понятие «документальная фотография». Это в сущности разновидность фотографии художественной – только без насилия над фиксируемой реальностью. Потому-то «фотодокументалисты» и являются апологетами пленки, «аналоговой фотографии» - что пленку весьма непросто подделать, применить «фотошоп». Это, на мой взгляд, ошибка, ибо современные технологии позволяют фальсифицировать в том числе и фотонегатив. Корень проблемы лежит в иной плоскости: современный медиамир виртуален по сути. Правда в том, что современный храм Христа Спасителя – высокотехнологичное архитектурное творение, имеющее не так много общего с оригиналом, как это думается навскидку. По внешности – это муляж. По внутренности – сооружение, построенное и функционирующее в духе технологий конца XX века. В частности, обеспечен отдельный, безопасный доступ первых лиц государства – так, чтобы не было контакта с «плебсом». Некоторые считают, что храм именно для того и был возрожден, чтобы власть была одновременно на виду (у телезрителя) и защищена от вероятных конфликтов с рядовыми прихожанами. Напомню: до воссоздания храма президент и окружение вынуждены были стоять «со свечками как со стаканами» (так однажды выразился покойный генерал Лебедь) в пределе Елоховского собора. Этим и объясняется странность восприятия храма. «Медиа-храм»? Вообще говоря, смотрится он почти что видением. Ну, и не лишен он своеобразного флера «православного гламура».

Еще один ракурс:

Храм я как бы отдалил – да еще дождался, когда его немного заслонит троллейбус. То, есть, я от конкретного ушел к абстрактному. Как раз конкретна здесь девица в неглиже на рекламе. Сам храм стал более таинственным, отстраненным. Вальтер Беньямин называл этот эффект «аурой» - ощущением «далекого, каким бы близким оно не было». Такой процесс вполне можно назвать и одухотворением.

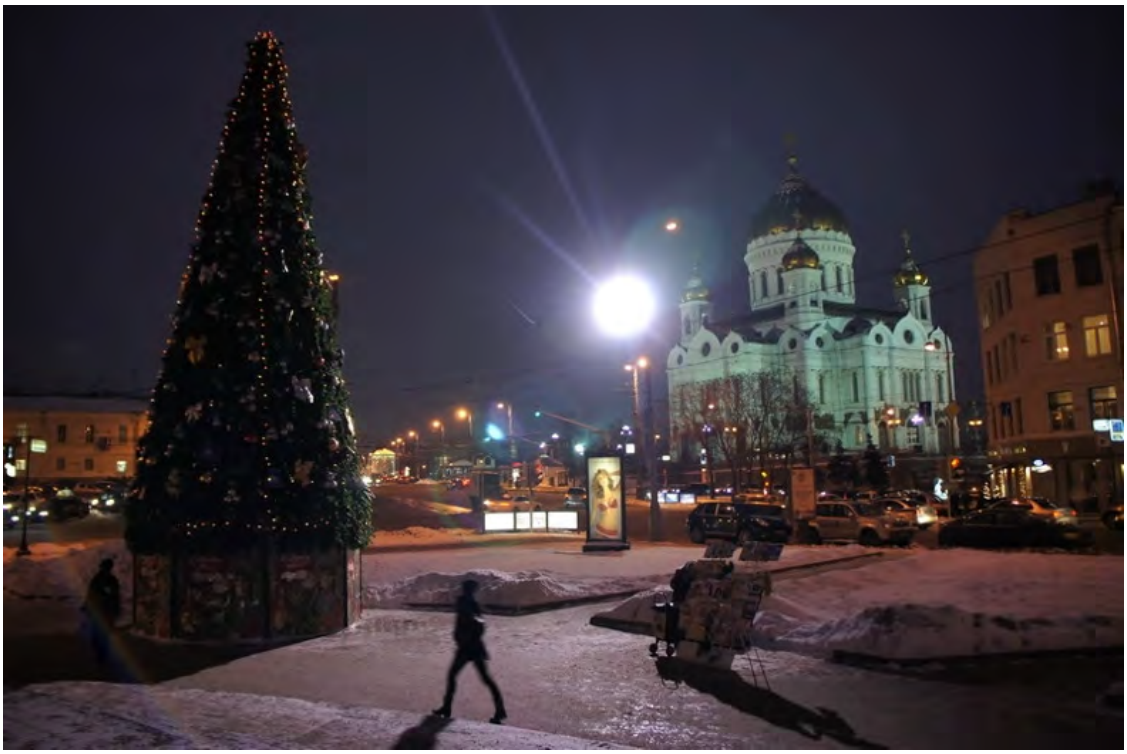
Профи знают: храмы, замки, дворцы лучше снимать издали. Во-первых, нет перспективных искажений, а во-вторых, архитектура воспринимается более целостно. Выигрышна верхняя точка.

Вот панорама:



Согласитесь, красиво. Но все же это такая «рождественская (пасхальная) открытка», не более того. Иначе говоря, коммерческое фото. Заказчику понравится… Зато уж точно можно сказать, о чем данный снимок: он о том, как красив храм Христа Спасителя в вечернюю пору. И еще о том, что он до сих пор остается одной из архитектурных доминант Москвы. Таковы все «правильные» снимки: они не допускают двоякого толкования.

Еще сюжет:



Профессионал и продвинутый любитель скажут: «Храм ты, батенька, завалил!» И будет прав. Нехорошо заваливать архитектурные сооружения – получается какая-то «пизанская башня». Но ведь и елка завалена – особенность широкоугольного объектива. Неприменим «ширик» для съемки архитектуры… Хотя, сей тезис можно и оспорить.

Но здесь я хотел бы обратить ваше внимание на визуальные соответствия: ель в кадре так же выглядит архитектурным сооружением, вполне совершенным конусом. Да, представьте себе: все, что выпячивается из земли, «читается» на изображении как арх-объект. Недавно установлено, что Сфинкс в египетской Пизе – обработанная естественная скала. Елка, на мой взгляд, - более совершенная форма по сравнению с храмом. Вы меня уж извините, но по контрасту с конусом (напомню – пирамида так же гениально примитивна) храм Христа Спасителя смотрится уж больно вычурным.

Что-то в этом снимке меня раздражает… Ах, да: цвета! Та же навязчивая реклама, к примеру…

Уберем цвета:

Да: пожалуй, в черно-белом варианте формы «читаются» более явно. Может быть, яркий источник света мешает… О чем эта фотография? Да, просто о зимнем городе. Наверняка она сильно перегружена. И главное: нет сюжетно важной детали. Например, в снимке, где девочка с шарами, есть сюжетно важная деталь. Здесь же ее нет.

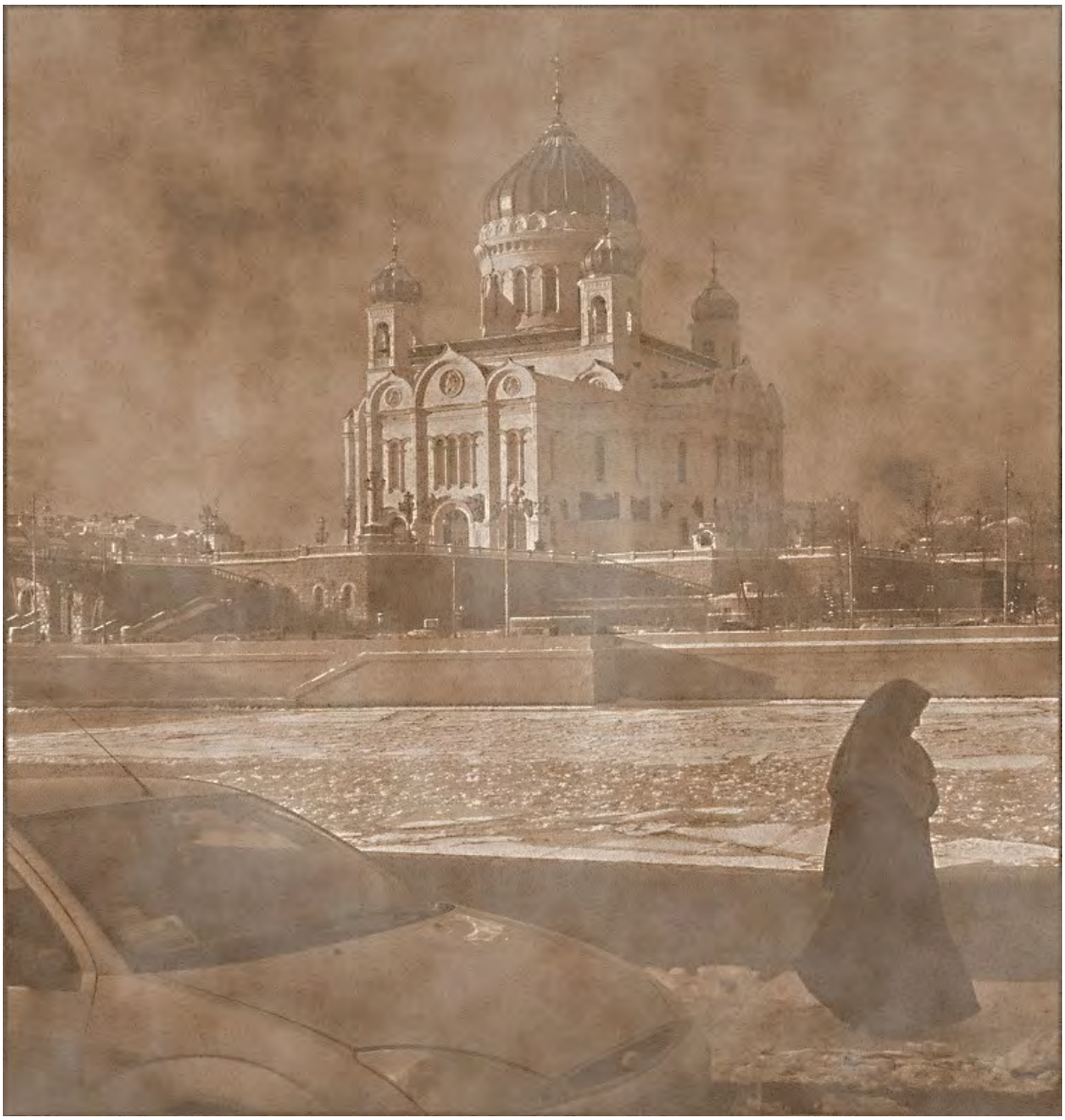
Ладно… посмотрим еще один штамп:

Здесь добавляется социальный оттенок – надпись «продажа». Можно было бы поискать интересное отражение и в луже. Но я лично пока что удачной лужи не обнаружил. В смысле той лужи, в которой красиво отражается именно храм Христа Спасителя.

Еще один кадр:

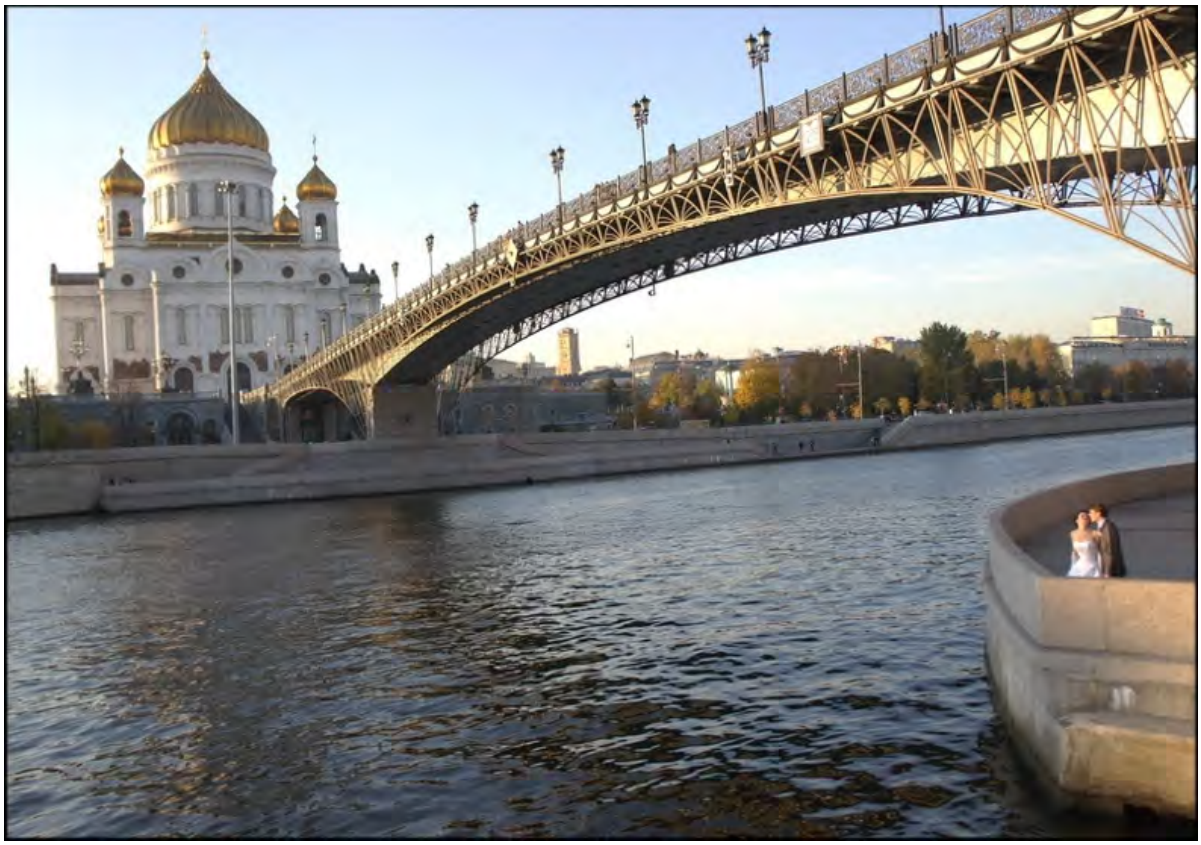
Нет, в каком-то смысле машина заполняет угол, который мог бы быть пустым. Ну, я не хочу же имитировать прекрасный XIX век… Или все же хочу? «Под старину» - тоже можно. Типа «винтаж»… Еще можно моноклем поснимать…

Или «закосить» под амбротипию:



Но это ведь не наш путь? Существуют сотни цифровых фильтров. Но это все – имитация. Как в сущности имитацией является снимаемый нами храм… Именно про него Б.Г. в 90-е пел: «Турки строят нам муляж Святой Руси за полчаса…»

А вот вариация стандартного сюжета «двое и храм»:



Ну, для гламурного свадебного фотографа пойдет. Именно что вариант для «фоток.ру». Красивенько – но чуток подташнивает.

Теперь немножечко поговорим о среде. Напомню вам смог лета 2010 года:

Согласитесь: поволока добавляет таинственности объекту, который, если уж говорить честно, сам по себе скучен. Храм просто «набил оскомину» нашему глазу – его катастрофически много. Хам сказал бы запросто: «Да он достал уже!»

Никогда не задумывались о созвучности слов «храм» и «хам»?

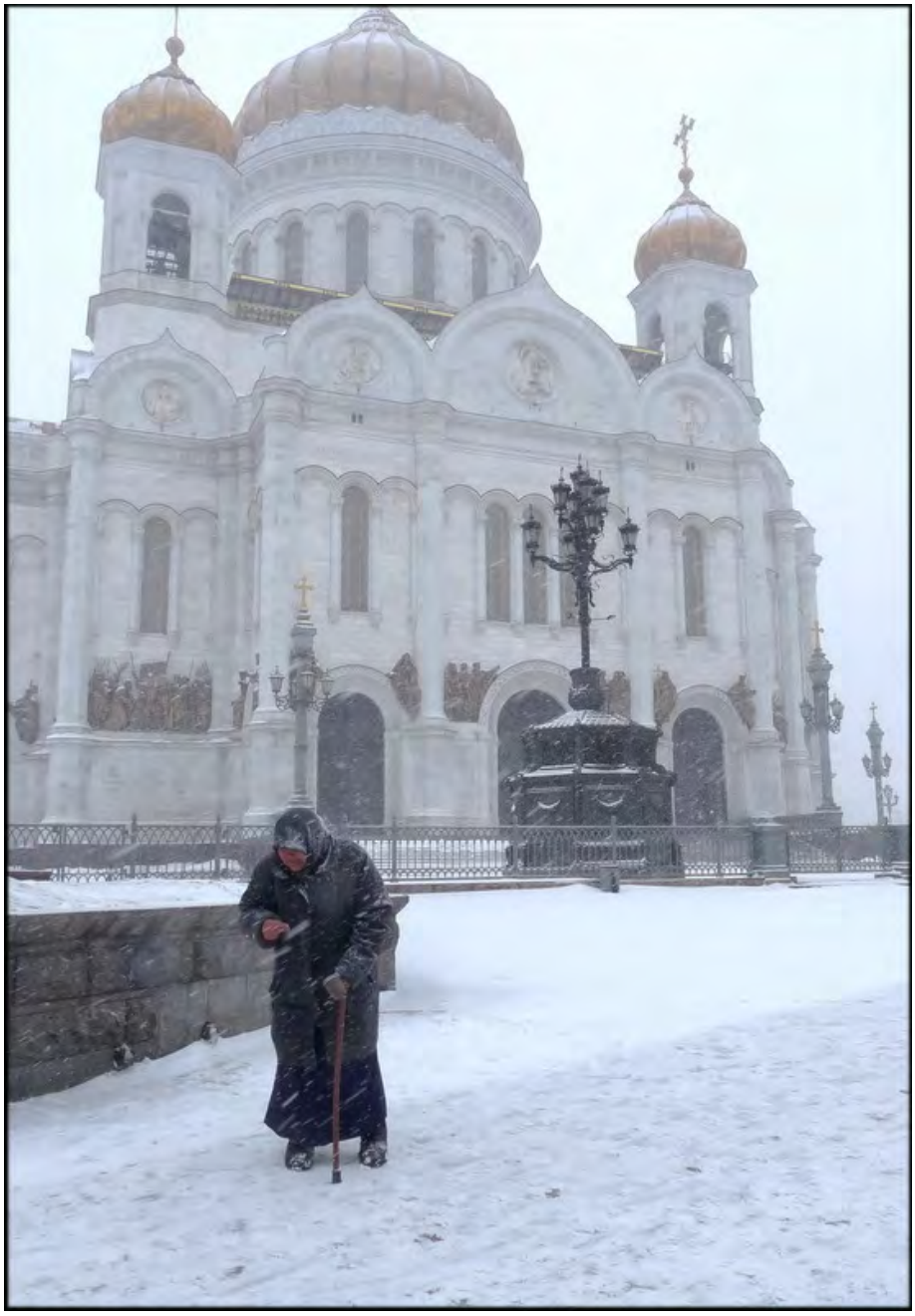
Но среда – фактор сам по себе интересный и для фотографии полезный. Например, пошел снег:

И уже появилось особое настроение. Однако, здесь я хочу отметить одну мою ошибку. До сих пор мы изучали, пробовали снимать объект в целом. А ведь у него есть фрагменты! Да, они не столь разнообразны, как, например, у Нотр Дам де Пари. Но все же они имеются! Посетите еще раз столичный Донской монастырь – и всмотритесь в сохранившиеся фрагменты старого храма Христа Спасителя… Мы же не забываем, что всякий объект состоит из микрообъектов… фрактальное мышление. Прошу заметить: лишенные гламурного лоска, вещи приобретают особую ауру… подлинности.

А вот как раз фрагмент современного объекта:

Если бы не дети – полная… простите, ни одного цензурного слова не подберу.

Посмотрите на этот, весьма драматичный сюжет:



Настроение подчеркивает сильный снегопад. Осадки – тоже среда. Я лично снегопады очень люблю, даже жду таких дней, когда с небес валят белоснежные хлопья. В данном случае хочу обсудить с вами одну проблему. Старое правило: не срезай кресты у церквей. Здесь кресты срезаны. Хорошо ли это? Я считаю – по крайней мере, неплохо. Потому что храм на данном снимке более знак, нежели объект. Если понятно, что это храм, зачем давать его целиком?

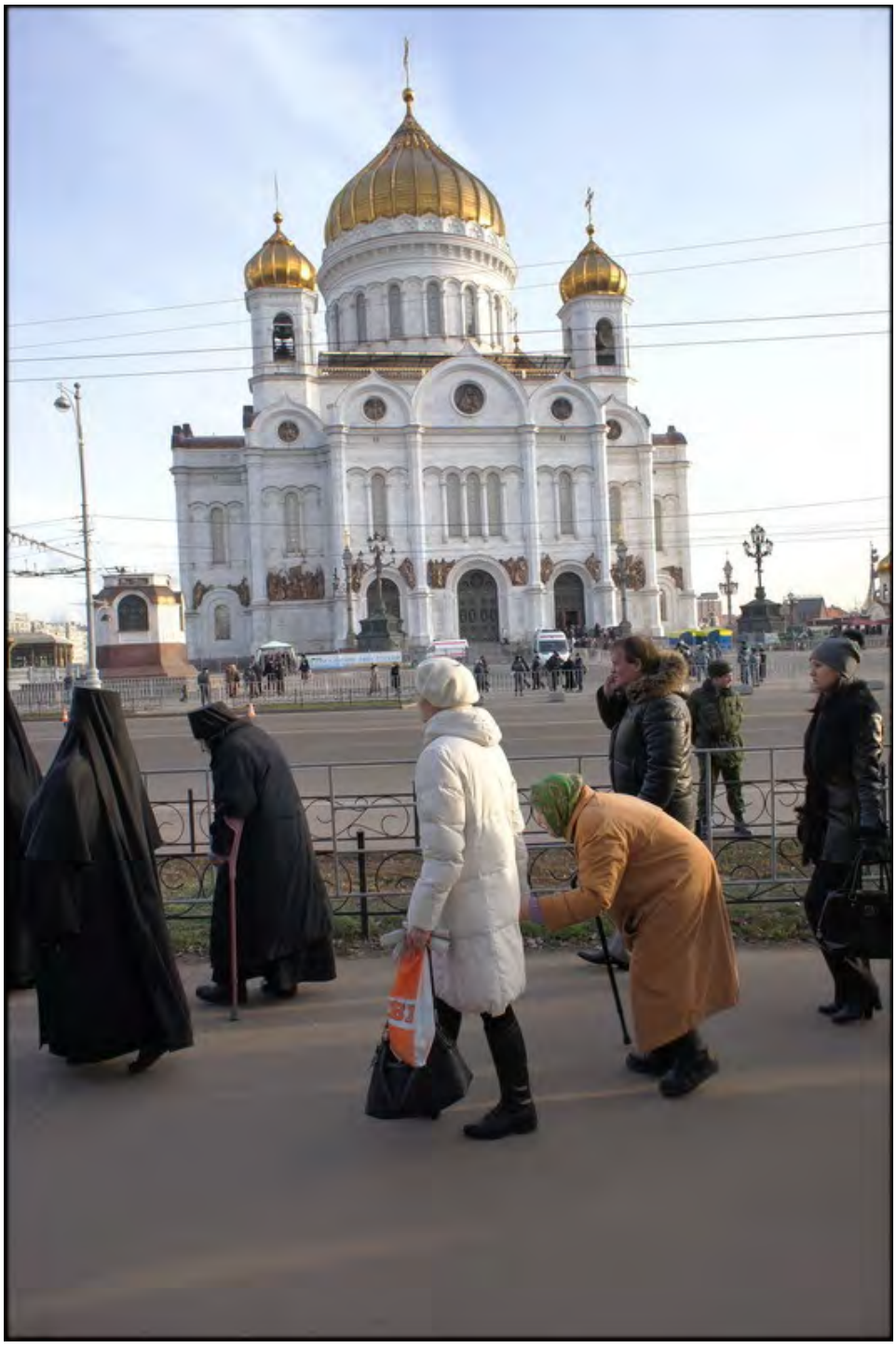
Урбанистический пейзаж:

Заметьте: храм Христа Спасителя – объект довольно виртуальный. В одних случаях он выглядит банальным, а здесь он прекрасен. Почему? Да просто в данном кадре все остальные объекты ужасны и безобразны. Все познается в сравнении…

А как вам этот репортажный кадр:

Я заведомо даю в ч/б. Сами наверняка знаете, почему. Или не знаете? Объясню на другом примере.

Посмотрите на данный снимок:



Вроде бы, все нормально. Но мне мешает сущая мелочь: яркий пакет в руке у женщины в

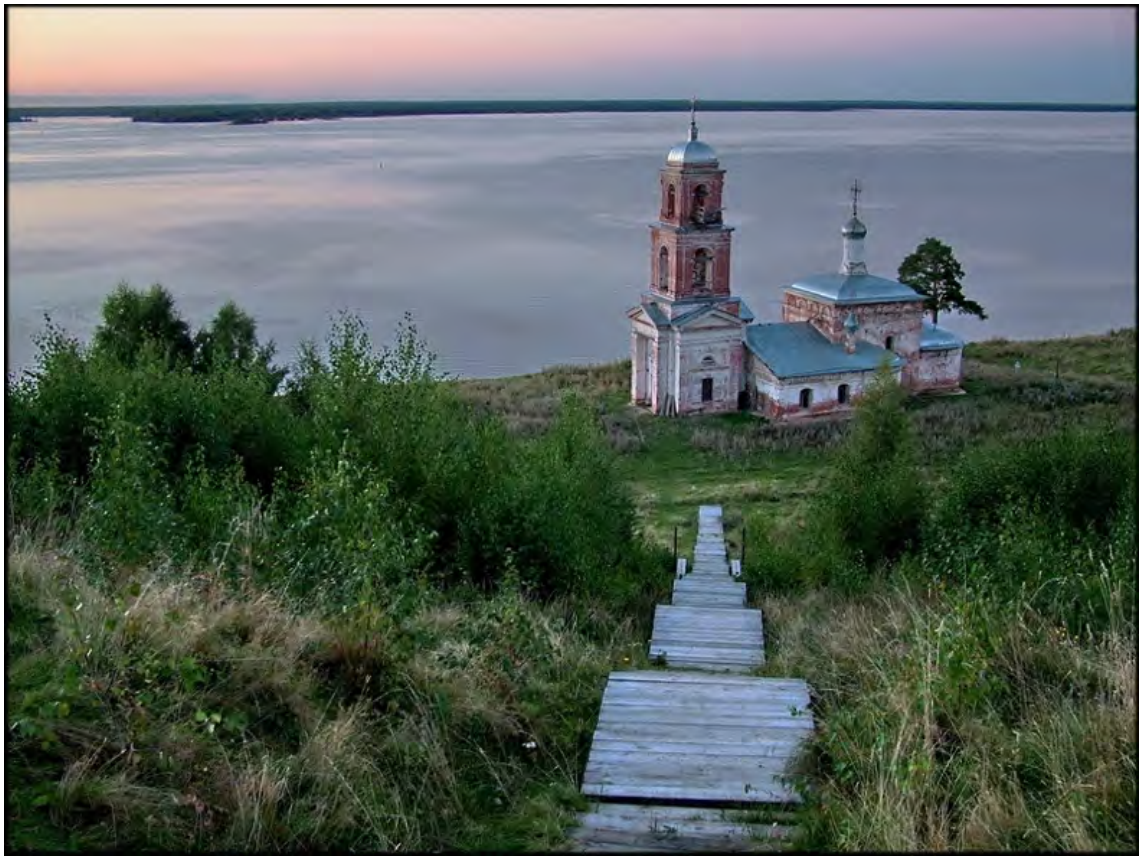
белой куртке. Хоть застрели – но он слишком привлекает мой взор. Вот ведь как эдакая пустяковина способна испортить кадр...

Переведем в ч/б:

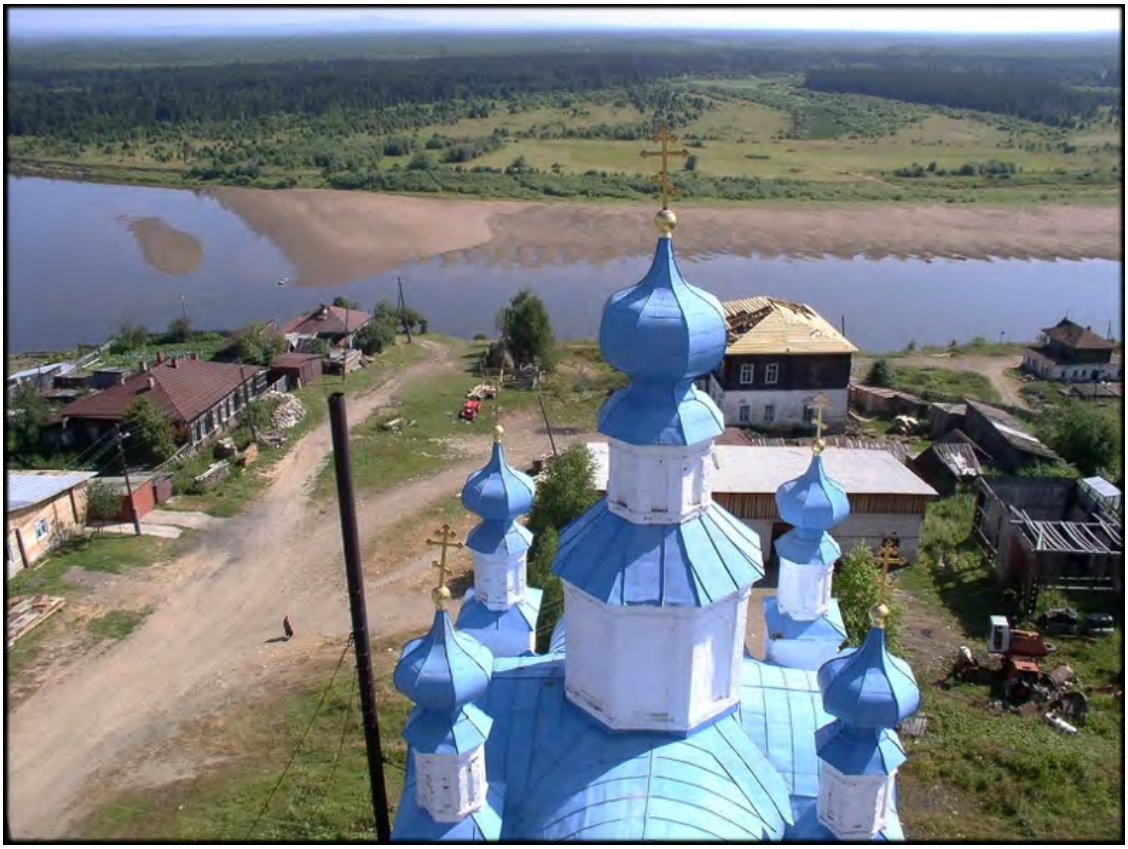
И проблема снята. И даже золото куполов вовсе, оказывается не нужно.
Все… устал я от съемок храма. Надо отдохнуть и фонтану.

Еще цитата из книги Александра Меня: «Совсем иное звучание приобретает силуэт церкви где-нибудь на холме, в окружении деревьев. Здесь гимн человека во славу Творца как бы сливается с гимном самого мироздания. Сельские храмы не выглядят сурово. Они овеяны той же умиротворенной красотой, что и окружающий пейзаж…»
Давайте вглядимся в умиротворенную красоту…

г. Каргополь



пос. Васильсурск



г. Чердынь

с. Верховажье

с. Ермолово

Главная площадь планеты Пандора

Бертольд Брехт когда-то выдумал теорию очуждения (параллельно Виктор Шкловский разработал теорию остранения). Там все просто. Мы живем в довольно тесных рамках стереотипов, отчего весьма ограничиваются наши возможности, в том числе - возможности духовного роста. Вещи, люди, прочие существа или явления нами понимаются ограниченно. Примеры: тараканы - паразиты, водка - зло, Путин - диктатор, фотография - искусство и т.п. Не слишком комфортно для психики воспринимать реальность в полутонах и в натуральных цветах (например, сталинский режим понимать как исключительно царство тоталитаризма), но люди мыслящие все же приучаются судить "pro et contra", взвешивая факты и делая самостоятельные выводы. Да, это трудно, необходимо заставлять свой мозг работать. Но, исключив заранее приготовленные (кем-то?) удобоваримые схемы, мы приобретаем шанс испытать великое счастье открытия. Его вероятность, честно говоря, не слишком высока. Но она все же есть, а открытие – великое все же счастье.
Это касается не только "весов истории". В искусстве так же приемлем принцип полутонов. Причем, в искусстве легче, нежели в науке, ибо мы можем положиться не на набор фактов (которые несложно подтасовать), а на собственные чувства и ощущения. "Остранение" - это отдаление от объекта, попытка представить его странным, незнакомым. Художник становится "инопланетянином", впервые увидевшим ЭТО и тщащимся понять ЕГО смысл и предназначение.
Близко по смыслу слово "очуждение", однако, оно неверно передает суть процесса, обо то, что нам чуждо, не пробуждает в нас эмоций. Ныне модная брутальность как раз и зиждется на очуждении. Неплохой пример - фильм Кемерона "Аватар": группа землян видит в чужой планете источник ресурсов, аборигены же являются препятствием к их добыче. И только один человек проникается особенностями малоизученной цивилизации На'ви и пытается понять...
В творческой фотографии, в особенности в тревел-фото, очень часто бывает так, что автор попадает в совершенно чуждую ему среду. В совсем уж дикие места, население которых неадекватно, фотографы, как правило, не суются. Ну, разве только, в сопровождении охраны, желательно, вооруженной. Ну и, естественно, толковый путешествующий фотограф (а не тоскующий от безделья фототурист) изучает нравы населения, выясняя прежде всего, не является ли в очередном "зоопарке" фотографическая съемка табу. Я не случайно применил слово "зоопарк": мы зачастую даже в деревню, лежащую в ближайшем пригороде, приезжаем как в экзотическую страну. Разве вы не наблюдали "крутых" фотографов, вооруженных новейшими... нет, не стрелялками да пулялками, а фотогаджетами, которые таскаются по весям яко Рембо? Не встречали подобных монстров? А я, дак, - много раз. Они мне всегда напоминают высокопрофессионального борца с паразитами из фильма "Мышиная охота".
Но мы, собственно, не обязаны постигать чуждый нам мир. Наша задача - создать ряд фотографических произведений, желательно - выдающихся. И, поверьте, художественное качество фоторабот мало будет зависеть от уровня твоего познания планеты Пандоры. Ну, или любого другого мира. От чего же - тогда? Оригинален не буду: от умения внятно фотографически выражаться.
Однако, всякий художник, в том числе и творчески мотивированный фотограф,

обязательно в своих твореньях выразит личное отношение к объектам, людям или явлениям, которые он имел честь наблюдать и фиксировать. Порой, даже психоаналитик не нужен, чтобы не только раскрыть по работам автора его личностные характеристики, но даже понять, что он на самом деле думает - как о тех, кого он снимает, так и о мире вообще. Собственно, все большие художники как раз и отличаются умением четко выразить свое отношение к объекту. Небольшие художники тоже могут, но получается это у них коряво и нерегулярно. (Позволю себе фривольное сравнение: хороший и плохой любовники отличаются примерно тем же.)
А вот профессиональный фотограф (по крайней мере, фотожурналист) выражает в фотоработах отношение к данному объекту... заказчика. В этом он сродни, простите, проститутке. Впрочем, не я ведь выдумал, что журналистика - вторая древнейшая профессия. Поступил заказ: сделать репортаж о том, что племя Оматикайя - сборище отвратительных уродов, пожирающих своих детей. Ну, и... "лабают пацаны правельный контент". Последствия? Ну, ежели задумываться о всяких заморочках, жалелки не хватит. Профи должен исполнять заказ, а не рассуждать о смысле и прочих философиях. Так же как, к примеру, палач.
Теперь обратимся к очередному объекту. Им станет главная площадь нашей самой большой на планете Земля страны. Попробуем применить теорию остранения (очуждения) на практике. Представим, что мы прилетели на таинственную планету Гея, и попали на одну из площадей в этот момент:

Да-а-а... "хочется чего-нибудь такого. Земного..." Веселая планетка! Детальное изучение вопроса показывает: дикие танцы устраиваются возле гробницы, внутри которой лежит законсервированное тело человека, которого в относительно недавнее время почитали за вечно живого бога. Помните старинную мантру: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Для специалиста по цивилизациям смена трендов идолопоклонства - нормальное

явление. Вероятно, не только человечество воздвигает идолов, ну, а по прошествии некоторого времени дружно смеется, расставаясь со своим мрачным пошлым. А вероятен иной вариант объяснения смысла изображенного: радостная вакханалия у гроба предка - дань памяти хорошему человеку и знак глубочайшего уважения. Кто ж их разберет, таинственных обитателей веселой планеты Гея – тех, кто из племени россиян... Снимок получат видные геологи (специалисты по планете Гея) и начнут выдвигать гипотезы. Тризна? Праздник урожая? Инаугурация? Версий может быть тысяча, и всякая может подтвердиться - но только в результате сбора и анализа дополнительной информации.
Итак, объект вышеозначенное племя россиян именует "Красной площадью". Он представляет собой умощенный камнем прямоугольный участок, примыкающий к укрепленному городищу, именуемому "Кремлем". Красная площадь обрамлена архитектурными объектами различного назначения. К крепостной стене примыкает некрополь. Для почетного вождя воздвигнута пирамида - по типу древнеегипетских. Имеется существенное различие: гробницы фараонов замуровывались, а к мумии вождя для россиян и вообще всех людей открыт доступ, причем, мзда за вход в усыпальницу не взимается. Близ пирамиды можно увидеть скромные захоронения вождей рангом пониже. Есть сведения, что преемник верховного вождя после своей кончины бы так же удостоен чести помещения в ту же гробницу. Однако, очень скоро он был официально лишен ранга божества, и его тело закопали подле. В стену крепости замурованы останки деятелей государства, которое объединяет племя россиян и защищает их интересы. Довольно часто племя демонстрирует свою военную мощь. Вдоль некрополя стройными рядами проходят солдаты, проезжает военная техника. Именно потому площадь и умощена камнем: так легче переносить изрядную нагрузку. В последнее время при демонстрации силы пирамиду старательно маскируют, из чего можно сделать вывод: верования россиян несколько изменились и в пантеоне русских богов произошли заметные ротации.
Кстати, о верованиях. По периметру объекта можно обнаружить сооружения, назначение которых - сугубо религиозное. Их два. Если учесть, что Красная площадь является неким сакральным местом россиян, напрашивается вывод: в стране доминируют две религии. Либо (при условии, что гробница так же является объектом, внутри которого свершаются некие таинства) каждое святилище посвящено конкретному божеству единой религии.
А вот напротив крепостной стены - крупный торговый центр, в котором продаются товары, предназначенные для высших слоев российского общества. Если судить по степени украшенности фасада (а торжище буквально лоснится и блещет иллюминацией), получается, божество торговли (как вариант - достатка) явно не уступает конкурентам в значимости в глазах членов племени россиян, что подтверждает сам факт нахождения "храма потребления" в столь почетном месте.
С Севера Красную площадь ограничивает музей истории племени россиян. Исходя из того, что туда пускают за плату, можно сделать вывод: данный объект не является для россиян священным. Есть на Красной площади памятник, видимо, античным героям. Как минимум, фигуры двух воинов облачены в одеяния древних римлян, из чего можно сделать вывод: россияне желают подчеркнуть древность своего племени и показать, что они являются преемниками некоей архаичной культуры. Здесь могут помочь дополнительные сведения: город, в котором находится объект «Красная площадь», имеет второе, сакральное название, которое упоминается в священных текстах россииян: "Третий Рим".
Таково краткое, поверхностное описание объекта "Красная площадь". Ну, конечно, с точки зрения инопланетянина, слабо знакомого с нашей культурой и совершенно не понимающего контекст. Кто-то скажет: "Натуральный стеб!" Отвечу: в крайне незначительной степени. Я просто применил на практике теорию остранения, взглянул на главную площадь страны Россия по возможности свежо. Ну, это - в текстах, бумага все стерпит. А как на наш объект посмотреть свежо фотографически? Ну, там все снято - и переснято, причем, миллион раз. Ракурсы спасут едва ли. Ситуации? Может быть. В конце

концов, всякий уважающий себя репортер мечтает снять человека, который себя на Красной площади... сжигает. Да, звучит цинично. Но мы здесь, кажется, не собираемся упражняться в ханжестве. Иначе зачем тогда на "Уорлдпрессфото" присуждать гран-при кадрам, на которых горят (взрываются, тонут, падают в пропасть - варианты прилагаются...) люди?
Итак, оценим объект "Красная площадь" чисто с фотографической точки зрения. Как единое целое, он воспринимается ну, с громадным трудом. Сплошная эклектика, нагромождение по периметру объектов визуально противоречивых. Сравните, например, Покровский собор с мавзолеем. В советский период храм Василия Блаженного именно потому и хотели снести, что он уж слишком диссонировал с идеей некрополя вождей. "Мешает транспорту" - это была отмазка. Не снесли же Лобное место:

Хочу заметить: снимок так же ситуационный. Туда же запрещено влезать, будто это какое-то языческое капище. Люди на Лобном месте - нарушение привычного хода вещей. В этом "изюминка" данной фотографии. Но человеку, не знакомому с нравами планеты Панд... тьфу!.. с обычаями, царящими на Красной площади, данное фотопроизведение не скажет НИ О ЧЕМ.
Итак: нагромождение разнохарактерных форм, преимущественно красный цвет строений... Признайтесь: вам приятно было бы находиться в комнате кирпично-красного цвета? Кто бывал в Бутырской тюрьме или Крестах, меня поймет. Общее и единое для Красной площади, пожалуй - фактура. Брусчатка - первый и самый, на мой взгляд, важнейший признак нашего объекта. Редчайший, кстати, случай: фактура не только характеризует объект, но и выступает в роли знака.
Теперь о Красной площади как об объекте нематериальном. Лобное место - единственный стационарный объект Красной площади, находящийся не на периметре, а внутри него. Многие сей факт пытаются осмыслить. Например, и памятник "римским патрициям" Минину и Пожарскому изначально был установлен не в ограде Покоровского собора, а

внутри периметра площади, это при советах его перенесли. Да и вообще - при царе Красная площадь являлась торжищем, свое "сакральное" значение она приобрела после физической смерти вождя племени росси... то есть, мирового пролетариата. Просто, посмотрите старые фотографии с Красной площади. Там вы увидите, что часть площади является проезжей частью.

Так вот - про Лобное место. В народе бытует миф, что это плаха, на которой сносили головы врагам народа, то есть, противникам режима. Миф выгоден власти: люди видят ПЛАХУ и помнят, чем кончается смута. Настоящий центр страны россиян - Соборная площадь Кремля. А на Лобное место, на торжище, к черни выходили глашатаи и зачитывали царские указы. Казнили чаще всего на Болотной площади.
То есть, к чему я все это: современный ансамбль Красной площади - объект, несущий идеологический "massage". Простите за использование иноязычного слова, но, замечу, слово "идеология" тоже нерусское, а именно - греческое. Красная площадь - символ имперского самодержавия. Жуткое на самом деле место, даже экстрасенсы об этом говорят.
Теперь задаю провокационный вопрос: а не мешают знания контекста непосредственному восприятию объекта? Я не знаю. Полезно посмотреть на объект и пристрастно, и очужденно. Посмотрите на этот снимок:

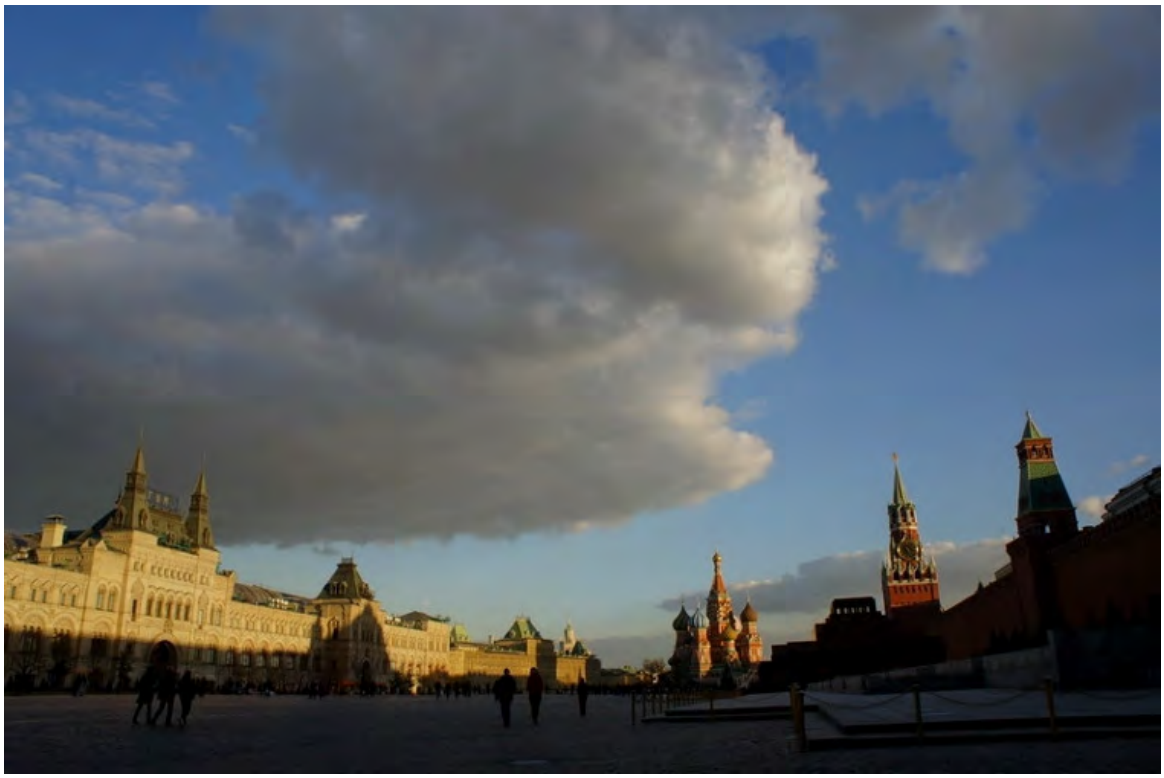
Кто не знает истории племени россиян, вообще ничего не поймет. А вот я представляю себе, что дед этот прошел ГУЛАГ, и у него специфическое отношение и к вождю, и к его культу. Снимок, кстати, сделан в 1991 году, накануне путча. Здесь я вижу даже не ситуацию, а историю. Мавзолей здесь - знак. Так же как и мент - тоже знак. Можно ли этот снимок назвать: "Красная площадь"? Думаю, да: фотография именно о ней. Поскольку Красная площадь - мировой бренд, содержание, вложенное в снимок, будет понятным всякому образованному землянину. А вот инопланетянин не поймет ни черта. Слишком мало информации в нем содержится об объекте "Красная площадь".
Еще один старый снимок:

Он из разряда тех, которые в фотожурналистике называются: кадр-символ. "Собачья стая на брусчатке Красной площади" - вот, собственно, и все содержание. Помните, я говорил о мечте всякого фоторепортера снять горящего на главной площади страны человека? Это из той же оперы. Когда я работал репортером, коллеги и об этом мечтали. Многим, кстати, удавалось (я про собак, конечно). А вот этот жанровый снимок с Красной площади мне, ну, очень дорог:

Он рассказывает о людях. Если собаки и ныне вполне могут зайти в пространство "магического брусчатого прямоугольника, нищим и бродячим музыкантам вряд ли дозволят здесь "тусануться". Откровенно говоря, на этой фотографии наш объект предстает в несколько странном свете - как место сборища маргиналов. Странном? Не это ли - пресловутый процесс остранения? Как здесь все камерно, по-домашнему... Особенно меня трогает собачонка, пригретая на груди старушки. Но самое главное в этом снимке, на мой взгляд, - образ нищей, обманутой страны. Будто случилась ядерная война, выжившие выбрались на свет Божий, устроились на солнышке... А там еще и часовой возле Спасской башни стоит, охраняет покой живых вождей. Или я фантазирую? Здесь образ: крепость, а пред ее стен - простые люди. На мой взгляд, в этом суть главной площади страны и ее «визуальный мотив». Кстати, обратите внимание на здание над мавзолеем: это впоследствии снесенная гостиница "Интурист". Может, когда-нибудь ликвидируют и прочую хрень, поганящую облик старой Москвы…
А вот другой жанровый снимок с Красной площади:

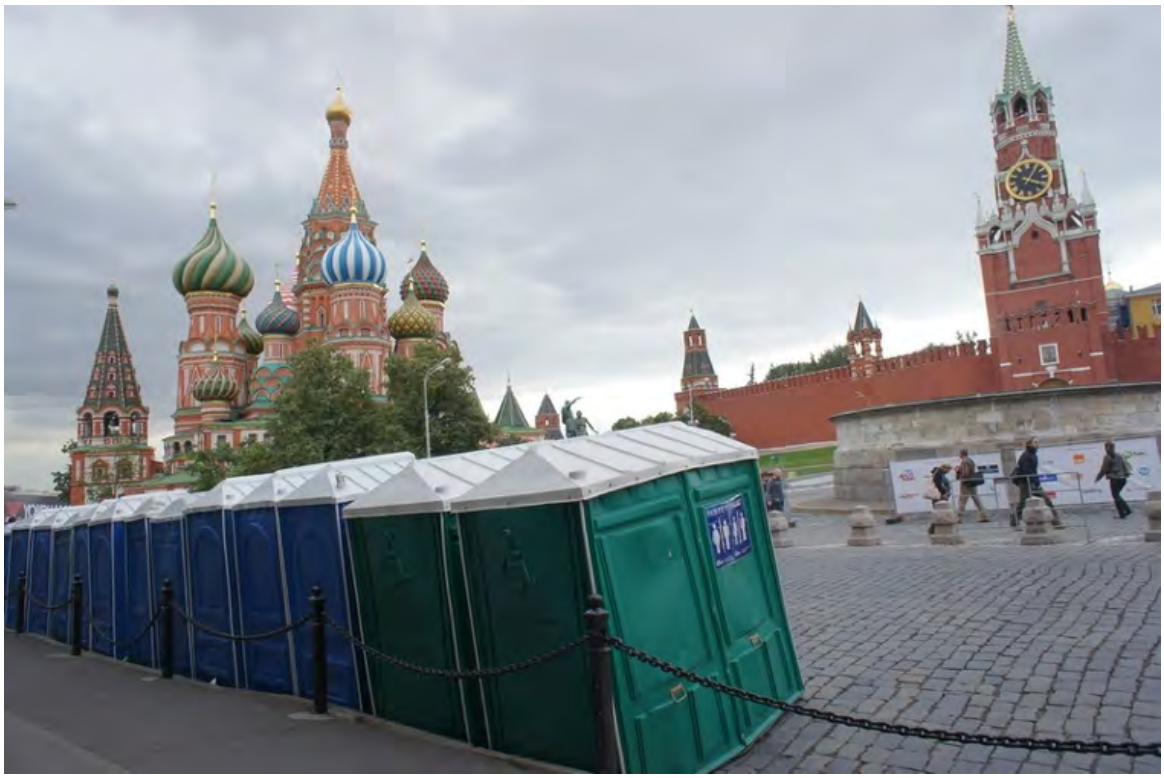
Так сказать, разнонаправленное движенье. Объекты площади - всего лишь антураж. Однако, весьма значимый. Представьте себе подобный сюжет в иной среде. Вот именно: оказывается, Красная площадь - не только объект, но и среда! Пекинская площадь Тяньанмынь - тоже особая среда. Кстати, и находится она так же подле обиталища (бывшего) китайского императора, Запретного города. Думаю, Красная площадь – это «азиатчина», место, на котором всякий смерд должен испытывать раболепный трепет пред святынями государства. На нашей площади, что "подле замка верховных вождей", все же кипит во всем своем разнообразии подлинная жизнь простого народа. Если, конечно, площадь не закрыли для проведения политического или культурного мероприятия.
Вот, мы с удивлением смотрим по телевизору репортажи о тоталитарных действах на площади в столице Северной Кореи. Мы наблюдаем испуганных рабов, старательно демонстрирующих нечеловеческую любовь к своему вождю и солнцу нации. Мне лично жалко этих людей. Подозреваю, северные корейцы считают, что им выпало великое счастье приветствовать руководителей партии и правительства. Сдается мне, северные корейцы - не пионеры подобных кошмаров. Их "перфомансы" лишь калька с массовок, которые когда-то проводились в фашистской Германии и СССР.
Давно ли я, слившись каплей с организованным потоком масс, протекал по Красной площади, приветствуя отцов нации, махающих ручищами с трибуны мавзолея? Прекрасно помню, что я тогда чувствовал: душевный подъем, подобострастие. Еще одно воспоминание - из детства. В начальной школе я учился неплохо, и был удостоен чести быть принятым в пионеры в день рождения вождя, прямо перед его гробницей. А после торжественного действа нас провели в чрево пирамиды и показали труп Ленина. Ощущения - жуткие. Но это был один из счастливейших дней моей жизни. Я пешком с Красной площади буквально парил до дома - куртка нараспашку, чтоб все видели галстук,

морда наверняка как масленичный блин... И как я могу скверно относиться к главной площади моей страны? К слову сказать: в пионерах я скатился на тройки - считай, почетное право быть принятым в организацию юных ленинцев у саркофага вождя пользы Гене Михееву не принесло.
Теперь обратимся к современной съемке объекта "Красная площадь". Вот стандартный "пейзаж":



Все контуры узнаваемы, закатное солнце весьма удачно их подсветило. И... не более того. Красивая открытка. Как там обычно говорится: ни уму, ни сердцу. Красочная иллюстрация к поэме советского поэта Роберта Рождественского "Двести десять шагов" (была такая - про Красную площадь и славную историю советской державы). Осмелюсь высказаться некорректно: освети закатным солнцем Кресты, или, прости Господи, Освенцим – тоже будет красивенько смотреться. Фотография вообще фиксирует видимость – это факт. В суть проникает автор, художник. При помощи выразительных средств Мастер скажет все, что он думает о той же Красной площади. Если, конечно, он хотя бы что-то думает.

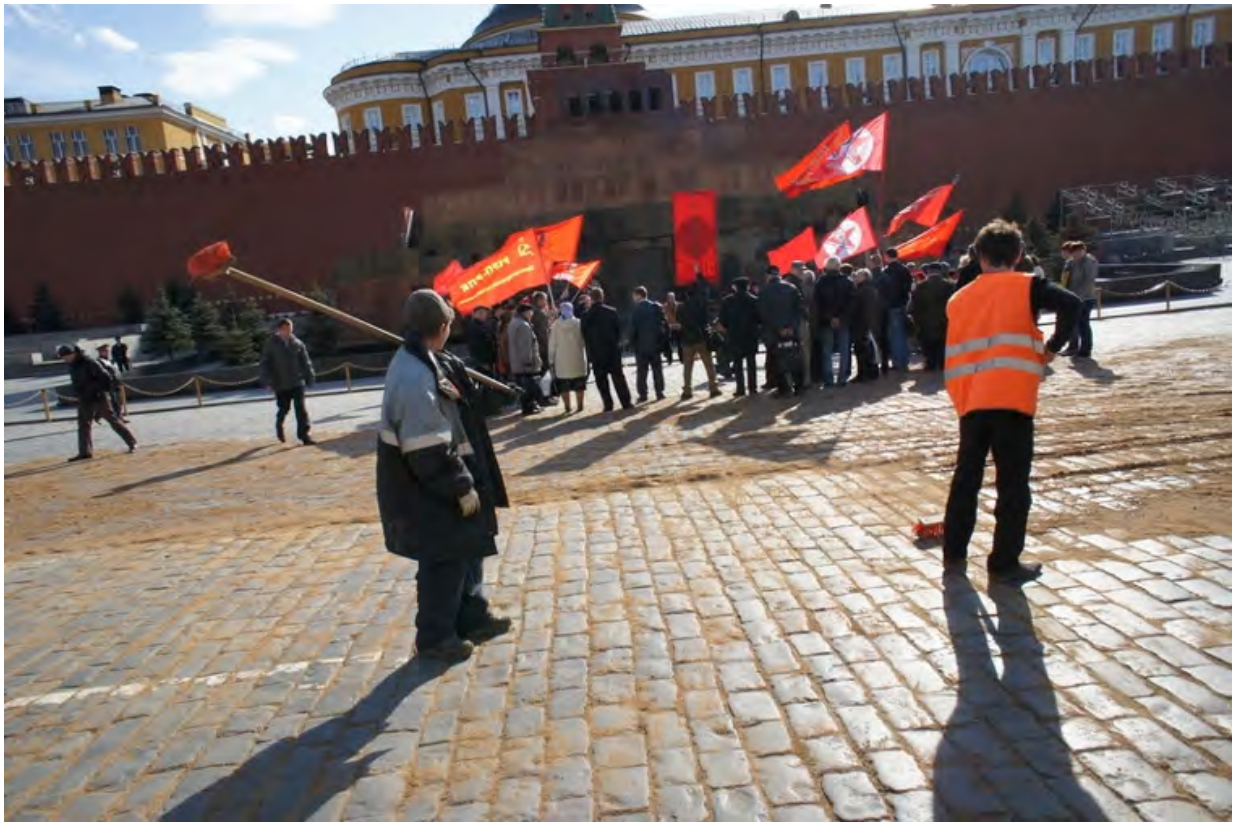
Следующий кадр:

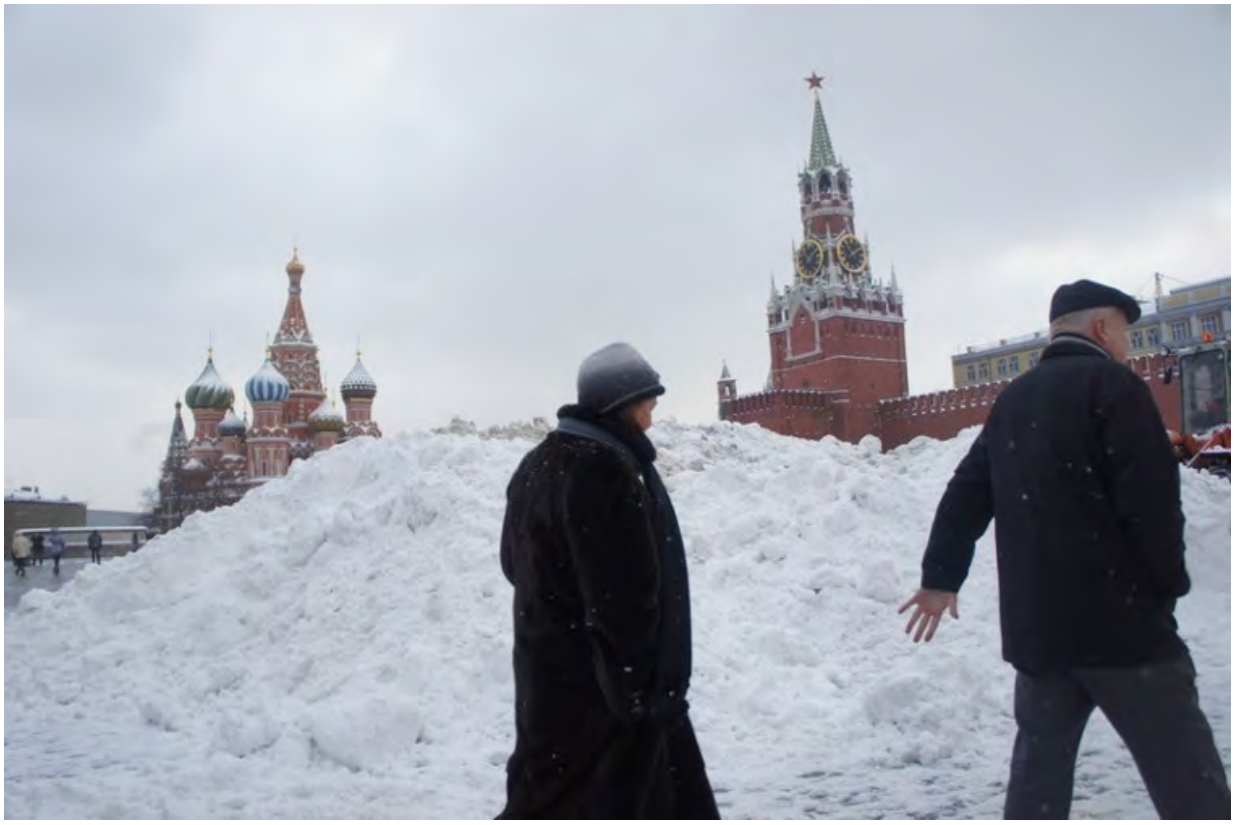


Что бы подумал инопланетянин, увидевший в священном месте будки для оправления естественных нужд? Мне сразу вспомнился роман Владимира Войновича «Москва-2042»: там по сюжету из недр нашей страны выкачали все углеводороды, а у правительства контракты на поставку нефти и газа на Запад. И россиян обязывают сдавать экскременты – их перерабатывают в нефть и гонят по трубам на экспорт. Снимок – будто иллюстрация антиутопии. А что на самом деле? Просто, очередное мероприятие на Красной площади – вот и все. А вот, ежели снимок переживет наше время, потомки могут подумать: «Ну и свиньями были предки!»

Далее – серия «милитаристских» снимков:

Строго говоря, бред. Вспоминается опять же Войнович, а именно «Чонкин». Снимки – с репетиции парада, но, если отвлечься, - нечто северкорейское во всем этом есть. То есть, тоталитарное. Просто, абстрагируйтесь от ситуации. Захват Кремля? Учения? Съемки кино? По любому – абсурд. Потому что солдатики с серьезными лицами творят абсолютную глупость.
Еще одна подборка разноплановых снимков:





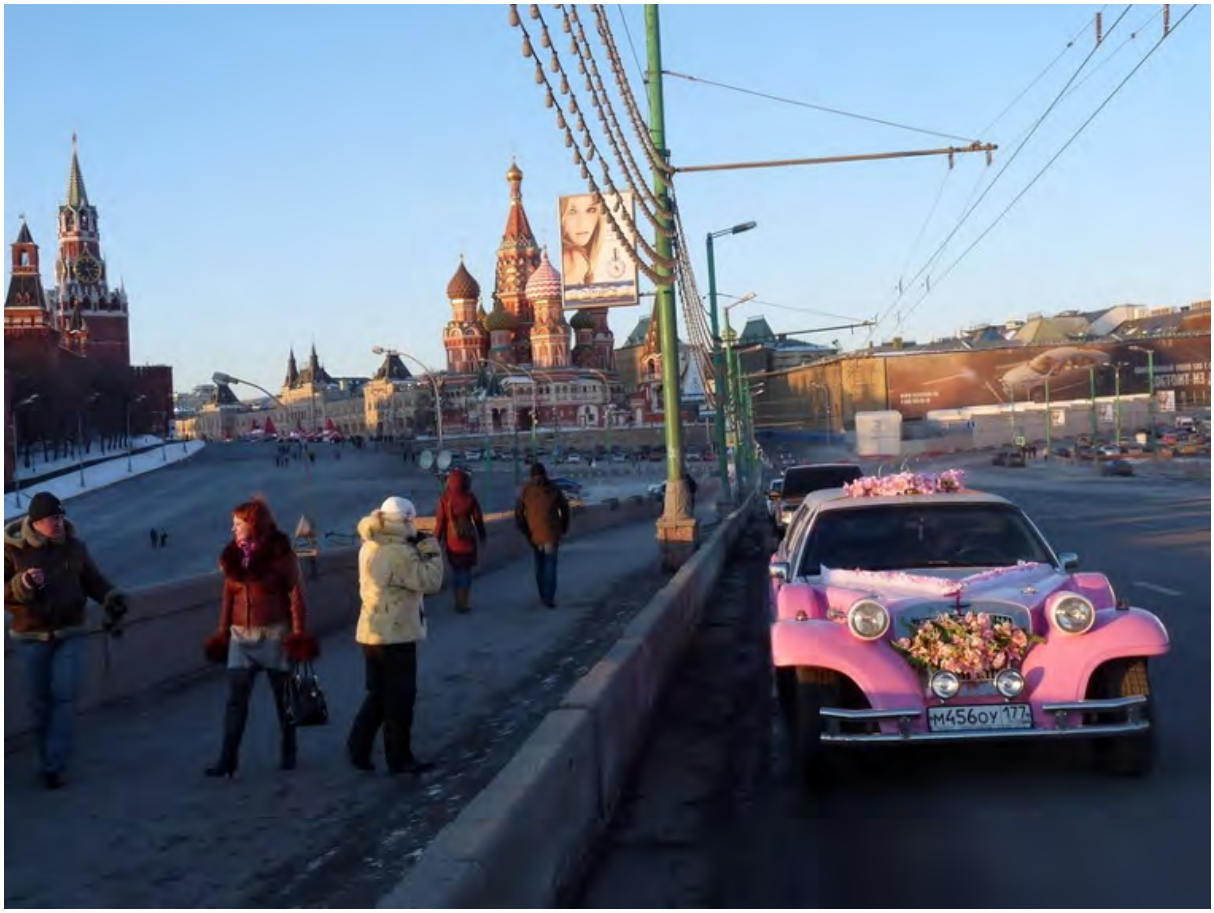
Здесь обыгрывается вариант с ограждением (забором/решеткой). Площадь ведь частенько закрывают для посещения плебсом. И это – находка для фотографа.
А еще интересно «ловить» отражения в мраморе мавзолея:

ЛЕНИН

Или искать «призрак» вождя:

Прекрасно использовать стихию, которая преобразует воздушную среду. Например, любопытно площадь (да и весь город, собственно) выглядела в дни смога 2010 года:

В общем, вариантов – множество. Кстати, на обложке данной книги – тоже картинка с главной площади планеты Пан… то есть, нашей «ред сквеа». Но закончить свое эссе об объекте «Красная площадь» я хочу все же этим кадром:



И вот, почему. Можно сколь угодно ругать главную площадь страны – и за эклектику, и за тоталитаризм, и за великодержавность. Но просто сравните площадь со свадебным кадиллаком. Мне представляется, пошлый мир гламура гораздо страшнее. Представьте себе, к примеру, гламурный лимузин с цветочками на той же планете Пандора. Когда гламур вторгается в нашу такую противоречивую жизнь, хочется… Да просто хочется пройти по брусчатке и отдохнуть душой от всех этих «пусек-мусек» (которые, к слову, тоже засветились на «ред сквеа», влезши на Лобное место). Ну не брать же в руки пулемет – и…

Арбатское

Самый, пожалуй, распространенный "полигон" в московском фотообразовании - Арбат. Туристическая, прогулочная улица, где нелюдно разве что глубокой ночью и ранним утром. Чего уж лукавить - и я грешным делом вожу учеников по Арбату. Беспроигрышный вариант, да и всегда там что-то происходит. Так сказать, «перманентная фактура».
Немного отвлеченно поговорю об Арбате как об объекте городской среды. Помню Арбат еще непешеходным, "естественным". Общее впечатление - мрачноватое ущелье. Улица узенькая, транспорту тесно, солнце, особенно зимою, заглядывает нечасто... Ну, разве только, на закате. Калининский проспект (теперь - Новый Арбат) смотрелся прямо-таки Царством Света! Ныне, когда несколько старых домов снесли, Арбат стал чуточку светлее. И все равно - многие москвичи не любят эту улицу. Основной аргумент: это муляж, коварная подмена.
Не буду категорично судить. Я, к примеру, частенько с удовольствием прохожу по Арбату. И без учеников - в том числе. Когда более-менее знаешь объект, "глаз затирается". Теряешь свежесть восприятия. Конечно, ты знаком с основными "силовыми точками": объекты внутри макрообъекта буквально теснятся, и там вероятность подсмотреть интересный кадр наиболее высока. Это самое начало улицы, фонтан "Турандот", "стена Цоя", памятники Окуджаве и Пушкину с Натали. Заметьте: я перечислил не исторические объекты, а новоделы. Без них Арбат, откровенно говоря, безлик. Те же храмы, к примеру, запрятаны в тиши переулков.

Итак, ученикам я вначале предлагаю самим определить САМ ХАРАКТЕР улицы. И, что замечательно, каждый видит Арбат по-своему, сквозь призму личного опыта и собственных представлений об особенностях данного объекта городской среды. И опять же, многие признаются, что не пылают страстью к данной улице.
Я не случайно два раза повторил одно и то же словосочетание. Именно так: Арбат - часть городской среды. Пешеходные туристические улицы есть почти во всех городах мира, а у нас в России подобные объекты даже в маленьких городах принято называть: "наш Арбат". Например, "Арбат" есть в Ельце. По идее, подобные объекты должны стать лицом города. А на деле получается, все показные улицы всех городов на удивление схожи. Какие-то памятники, фонтаны типовые лоснящиеся фасады. За фасадами, правда, может прятаться всякое. В том числе, кстати, и хорошее. Конечно, Московский Арбат в этом смысле - образец респектабельности, ведь еще с совка традиционно в Арбатских переулках и дворах селится знать. Хотя и здесь можно найти отъявленную чернуху. Довольно интересно наблюдать арбатских старушек, коренных (или натурализовавшихся - так-то, по внешности не разберешь...), которые испуганно пробираются со своими катомками сквозь бурлящее многообразие улицы. Давно хочу снять историю про арбатских стариков. Все никак не подступлюсь... Что же еще интересно на Арбате лично мне? Не буду лукавить: пожалуй, только интересный жанр, колоритные типажи. Здесь все "тусуются" начиная от «цоенутых» и заканчивая «кришнанутыми». Сказать, что здесь кипит жизнь? Не слишком уверен, что этот перманентный эпатаж, толпу зазывал в тату-

салоны и ювелирные бутики можно назвать "жизнью". Чаще всего любят снимать арбатских художников и их клиентуру. А я вот не просто не люблю их снимать - я самих художников недолюбливаю. Какие-то они скучные, единообразные. И творчество их уныло. Ну, это мое мнение, может, я извращенно мыслю.

Прежде чем взглянуть на Арбат с точки зрения фотографической выразительности, хочу поговорить на более общую тему. Арбат - улица, а в моде теперь стрит-фото, уличная фотография. И что же это за зверь такой? Находятся теоретики, доказывающие, что родился новый жанр творческой фотографии, призванный отразить ощущения человека, физически находящего во власти городской среды. Так сказать, новые темп и стиль жизни диктуют эстетические законы, заставляя индивидуума по-особому позиционировать себя в суетливой урбанистической среде. А по мне, так стрит-фото - просто модное увлечение типа паркура или воркаута. Паркурщики преодолевают среду при помощи гимнастических упражнений. Стрит-фотографы делают то же самое при посредстве фотофиксирующих приборов. И те, и другие учатся не бояться порой излишне агрессивной среды. Но есть существенное различие. У паркурщиков нет гуру и теоретиков. А у стрит-фотографов - есть. И вообще уличная фотография в чем-то напоминает культ.
Стрит-фото-теоретики подчеркивают, что уличная фотография - не репортажная и не документальная фотография. Стрит-фотограф скорее выражает чувства - будто пишет стихи. Очень любят мастера данного направления "ловить" движения людей, и частенько получается у них весьма выразительно. Эдакий "пластический балет" - визитная карточка стрит-фото. Приветствуются длительная выдержка, "смаз", контрасты. Еще один важный момент: стрит-фотография - явление любительское. Техническое качество необязательно, снимать можно хоть консервной банкой. То есть, не надо вкладываться в дорогущие фотогаджеты, обедняя бюджет семьи. Это плюс – по сравнению, например с тревел-фотографией. Но вот, а авторитетах уличной фотографии все же числятся великие фотографы: Стиглиц, Виноград, Картье-Брессон. Не слишком уверен, что маэстро именовали себя стрит-фотографами. Да и, откровенно говоря, навешивание ярлыков - не самое продуктивное из занятий.

Вот, представьте себе такие "жанры": канри-фото, сиа-фото, найт-лайф-фото, хемистри-фото... А вот тревел-фото все же существвует. Это не жанр, конечно, а область практического применения фотографии. Но ведь любой фотограф, отправляющийся в путешествие, исполняет роль тревел-фотографа. Или не так? Без сомнения, при съемке на городской улице применимы особые методы и приемы (например, «скрытая камера»). Однако, они же могут применяться и в иных областях. Ну, да ладно: нравится кому-то фотографировать улицу – на здоровье! Он же это делает не под воздействием медикаментов…

А для кого современный Арбат предназначен в первую руку? Правильно: для туристов. Многие из которых являются тревел-фотографами. А во вторую руку? Думаю, для молодежи. Здесь любят проводить неформальные сходки типа недавно запрещенного Дня святого Патрика, или флеш-мобы наподобие "зомби-парада". Что это за среда? Думаю, это стихия праздника, карнавала. Откровенно говоря, "праздник, который всегда с тобой" превращается в кошмар. Хочется бежать в глубинку и заняться "кантри-фото". Или снимать морские волны. По крайней мере, агрессивнее городской среды только война. Но даже и войны (точнее, беспорядки, восстания, путчи) о-о-о-чень часто творятся именно в городской среде.

По счастью, праздники на Арбате случаются далеко не каждый день, а всякие попытки веселых перфомансов полиция стала пресекать как "несанкционированные массовые мероприятия". У Арбата бывают и унылые будни. Многие москвичи потому и не любят Арбат, что он превратился в монотонный конвейр, по которому движется безликий человеческий материал. Как там у Окуджавы: "Ты течешь как река - странное название..."

Еще раз повторю: у каждого свое видение - не только Арбата, но и всего мира вообще. Для кого-то Арбат - мистическая линия, ведущая из Кремля на Запад. Иные подчеркивают визуальною разницу между Старым и Новым Арбатами. Есть любители покопаться в арбатских книжных развалах. Великое количество народу приезжает на Арбат «клеить» лиц противоположного (ну, или не совсем противоположного – в зависимости от ориентации…) пола. Многие любят повторять банальность: "Арбат - улица контрастов». Последних там хватает – и весьма.

Но вряд кто-то оспорит: Арбат - единый живой организм со своими особенностями и

заморочками. Если подходить к Арбату как к съемочному объекту, он имеет свойства, которые не мешало бы все-таки знать. Например, одни из "обитателей" Арбата агрессивно реагируют на твою попытку их снять, другим это глубоко «по барабану». Необходимо все же знать: те же уличные зазывалы являются "маргинальными элементами". Но "русским теткам" (которые на самом деле - хохлушки) фотографы даже в радость, киргизы с таджиками и сами тебя боятся (до поры - до времени, настанет час, когда и они обнаглеют), негр потребует с тебя денег. И художники бывают разные, хотя, когда у художника есть заказ и он увлечен рисованием - он вообще ни на кого внимания не обращает. Кстати, арбатские художники - не "маргинальные элементы" а очень даже интеллигентная часть контингента. В худшем случае он пожурит тебя: "Хотя бы разрешения попросили на съемку-то…» И не стоит забывать: арбатский контингент - люди, для которых улица является средством к существованию. Мимо «арбатского трудяги» проходят сотни, а то и тысячи фотографов в час. Не все фотографы по природе своей скромны и по воспитанию учтивы. Так ведь и до нервного срыва недалеко.

Итак, рассказ в фотографиях об Арбате... А что вы, собственно, хотите про эту весьма знаменитую улицу рассказать? Ученики, если я их привожу на Арбат, чаще всего (да почти всегда...) теряются. Они ждут от меня готовых калек, штампов. А я говорю: "Снимайте так, каким вам Арбат представляется, попробуйте отобразить в видеоряде свои мысли, чувства". И вот здесь может произойти долгое-долгое "зависание". Мы прошли уже треть улицы, а... УЧЕНИК НЕ ЗНАЕТ, ЧТО И КАК СНИМАТЬ! Он ждет от учителя действия, чтобы его повторить. А действия нет.
На самом деле ученик боится двух вещей: он не хочет быть осмеянным за штампы и ему не хочется раскрывать чужому человеку свои сокровенные мысли. Парадоксально: на словах скажет, а снять «так, как видит» - постесняется. Третий фактор, боязнь фотографировать людей, я здесь учитывать не буду - от этой фобии неплохо было бы избавиться еще до выхода на Арбат. Здесь включаются те же механизмы творчества, что работают во всех искусствах. Надо четко, внятно и по возможности элегантно ВЫРАЗИТЬСЯ. Так на первый план сама собою выходит проблема выразительности.

Есть немало блистательных фотографов, просто виртуозов, которым… нечего сказать. Они регулярно демонстрируют мастерство выразительности, но, если провести параллель с музыкою, они как бы показывают, как гениально можно сыграть гамму. Даже с интонацией, и «с подвывертом». А хочется, однако, услышать в их исполнении мелодию. Желательно – свежую. И вот, что интересно: «автор-исполнитель» в музыке – некая дилетантская стезя. Обычно так именуют бардов, которые порой и нот-то не знают. Например Высоцкий являлся автором-исполнителем. В музыки все же композиторы и музыканты идут в разных рядах. А в творческой фотографии? Ну, это я риторический вопрос задал. В конце концов, фотографическое искусство – не музыка. Только разве Ансель Адамс называл негативы - «партитурой», а отпечатки – «музыкой». Прочие фотографы озабочены иным. Есть реальность и надо ее отразить в плоскости фотоснимка. По возможности свежо и чтобы зрителя «зацепило» (хотя не терплю этого модного слова – но ведь его из песни не выкинешь…). Как это сделать? В том числе – и при помощи выразительности.
Обычно я объясняю смысл слова «выразительность» при помощи следующего сравнения. Есть монолог Гамлета. Его прочитать можно по-разному. Великий артист прочитает так – что просто мороз по коже. Но так же он прочитает и доклад Брежнева на съезде КПСС, и письмо Ваньки Жукова. Потому что он Мастер. Однако тексты Шекспира читают многие. Публика – в особенности, искушенная – ждет свежести, новой трактовки. Вот тут и надо применить ВСЕ СВОЕ ИСКУССТВО. Арбат – тоже своеобразный ТЕКСТ. Как его исполнить?..
Снять Арбат "вообще" можно. Так часто и делают, "притягивая" панораму телевичком, желательно с верхнего ракурса. Чтоб, значит, текла толпа, эти дурацкие фонари светились (или хотя бы подсвечивались солнцем...), к горизонту уходила перспективка... Красивая фотооткрытка. Гламур.
Но, когда мы хотим снять фотоисторию или серию, надо все же выбирать тему. И Арбат, и та же Красная площадь, которую мы пристально изучали в предыдущей главе, все же являются "макрообъектами", которые изобилуют сюжетами на всякий вкус. Красную площадь я снял по-разному, но это отдельные фотографии, которые объединяет только география. Ну, да - в определенном смысле я подспудно провожу идею о том, что главная площадь страны – набор символов тоталитарного государства.
А какая у меня идея по отношению к Арбату? Откровенно говоря, ее нет. Понимаете... я родился и вырос в старой Москве, но в другом районе - у Чистых прудов. А проживаю в

настоящий момент в спальном районе, возле МКАД. Моей Москвы уже нет. По крайней мере, она не существует внутри меня. Помните, в предыдущей главе я говорил о теории остранения? Так вот: по отношению к Арбату, к старой Москве в целом я испытываю иное чувство. Это оТчуждение. Нет любви - вот, в чем беда. Но что же тогда есть? Я не знаю, как верно описать это чувство... но точно речь идет не о досаде или отчаянии. Мой город меняется, а, значит, он живой. На этом и зафиксируем мои абстрактные рассуждения.

Ага... живой, говоришь... А не рассказать ли о самом живом на Арбате - о проблесках древней карнавальной культуры, которые по счастью пока еще не искоренили полицаи? Ну, да - я холоден к данному объекту (вероятно, потому что с Арбатом не связано ни одно из моих светлых воспоминаний). Но разве я охладел к людям? В конце концов, арбатские флеш-мобы и перфомансы - элементы городского фольклора. Ах - иностранные слова и чуждые нам явленья? А разве "фольклор" - русское слово? Оно означает, кстати, «народная мудрость». А слово "арбат" вообще-то - русское? Подчеркну: арабское! И есть у меня такое подозрение, что идея пешеходных туристических улиц пришла далеко не из недр российской культуры.

Кто участвует арбатских самодеятельных карнавалах? Конечно же, молодые. Отсюда напрашивается название серии: "Дети Арбата". Банально, своровано у Анатолия Рыбакова? Не без того. Ну, придумайте что либо более оригинальное. Я же представлю часть серии:

Русские Сувениры

ОБНИМИ
МЕНЯ

ПРАЙМ СТАР

Кебаб хаус

треть цены!
1FC
Первая
цветочная

МОСИТАЛМЕД
МОСИТАЛМЕД

Caperian
Coca-Cola

Спешу подчеркнуть: на сей раз я не стал экспериментировать с ч/б. Ежели вам интересно продолжить опыты по абстрагированию, вы сами можете скачать фотографии и поизгаляться над их цветностью и прочими физическими свойствами. Это мой рассказ об Арбате. Он таков в моем представлении. А значит, кстати, и я – таков. Тему, откровенно говоря, я еще не раскрыл. Но - честное пионерское! – продолжаю над ней работать.
Ведь что такое в творчестве – совершенство? Это – путь к себе. Гармония, которую ищет художник, автор – это прежде всего согласие с самим собой. Именно поэтому мы видим такие разные Арбаты в исполнении различных фотографов. Так здорово, что мы такие непохожие!

Метропология

Человек снимающий имеет чудесную возможность постигать "путем визуализации" разнообразные среды. Хочется пошутить - и четверги. Да и вообще, откровенно говоря, что-то маловато я шучу в своей работе... К примеру, писателю и даже художнику все равно, какой мир они будут "живописать" ибо для создания своих произведений они используют приблизительно одни и те же средства. О творческих методах и способах подхода к материалу покамест промолчу. У фотографа возникают заморочки: в разных средах существуют своеобразные условия освещения, да к тому же обитатели данного "ареала" будут реагировать на камеру в соответствии с неписанным кодексом, царящем в данной местности. Легко сочинителю или даже пишущему репортеру: "Ах, этот чертов абориген чуть меня не пришил, скотина эдакая!" А каково агрессивность среды выразить языком фотографии? Да к тому же, если за твоей спиной не стоит отделение вооруженных по самое небалуйся солдат...

Да и вопрос: а что ты хочешь сказать о данной среде при помощи визуальных средств? Тебе, строго говоря, есть вообще что говорить-то, или ты просто любитель "чисто пофоткать" для пущего удовольствия? Кстати, хочу обратить ваше внимание на единый корень двух слов: "средство" дружит со "средою" уже в самом языке. А значит, ответ содержится уже в лингвистике, и не надо влезать в далекие мысленные дебри. При помощи средств мы сосредотачиваемся и посредством, простите, средств - непосредственно воспринимаем детали данной среды. О, сказанул!

Вопрос, думаю, мною был поставлен некорректно. Я прежде всего тщусь понять среду, разобраться в законах того мира, в который попал. И только потом, при помощи в том числе и фотографических произведений рассказать миру о том, что я, собственно, думаю и чувствую. Анекдот заключается в том, что зритель меня может воспринять лишь как посредника между собою, родным, и реальностью, которая воспроизведена на фотографии. Ты как автор, твое видение, трактовка - вероятно, вовсе не нужны зрителю. Но бывает, ты интересен именно как автор, «артист». Все зависит от твоего личного статуса в глазах данного, простите за грубое выражение, реципиента. Зачастую заглядывают рот человеку уже потому что его зовут, к примеру, Вовой Путиным, хотя и несет он откровенную чушь. А Васе Пупкину – не заглядывают. Чего там заглядывать-то, ежели от Васи Пупкина ничего не зависит. Здесь, кстати, кроется ловушка для статусных людей, увлекшихся фотоделом. Подчиненные то и дело лебезят: «Как прекрасно, феерично, Дмитрий Анатольевич!» Я сейчас про Медведева говорю, тоже известного фотолюбителя. И «король» окруженный свитою, верит в то, что он не голый…

Ежели ты являешься малоизвестным автором, немало надо приложить усилий, чтобы твое произведение было замечено или оценено. Применительно к фотожурналистике - нужен не эксклюзив, а суперэксклюзив. К слову, именно по этой причине начинающие авторы имеют больше шансов создать нечто выдающееся по отношению к маститым: у мэтров отсутствует стимул, а запас авторитета все же небесконечен. Остается только дерзать – как прославленным, так и многообещающим. И в этом плане как раз все равны.

И в конце концов: тебе хочется рассказать об увиденном и прочувствованном, или ты просто испытываешь потребность душу распахнуть? Давайте уж откровенно: и то, и другое, а то и третье (например, хочется продемонстрировать свое без сомнения, выдающееся и непревзойденное мастерство, ну или в крайнем случае – качество нового дорогущего «стекла»). Ну, а чаще ты и сам не знаешь, чего ты собственно, хочешь. Искусство вообще преимущественно - блужданье в потемках. И далеко не всегда - в верном направленьи. О них, о потемках сейчас и поговорим.

Причем в буквальном смысле. Одна из самых, пожалуй, агрессивных сред в ореале мегаполиса - Московский метрополитен. К тому же в метро преимущественно царит полумрак, что затрудняет сам процесс съемки. Но главная, пожалуй, черта Московского метро - примитивный, первобытный... страх.

Люди зачастую не решаются даже себе признаться в этом, но те, кто пользуется услугами метрополитена регулярно, знают, каким источником стресса является подземка. Просто мысленно представьте себе, что в тесноте вагона раздался клич: "Алла акбар!" Человек славит своего бога? Ну, да - только через мгновение вагон разнесет в щепки... По крайней мере, большинство пассажиров именно так и подумают. Если кто-то вообще успеет подумать, некоторые успеют лишь произнести одно лишь матерное слово, обозначающее окончательный, бесповоротный финал. Я это к чему: мы в метро всегда ждем какой-нибудь засады. Или мысленно призываем ее? По крайней мере, в "центре зала" романтических свиданий мы не назначаем - разве только деловые встречи. Оно конечно, уровень тревожности клиентов подземки напрямую зависит от времени, которое прошла с даты последнего теракта. О, Господи, какие ужасные вещи я сейчас говорю... Только, пожалуйста, не думайте, что это мои личные измышления! Таков результат моей личной фотографической деятельности в объекте "метро". Как говорится, выстрадано.

Тех, кто пристрастился ездить по городу в автомобиле, в подземку палкой не заманишь. Вы думаете, пробки создают исключительно пижоны, которым пользование метрополитеном претит? Среди них немало народу с метрофобией. Несколько лет назад бесконечными командировками я довел себя до стрессового состояния. У меня стала развиваться в том числе клаустрофобия. Выражалась она в приступах сердечной аритмии, которые со мною случались в вагоне метро. Пока что, на данный момент в моем состоянии наблюдается ремиссия. Что ждет меня хотя бы завтра - не знаю. По крайней мере, на антидепрессанты я не "подсел" - и на том спасибо судьбе.

Метро - довольно незначительная часть городской среды, но из-за того что данное транспортное средство в Москве является основным, москвичи проводят под землей весьма значительную часть своей жизни. Лично я - не менее полутора часов в день. Кстати, этот текст я пишу в вагоне метро. Само собою, времени изучить нравы и визуальные особенности столичной подземки - достаточно. Скучно просто так тащиться в чреве грохочущего состава, а ежели есть у тебя интересное занятие - время пролетает практически незаметно. Метропология (так я для себя называю изучение "первопрестольного сабвея") одно из таких занятных дел.

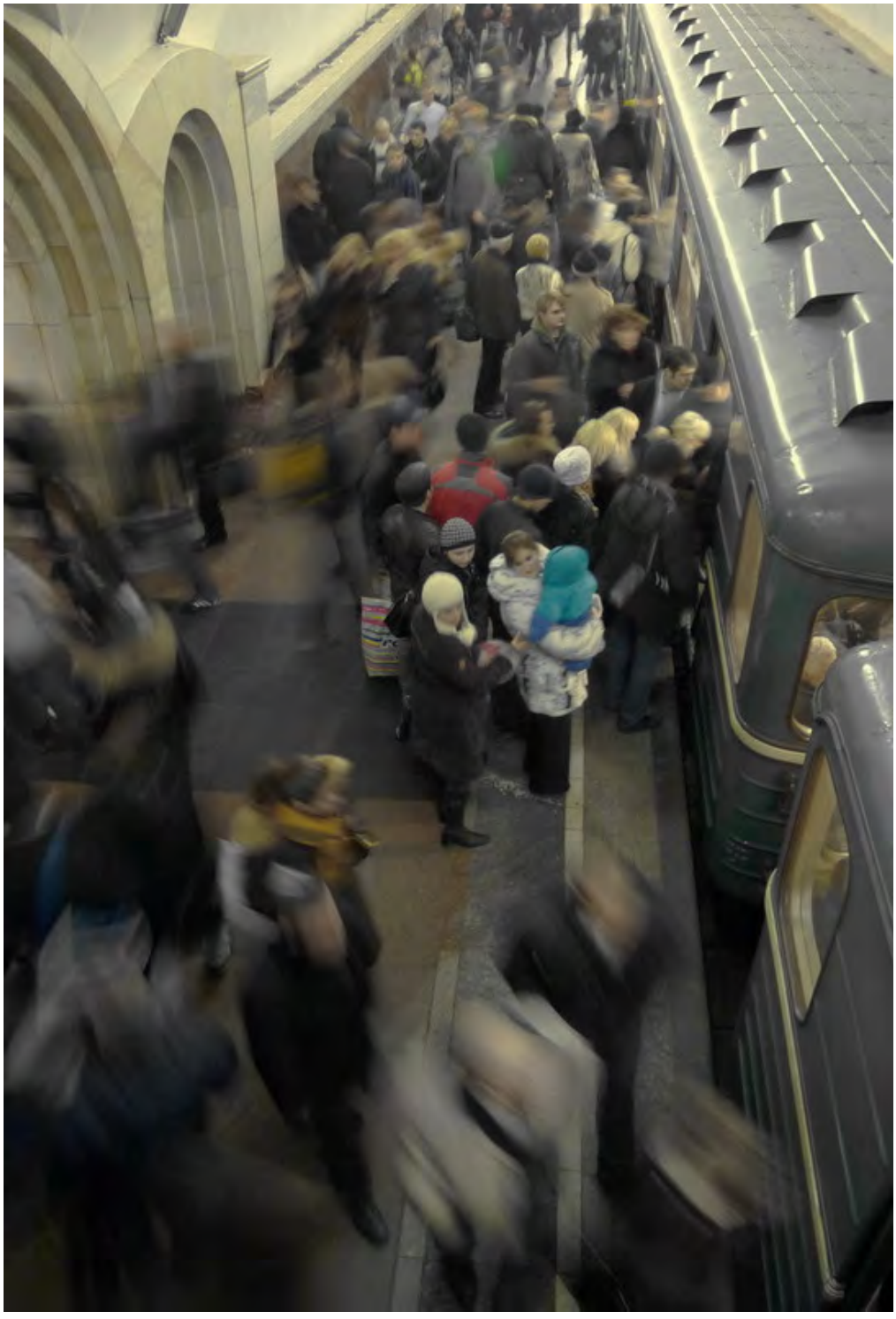
Снимать в метро на самом деле довольно легко - и даже копы к тебе не пристанут. Особенно просто заниматься подземными фотографическими опытами на Кольцевой линии; там море интуристов с камерами, "закосить" под гостя столицы - не проблема. Более-менее сносно можно снимать на всех остальных станциях - не обязательно Кольцевой линии. В конце концов, большинство из них воистину прекрасны, и даже секьюрити приятно, что вы заметили красоту, в которой они вынуждены париться изо дня в день. Главное - прикинуться, что вы "фоткаете" именно архитектурное убранство - а не

что либо иное. Конечно, изредка может пристать какой-нибудь зануда. Есть довольно простые правила избегать конфликтных ситуаций, однако, поскольку данная работа о фотографической выразительности, а не про конфликтологии применительно к Московскому метрополитену, распинаться на эту тему здесь не буду. Скажу только: приставшему к тебе всего лишь надо продемонстрировать его паршивенькую властишку. Известно ведь: маленький начальник - много сами понимаете, чего. Дай ему это сделать, прикинься чайником (например: "Ах, разве? А я и не знал..."). И будет всем щастье. Не проси только прощения у «дяденьки», не унижайся. И обязательно имей с собой паспорт!

Итак, на станциях снимать относительно просто (ежели там не темно до полной жути). Все меняется, едва ты заходишь в вагон. Пассажир в переходе, на эскалаторе, на платформе и внутри вагона - это разные пассажиры. Ведут люди себя по разному, но, если человек без попутчиков и расслабляющей беседы, он становится... самим собою. А кому, собственно, хочется, чтобы его, грешного фиксировала какая-то там камера? Неизвестно ведь, с какой целью будет использоваться изображение - откуда об этом знает пассажир? Встречаются индивидуумы с повышенной степени паранойи, они вообще могут подумать, что якобы за ним (ней) ведется слежка.

Стихия поезда метро, как это ни странно, очень далека от среды той же, к примеру, пригородной электрички. В последней пассажир ОБЖИВАЕТСЯ, ему в сущности комфортно - даже если ему не нашлось сидячего места. А в метро мы ЗАСКАКИВАЕМ и ВЫСКАКИВАЕМ, для нас подземка - среда недружественная. Вот такие мои общие рассуждения.

Исходя из "теории", впору вопросить: и как же тогда "правильно" снимать метро? Ситуация такая же, как и в предыдущей главке, про Арбат. Снимать, конечно, надо так как ты видишь, пытаться передать видеорядом свои чувства и мысли. Помните, у поэта: "Москва! Какой огромный странноприимный дом..." Вот, для меня столичная подземка - именно громадный странноприимный дом, грандиозная человеческая комедия. А для тебя андеграунд Первопрестольной – наверняка нечто иное. Я выражаю визуальным языком свои, а ты попробуй сотворить нечто личное, неповторимое и более высокохудожественное.



Обычно авторов, пытающихся снять фотоистории о метро, завораживают людские потоки. Эскалаторы действительно напоминают жерла мясорубок, всасывающие человеческий материал в свое чрево, и выплевывающих переработанный фарш... Прям Молох какой-то! Очень любят фотографы при помощи длительной выдержки "размазывать" массы, тем самым подчеркивая безликость толпы. Мне лично подобный метод не слишком нравится.

Так, вероятно, приемлемо снимать заключенных в концлагере. Или грандиозные боевые действия с «живой силой и армадами техники».

Довольно долгий период в мировой фотожурналистике главенствовал тренд, согласно которому в репортажной фотографии - особенно военной - не стоит увлекаться крупными планами. Почему: видно лицо, заметна психология. А, если в кадр попадает лицо врага, потребитель (простите - зритель) может обратить внимание на то, что враг - ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК. Плохо и когда снимаешь «своего» - небравого вида: разве может наш солдат бояться, страдать от боли, хотеть домой, к маме? Мы знаем, конечно, что может. Об этом вся русская литература пишет – начиная от Толстого и заканчивая Астафьевым. Но буковки терпят все. А фотография не терпит. Показывать собственную слабость неприемлемо, ибо фотожурналистика в первую руку - пропаганда, а уж во вторую и третью - информирование населения и самовыражение.

Теперь все же человека фотожурналисты замечать стали. Это уже неплохо - хотя бы по отношению к русской культуре. Напомню: русская литература по отношению к мировой в начале позапрошлого века имела нулевой вес. Однако, случился прорыв. И за счет чего русские писатели вырвались в "топ"? Напомню: они развили тему МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА. Даже грандиозная "Война и мир" - суть есть истории маленьких людей на большой войне.

Вы, вероятно, подумали: автора маленько занесло. Однако, я убежден, что в своем русскоязычном культурном пространстве мы питаемся духовным наследием многих авторов и многочисленными аллюзиями. Вспомните, например, Шолоховскую "Судьбу человека"... Творческая фотография не находится в стороне от глобальных "ноосферных" процессов. Ежели мы плюем на традиции и уверенно "лабаем в тренде", будьте уверенны: российская фотожурналистика так и будет иметь ярлык "крайне отсталой".

Скажу о принципах "скрытой камеры". В метрополитене, пожалуй, без его применения не обойтись. Многие скажут: "Неэтично..." Все же люди должны знать, что их снимают. Парирую: в КАЖДОМ вагоне теперь установлена СКРЫТАЯ камера видеонаблюдения. Речь, вообще говоря, идет о довольно тонкой материи. С точки зрения законодательства, метрополитен - место публичное, такое же, как и обычная улица. Режимный объект? И это, конечно, тоже. Но по большому счету подземка - всего лишь общественный транспорт, а поведение в нем регламентируется внутренними Правилами. Это когда-то московский сабвей являлся так же и стратегическим объектом, например, его второе назначенье - убежище на случай ядерного удара противника, коим являлись США. Хочется надеяться, мы так уже не думаем. Теперь метро - не бомбоубежище, а бомжеубежище, особенно в пору лютых морозов. Бомжей снимать интересно. А вот фотографии с бомжами смотреть противно. Не могу понять, отчего. Видимо, и в жизни их вид не вызывает положительных эмоций,

На мой взгляд, метрополитен - среда первобытная, ибо людьми под землей управляет поистине первобытный страх. Каждый сам за себя и все против всех. Отсюда и столь неадекватная реакция на камеру в вагоне метро. Все же я склонен думать, что черты схожи у многих метрополитенов мира. Здесь как раз работает теория архетипов. Подземка, как бы мы этого не хотели - модель Преисподней. Человек опускается в "тартарары", вовсе не думая, что заглядывает в Тартар. Однако, положа руку на сердце, признайтесь себе: если вам предложат живописать образ ада или хотя бы преддверия к нему, не будет ли он похож на метрополитен в час пик?

Развивая тему русской культурной традиции, не могу не заметить: очень важно в безликой массе разглядеть ЧЕЛОВЕКА. Повторюсь: еще Александр Мень замечал, что наш взгляд становится похожим на взгляд рыбака, смотрящего, как в неводе бьется рыба. Да, сейчас в моде брутальность, взгляд поверхностный и равнодушный. Это и своеобразная защита от стресса, ибо, ежели задумываться о судьбе конкретного человека применительно к существованию в мегаполисе, так недолго впасть и в депрессию.

Еще Достоевский говорил: в отвлеченной любви к человечеству любишь всегда одного себя. Да, Homo saspiens порой жалко. А ты попробуй, выдели среди серой толпы пассажиров конкретного человека - и полюби его. Того же профессионального нищего, или мента, или тетку с собачкой, пригретой на груди. Кстати, про серость: если вы приглядитесь, увидите, что подавляющее число пассажиров одеты в черное и серое. Мне это бросается в глаза, когда я приезжаю из командировки: Серые люди, усталые, заспанные лица, в глазах страх… и ни одной улыбки!

За что им тебя, человека с камерой, любить? А вдруг ты какой-нибудь маньяк? Ты, кстати, еще не задумывался о том, что фотомания - всего лишь разновидность многочисленных маний? По крайней мере, снимающий даже в общественном месте человек - соглядатай, подсматривающий. Весь вопрос - для чего? Ах, мы создаем вероятно бессмертные произведения! А это колышит хотя бы кого-то окромя самого тебя? Чё-та сомневаюсь. Со стороны ты - человек, нарушающий запреты, стоящий НАД.

Итак, визуальный ряд. Тему для себя я обозначил: "Метропология. Человеческая комедия":

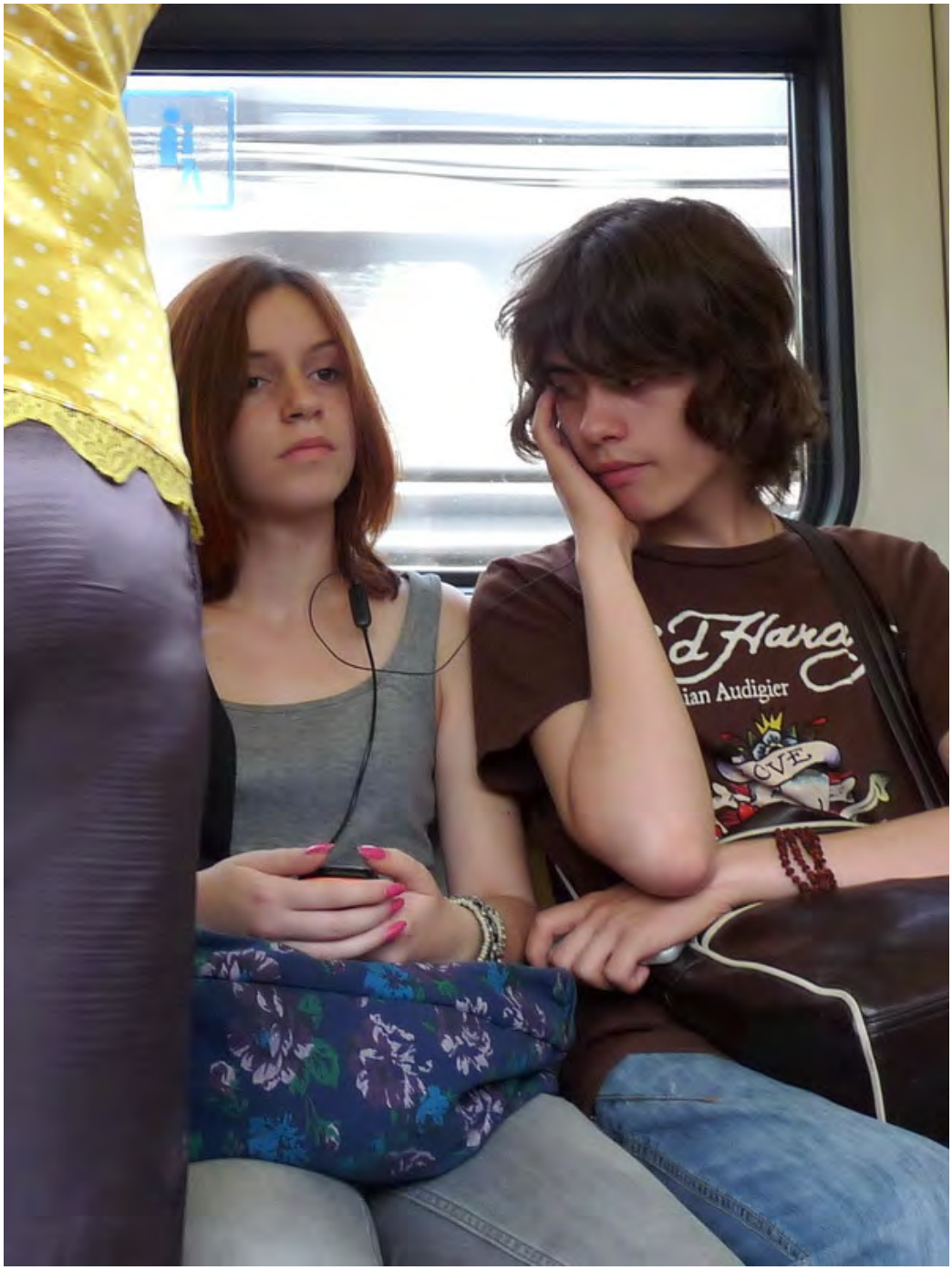
НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

COVANI

ДЕНЕЖНЫЕ
ПЕРЕВО
ОТПРАВЬ
1000
ЗА 14

adidas

LEGO


Ed Hard
ian Audigier
CVE

WARCRAFT
7.12.2010

Да: творческая фотография - искусство контактное. Хотя, на самом деле данный проект – ни в коем случае не «художественная фотография», а скорее «фотографическая антропология», изучение людей. Ты не придумываешь жизнь (ежели не увлекаешься постановочной съемкой), а наблюдаешь непосредственную реальность, живых и далеко не идеальных людей в подлинных ситуациях. Реальность - это и есть правда. А правда, как известно, редко бывает сладкой. Оттого-то люди и злятся, что их ПОДЛИННУЮ жизнь схватывают врасплох.

Факт, что жизнь наша преимущественно скучна и безрадостна. И мы этого стыдимся. Мы любим «фоткаться» в гламурных местах, на фоне природы или достопримечательностей. А в сраче «фоткаться» все же не любим. Кстати, немало достопримечательностей и в метро: разве не обожают москвичи скульптуры на «Площади Революции»? Есть процент людей, которые злятся на то, что их снимают без спроса потому что рядом любовница (любовник). Встречаются религиозные фанатики, считающие фотосъемку бесовским занятием. Но таковых в общей массе неадекватно реагирующих на объектив - ничтожнейшая доля. Сам мир людей противится визуальной фиксации. Это не хорошо и не плохо - такова реальность.

И как с ней, реальностью, поступать? Думаю, постигать. В том числе и визуальными средствами. Считаю, это благодарное дело. Вот, взять "тренд" настоящего времени: люди, случайно попавшее в кадр, подходят и вежливо спрашивают: "Скажите пожалуйста... а в каком блоге можно себя посмотреть?" И это в наше время, когда фотоаппарат, включая мобильные телефоны, есть у каждого - даже в глухой деревне! Значит, уже не боятся. По крайней мере, людям не страшно вне вагона метро. Это несомненный прогресс.

В середине прошлого века Джон Стейнбек в "Русском дневнике фобию людей к камере объяснял устойчивым убеждением, что фотографирование предшествует бомбардировке. Ныне, когда все и вся видно из космоса (я имею в виду военные спутники, а не инопланетян, хотя...), уже ничего не страшно. Точнее, страшно - но мы своими "колхозными" усилиями уже неспособны повлиять на ситуацию.

И здесь на первый план выплывает проблема совсем иного уровня. За тобою всегда, даже в абсолютной темноте наблюдает одно существо. В просторечии его именуют: Бог. Или ты в это не веришь?

Эвано, куда ты замахнулся! Получается, снимающий без милостивого разрешения человек занимает позицию Бога? Это действительно так. Автор – и есть творец. Мы создаем свой маленький мир, миниатюрную вселенную. Худо ли, бедно – но она, виртуальная авторская вселенная начинает чуточку жить самостоятельно – вне зависимости от твоей воли. И один лишь вопрос: а захотят ли в созданном тобою мире хотя бы чуточку пожить другие?

P.S. Заметьте: я уже не провожу опытов по переводу в ч/б. А ведь, как правило, метро снимают бесцветно! На мой взгляд, условия освещения, особая цветовая температура искусственных источников света - существенная часть информации о подземке, в том числе эстетический. Впрочем, как известно, на вкус - на цвет...

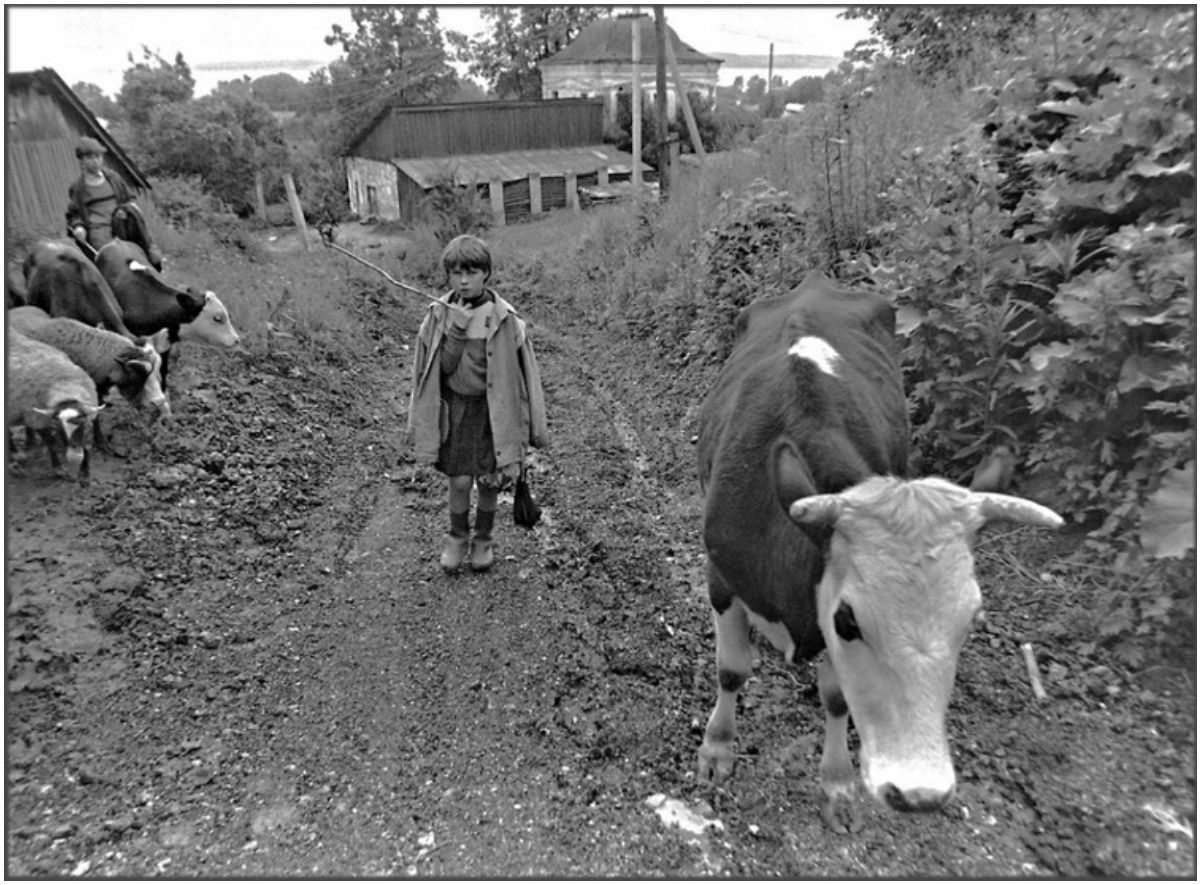
Зоопарк "PARADISE"

В жизни я имел полтора десятилетия счастья постигать жизнь русских провинциальных городков, деревень, рабочих поселков. Для меня, человека по происхождению сугубо городского, знавшего живую природу только разве по парку Сокольники да подмосковным пионерским лагерям, опыт полезный и поучительный. Я пытался, конечно, анализировать свою тягу к провинциальной среде. Пришел к выводу, что Старая Москва, которую я успел-таки застать, несла в себе черты провинциальности, эдакий милый дух русской глубинки. Не надо ведь забывать: больше 200 лет столицею Российской империи являлся Санкт-Петербург, Москва же развивалась как купеческий, промышленный центр и транспортный узел. "Огромный странноприимный дом". В глубинке я на самом деле ищу черты моей уже ушедшей Москвы, стремлюсь улететь на фотографической "Time machine" в детство. Понятное дело, попытка тщетная, дважды в одну реку не войдешь. Однако мне приятно окунаться в мир негламурной, неказистой, неухоженной окраины - потому что это подлинная жизнь, а не Dolce vita, тиражируемая в прилизанных до глянца медиа-продуктах.

Помню, со своих Чистых прудов ездили с мамой на трамвае к бабушке, в Даниловскую слободу. Теперь этот район (у метро "Тульская") - практически центр. Немало там респектабельных заведений, да и полно элитного жилья. А в пору моего детства кварталы вокруг Даниловского рынка сплошь были застроены двухэтажными деревянными домишками. Просто канонический анклав люмпенов! Бабушка жила в полуподвальном этаже. Кстати, Андрей Тарковский вырос именно в этом районе, в таком же полуподвальном этаже. Помню очень мало, самое яркое почему-то впечатление - фруктовый сахар, которым меня потчевала бабушка. И в голове сохранился образ узенькой комнатки-пенала со светом, пробивающимся сквозь мутную глазницу под самым потолком. Жутко? Но как мне, в этой слободской жути было уютно! Году примерно в 70-м бабушку переселили в Чертаново. На память осталась лишь фотография: отец со своим братом на фоне той самой двухэтажной развалюхи. Кто не знает, подумает: деревня-деревней! Но именно такой была столичная рабочая окраина. Много позже я узнавал ушедшую Даниловскую слободу в Шуе, в Воткинске, в Ельце, в Белеве, в Новой Ляле, в Осе, в Хвалынске и в сотне других "хорошо сохранившихся" городков. И мне в них, сильно запущенных, бедных селениях, было удивительно хорошо!

Развивая тему предыдущей главки про "метропологию", скажу: в Старой Москве, на моей улице Грибоедова (при царе эта местность именовалась Огородной слободой) почти все друг друга знали. Хотя и скученность из-за обилия коммуналок была - дай Боже! Однако, в эдакой кутерьме можно было разглядеть ЧЕЛОВЕКА. Подобной чертой и характерен мир провинции. То есть каждый является ЛИЧНОСТЬЮ, а серой массы не существует в принципе. Серая масса - это войны, революции, мегаполисы. Рыба, бьющаяся в неводе... Альтернатива - спокойная провинциальная жизнь, тихое сонное "болото", не знающее потрясений. Хорошо знающие это "болото" не дадут соврать: тоска - зеленая, особенно

для молодых и ранних. Это ближе к старости мы обзаводимся дачей, а то и возвращаемся к своим истокам. Потому что "зеленая тоска" - залог душевного спокойствия.



Кстати, не токмо я замечаю: жители глубинки колоритны, интересны, фактурны. А горожане безлики и злы. Причем, в городской среде мы не улыбаемся - потому что нечему. Тот же горожанин в провинциальной среде становится иным. Он, вероятно, просто расслабляется. Тут недавно спорил: кто в деревне ходит босиком. Я доказывал: исключительно алкаши да экзальтированные дачники. Мой оппонент утверждал, что в деревне почти все - "босяки". Я исхожу из своих собственных наблюдений; тот человек, естественно - из своих. А по сути мы оба - горожане, и можем только СУДИТЬ, в то время как люди в деревне просто живут и вовсе задумываются, в чем ходят: в калошах, пимах, лаптях или босиком. Любое суждение содержит ошибку, потому как всякая изреченная мысль есть ложь, да к тому же мир деревни настолько многогранен, что каждое описание обеднит образ. Это же относится и к фотографической съемке: кадр лишь имитирует онтологию, на самом же деле всегда что-то останется за рамками. Об этом невредно помнить.

И вот представьте себе: в глубинку приезжает фотограф, чье восприятие "заточено" под городскую среду. И начинает по привычке влезать куда следует и не следует со своим "шириком". У горожанина в мозгу уже сформировалась МАТРИЦА, согласно которой пространство (любое) следует разбивать широким углом поля зрения объектива, что добавляет кадру динамизма. К тому же с "шириком" ты влезаешь в самую гущу и пребываешь вместе с будущими зрителями твоего фотографического творения как бы в центре событий. А какие могут быть события в глубинке? Престольный праздник,

свадьба, похороны, сенокос, забой скота... Для фотографа это - "action", действо, движуха. Я сейчас говорю о визуальной составляющей - а ведь существуют иные способы передачи и оценки информации. Например, крайне нелегко передать атмосферу мегаполиса в поэзии "есенинским" языком. "Я московский озорной гуляка по всему тверскому околотку..." - конечно, данные слова можно отнести и к нынешнему столичному тусовщику, прожигающему жизнь в клубах. Однако про "каждую собаку в переулке", про "каждую задрипанную лошадь, а так же про стих, который "душу зверя лечит", мог написать только человек, выросший в деревенской среде и с детства слышавший дыхание коровы.

Я знаю немало выходцев из глубинки, натурализовавшихся в Москве. Есть такие, кто научился любить Первопрестольную. Но таких крайне мало. В основном новоявленные москвичи искренне ненавидят столицу. Что характерно, презирают они и провинцию - как коты, взятые с улицы и пригретые в богатых квартирах. Они, новоявленные горожане, стесняются своего глубинного происхождения как мать-алкоголичку. И что получается: мир сельского бытования становится в видеоряде, созданным горожанином, похожим на "филиал" городского бедлама. Будто фотограф свернул с главной улицы - и попал в частный сектор. Это тоже вариант. Однако, если вы обратите внимание на фотопроизведения о деревне, публикуемые в Сети, заметите, что съемка "шириком" значительно преобладает. Много двигающихся фигур, традиционного "фотографического балета", а, если и снят человек, у которого можно разглядеть характер, это обязательно какой-нибудь урод, глядящий в объектив злобно и с недоверием. Можно предположить, что здесь работает принцип очуждения. Но эффект "планеты Пандоры" здесь не при чем. Работает иной психологический механизм.

Его я называю "зоопарком". В деревне, от местных жителей часто слышу: "Хорошо иметь домик в деревне - телевизионная сказка! А вы попробуйте, поживите..." Досада местных от чего: сельское существование обязывает немало трудиться, в особенности - если в хозяйстве скотина. А "картинки из деревни", представленные даже уважаемыми мэтрами, репрезентуют мир тунеядцев и алкоголиков. Ну, не сплошь - но преимущественно.

Видеоряд на тему "русская глубинка", являющийся контентом Всемирной Паутины, четко разделяется на два лагеря: красоты и убожества. Природа, вид изб издалека, храмы, стога сена... ну, чисто Саврасов, а то и Шишкин! Депрессивное искусство Левитана я здесь затрагивать не буду, хотя мировосприятие этого удивительного гения, выраженное в красках - тема очень интересная и полезная для человека снимающего. Итак: пейзаж из глубинки - здорово. Но, едва только фотограф приступает к вторжению в провинциальную жизнь... как говорится: держите меня сорок мужиков!

Грубо говоря, фотограф, считающий себя творческим, бродит по деревне или маленькому городку яко по зоопарку - и собирает свой паноптикум. А то и бестиарий. Вот, есть в ЖЖ сообщество "Русский Север". Казалось бы, оно предназначено для обитателей северной глубинки, и на этой виртуальной площадке можно на обсуждать насущные проблемы глубинки, делиться чаяниями и опытом. На самом деле на данной страничке "тусуются" москвичи, питерцы, а то и обитатели закардонья, которые, собравшись в кучки (для безопасности - да так и дешевле) болтаются "по северам", "фоткают" все что приглянется, а потом выкладывают фотоотчеты в своих постах. Люди думают, их объединяет любовь к Русскому Северу. Мне думается, единит их исключительно потребность "пофоткать" нетронутую цивилизацией среду и поблаблакать о своей святой любви к "северам". Думают, это родное - потому что "наше". Языковая среда и все такое... Но по большому счету один хрен - что Русский Север, что Чукотка, что Анды, что Тибет... ЭКЗОТИКА - вот, как это называется. И все признания в любви к Северу более всего походят на

элементарное ханжество. Вот, хочется спросить: а ты вообще любишь свой родной двор, свою улицу, город, в котором ты родился, вырос либо проживаешь в настоящий момент? А, может, на самом деле ты неровно дышишь лишь на свой Дар и на свои пока что неадекватно оцененные фотографические произведенья?

Аборигены живут не в экзотике, а у себя дома. Помню, на Мезени, в деревне Жердь я стал невольным свидетелем "диалога культур". Работала там группа фольклористов, москвичей из ансамбля "Терем". Вечером, после праздника курит местный мужичок возле магазина. Мимо проходит парень-фольклорист. Абориген ехидно так вопрошает:

- Ну, чё? Много фольклору-то насобирали, дак?

Парень ответил с некоторым достоинством:

- А вы много для нас его сохранили?

На том и разошлись. Северяне народ не говорливый, а обиду они хоронят внутри себя. Москвичи - ребята "статусные" и страсть насколь обидчивые. Если уж схлестнулись два москвича вдали от Белокаменной - жди кошмарной ярмарки тщеславия. Москвич с провинциалом все же как-то сладят, наверное, работает принцип единства и борьбы противоположностей. Так вот: я склонен считать, парень-москвич мужику из Жерди нахамил. Никто не обязан сохранять какой-то там фольклор. А конце концов, "фольклор" - это народная мудрость, а не собрание легенд, сказаний и тостов. Существуют и городской фольклор, и сетевой фольклор, и армейский фольклор и даже фольклор фотографов. Всякая социальная, профессиональная, национальная среда порождает свой квазиомир который можно зафиксировать в текстах, видеозаписях, фотографиях. Фольклористы "пасутся" в деревнях потому что сельский фольклор наиболее консервативен и древен. Они, любители крупиц народной мудрости, собирают частички УХОДЯЩЕЙ НАТУРЫ.

Но ведь то же самое делают фотографы, путешествующие по глубинке! Я в этом отношении - отнюдь не исключение. Чуточку подкорректирую: мы "ловим частички деревенского бытия" потому что они - УХОДЯЩАЯ ФАКТУРА. Именно за ФАКТУРОЙ фотограф отправляется порой на самый край Земли. Если ты озабочен "сермяжной судьбой Матушки-России" озаботься для начала своим подъездом и своим двором (простите, что повторяюсь), уже после смело совершай телодвижения на Север, Юг, или куда там еще. А про какие-то там судьбы покамест судить воздержись. Пусть аборигены сами как-то решат, оставлять им родные просторы на растерзанье энтропии или еще подергаться. Я об этом потому говорю, что деревня русская в глобальном смысле вовсе не погибает. Она загибается, а это все же пока не гибель. Данное явление - не хорошее и не плохое явление. Такова данность. И до конца деревня не погибнет - уж точно. Просто, реальная занятость населения в "одноэтажной России" раза в четыре ниже численности работоспособных провинциалов. Многие спасаются "отхожими промыслами", влившись в армаду гастарбайтеров, заполонивших большие города. Думаете, они это делают от горячего желанья?..

Вот, моя работа - о выразительности в творческой фотографии. Я же вдруг стал распинаться на социально-экономическую тему. Меня занесло? Вот тут-то и "вылезает" самое интересное. Ты вообще чё хочешь выразить? Может быть показать, какой ты крутой и высокохудожественный фотограф? Или у тебя все же имеются некие мысли и чаянья? Откровенно говоря, твоя "сермяжная правда" мало кому нужна. Но людям реально интересны необычные, свежие истории, им любопытно за образами людей, которых ты снял, угадывать протрясающие судьбы. А это значит, все же они

интересуются не только изображенным, но и твоей авторской трактовкой. Вот тут-то и выпячивается во всем своем неглиже проблема выразительности.

Приехал ты в глубинку яко в зоопарк. Прояви все свое мастерство - но в итоге люди у тебя получатся уродами, или, как теперь модно стало говорить с подачи пропутинских нашистов, "деревенским уё....ем". Прибудешь ты в провинцию исполненным пафоса за погибающую деревню... и воспоешь песнь стагнации великой и древней культуры. А на карточках получится у тебя все тоже "деревенское уё....ще". Почему? Не песни надо петь, не демонстрировать свое мастерство, а понять следует, куда ты попал, что люди думают - и насчет тебя, и вообще про всю эту катавасию. А, ежели тебе начхать - ничего страшного. Есть еще Шаолинь, племя масаи, Чечен-Итца, остров Пасхи и тысячи иных достопримечательностей планеты Земля. Там тебя накормят, напоят, станцую чё-нить дикое, с подвываньем. Гиды не дадут заплутать и свернуть с туристической тропы в реальность. У нас пока что подобные фототуры с дикими плясками неразвиты. Но ведь, разовьются...

На самом деле, среда русской глубинки по отношению к "посетителям зоопарка" враждебна. Не потому что ребята-блогеры такие бяки. Просто, аборигенам не нравится, что из них делают "экзотических зверушек", составляющих контента, который производит блогосфера. Изредка в посты просачиваются комменты от "пейзан и пейзанок", содержащие искреннее возмущение хамством фотопутешественников и откровенным враньем. Например, считается, что деревня спилась. Это не так. Просто по той же улице, по которой продефилировал выдающийся фотодеятель, слоняется местная пьянь. Непьянь трудится - на огороде, в поле, со скотиной. Отсюда складывается визуальное впечатление "спившейся" глубинки. Возмущенные комментарии блогеры затирают, гневных аборигенов забанивают. И что остается: прекрасная страна, которую населяют уроды. Ну, в немецком или американском или немецком журнале подобного типа видеоряд выглядит весьма органично. Им что Россия, что Гана, что Куба - один хрен нищета. Страна третьего мира.

Ну, это для "золотого миллиарда". А каково - для наших, доморощенных фотопутешествующих блогеров? А их проблема лишь в том, что легко пронестись деревенской улицей и "нафоткать", что видишь. А познакомиться с человеком, разговорить его, посетить двор, дом... А слабо "зависнуть" в данной веси хотя бы на три

дня? Ну, это в старину все было иначе, когда, например, Юджин Смит "зависал" в деревне несколько месяцев... Теперь темпы иные. Раньше были времена - а теперь...

Лингвистические игры: оскорбительное "Понаехали тут..." по отношению к чужакам выдумано вовсе не деревенщиной. И еще. Я давеча использовал слова "абориген" и "пейзанки". А они ведь несут уничижительный оттенок. То есть, уже на вербальном уровне я подспудно стремлюсь обидеть провинциалов. Оно конечно, "москвич" в их устах тоже не выглядит уважительным обращением. Однако стоит подчеркнуть, что провинциал, нашедший свою нишу в большом городе, все же явление несколько более частое, нежели горожанин, бежавший "в деревню, в глушь, в Саратов". И это нормально, ибо реально обществом управляет идеология успеха. Не достижений, творений, свершений - а именно что успеха. Многих фотографов и знаем-то как "лауреатов таких-растаких конкурсов», а не авторов "тех самых" фотографий или фотоисторий. Ну, те, кто против «лауреатов» - обыкновенные завистники. Ярмарка тщеславия forever.

Только в провинции я узнал, что слово "глубинка" произошло от "глубины", а вовсе не от "глубокой задницы". Культурный диссонанс? Сомнительно. Вся русская литература - о том, что задница - это город, а провинция - "костный мозг", питающий организм Россия свежей кровью. В глубинке живут прежде всего пассинарии. Оно конечно, умнейшие бегут в мегаполисы, от чего генофонд портится. Коли следовать тренду, тогда лучшие бегут к черту из «Рашки» (в том числе и из Москвы), а остаются в нашей стране победившего гламура и криминала, ведомой партией жуликов и воров, дебилоиды и ублюдки, пожиратели быдлосферы. Но разве это ж так?

В конце концов, и Мишка Ломоносов не стал бы великим, останься он в своей Мишанинской рыбу ловить. Так устроен мир: хочешь чего-то добиться - беги в цивилизационный центр. Только там тебя заметят и дадут шанс на... успех. И ты уж сам как-то решай, как с таковым распорядиться.

Перечислю ряд авторов, сделавших себе имя на съемке глубинки: Владимир Семин, Павел Кривцов, Валерий Щеколдин, Валерий Нистратов. Давайте уж начистоту: они буквально "вылезли" на теме русской провинции. Было немножко иное время. Публика визуально еще только открывала для себя российскую глубинку. В особенности - западная. Обществом не овладела еще в такой степени парадигма гламура. В том числе, гламура деревенского. Наши глаза наслаждались простой правдою жизни. Теперь, вот, пресытились... Имена вышеназванных авторов уже и не на слуху. Сейчас вообще своеобычная ситуация. В "тренде" новостная, репортерская фотография. Даже весьма глубокие фотоистории о глубинке снимаются в "репортерском" ключе, то есть, преимущественно "шириком" и навскидку. Эдакое "протоколирование впечатлений"... о посещении зоопарка.

Логичен вопрос: ежели автор так резко настроен супротив "ширика", объектив какого фокусного расстояния и типа по его мнению наиболее предпочтителен для съемки в глубинке? Отвечу категорично: неплохо бы (и мне в том числе) научиться снимать так, что бы даже профи в последнюю руку задумался о том, как и чем ЭТО снято. Ну, и как же автор вообще предлагает снимать деревню или маленький городок? Наверное, я вас разочарую. Подход такой же, как, например при съемке стакана, того самого, который я так увлеченно "насиловал" в первых главках работы "Ловцу частичек бытия".

Чтобы изучить объект "стакан", понять особенности его формы цвета, фактуры - достаточно 10-15 минут. Чуть больше времени надобно, дабы понять, на каком фоне,

снимать объект "стакан", при каком освещении, как изменить условия освещения, среду. Все для того, чтобы снять этот разнесчастный стакан повыразительней.

Объект "деревня" сложнее. Я лично на постижение деревенской среды потратил не один год, да так и не постиг. Еще один момент. Существуют десятки разновидностей стаканов. Абстрактный объект "русская деревня" тоже можно допустить, ибо у всех весей имеются общие черты. Но по большому счету, из нескольких сотен тысяч русских деревень каждая своеобычна. В старину поговорка была: что ни деревня - своя свадьба. У каждой веси свой характер, и очень интересно его нащупать.

Приглядитесь к тому, что делает вдумчивый Эмиль Гатауллин: упорно, из года в год он приезжает в один и тот же уголок Русского Севера, на приток Пинеги Выю. Уверен, и Эмиль знает почти всех в этом кусте деревень, и все местные его знают. Казалось бы, тема раскрыта - сотни, уверен, тысячи негативов скопились в архиве автора. И все равно Эмиль продолжает дело. Не скажу, что Гатауллин - блогер, все же он свой блог ведет. Скажем так, Эмиль - блогер в хорошем смысле этого слова, ибо старается душой и сердцем постичь саму суть жизни в русской глубинке и рассказать об этом другим. Причем, именно визуальными средствами. (Выставочную деятельность и публикации в бумажных СМИ оставлю в скобках). Признаюсь: за творчеством Эмиля слежу ревностно. В направлении художественного познанья провинции Эмиль продвинулся гораздо глубже меня. Надеюсь, и дальнейшее его продвижение в мир глубинки подарит нам новые духовные откровения.

Теперь - внимание. Я перечислил ряд авторов. Заметьте: они снимают (или снимали) на пленку, причем, именно - на черно-белую. Вероятно, они и "цифрой" не пренебрегают, однако, те их выдающиеся произведения, которые знаю я, представлены в ч/б. Нью-Йоркские опыты с цифрой и цветом Семина, на мой взгляд, беспомощны. Несколько замечаний. Первое: в ч/б они снимают (снимали) всё - не токмо деревню или религиозные обряды. Второе: черно-белое приближает фотографию к изобразительному искусству. Картинки становятся похожими на произведения графики, рукотворные творения. А, значит, они "как бы" хранят в себе тепло авторских рук. О том, как изменяется выразительность фотографических работ при переходе из цвета в ч/б, я, пожалуй, излишне подробно рассказывал в первых главках настоящей работы. Если вы из скуки их пропустили, не поленитесь - вернитесь. Ну, а тому, кто выбросил мою работу в корзину, уткнувшись в тоскливый разбор "полноты стаканьей жизни", я искренне желаю удач на фотографическом поприще.

И в третьих: Черно-белая фотография весьма лукава. Наше восприятие творческой фотографии воспитано на выдающихся произведениях старых мастеров. В нас засел стереотип: «фотошидевр» может быть исключительно черно-белым. Цвет же - для бумажных журналов, блогов и чайников, выкладывающих в "яндекс-фотках" закаты и кисок.

Еще скажу: установка на "фотошидевр" - частный случай парадигмы успеха. Вот, я упомянул религиозные обряды. Они фактурны, красивы, эпичны. Один Великорецкий крестный ход чего стоит! Те авторы, о которых я говорю, обряды снимали - и обильно. Да и путешествующие блогеры не прочь пройти тем же крестным ходом. А вот Эмиль Гатауллин взялся снимать тему про сельскую обыденность, которая в реальности исполнена рутины. Давайте, поживем и понаблюдаем, чем у него это закончится.

Спальный район

Теперь хочу поговорить о проблеме, которая беспокоит меня в последний год. Она непосредственно касается фотографической выразительности. Какие группы объектов мы до этого рассматривали: деревья, травы, храм, улицу, площадь, метрополитен, село. Если говорить начистоту, они красивы и сами по себе выразительны. Нужно потратить минимум усилий, дабы передать всю прелесть того же метро. Поверьте, ежели ту же "Площадь Революции" ярко осветить (а данная станция одна из самых мрачных в московской подземке), она будет смотреться величественным твореньем, подлинным шедевром мировой архитектуры. Но ведь не освещают, негодяи...

Немало сил надо растратить на обратное: показать те же объекты в ужасном свете, как апофеоз кошмара. Для этого надо обладать недюжинным талантом. Известно, кстати: гения может сыграть и посредственный актер, а вот злодея - так, чтобы мороз по коже - сыграет разве что выдающийся маэстро. Так же и в фотографии. Скверный, неопытный фотограф способен снять прекрасное просто невыразительно. Талантище тако-о-ое понатворит!

Даже обычные стаканы по-своему прекрасны, что мы и пытались показать при помощи выразительных средств фотографии. Повторю банальность: фотография может из прекрасного сделать ужасное и наоборот. Все зависит от воли и мастерства автора, а так же от богатства арсенала средств, коими он обладает.

Теперь, собственно, сформулирую свою проблему. Около года я работаю над чисто фотографической темой, которую я обозвал: "Спальный район". Из названия уже все ясно. Работа продвигается тяжело, я пока еще не нащупал "нерва", "изюминки" темы. Сейчас хочу вместе с вами порассуждать, показать часть материала. Может, публичность поможет выйти из кризиса?

Помню, данной темой лет двадцать назад увлекся Павел Кривцов. Я видел ее "зачатки" (преимущественно Пал Палыч снимал бабулек, кучкующихся у подъездов), и, как я понял тема завершена не была. Павел Кривцов проживает в одном из безликих спальных районов Москвы, Бескудниково. Как Художник Пал Палыч не может не осмысливать эдакую визуальную среду. Это очень важно, ведь в подобном кошмаре, то есть, в спальных районах, проживает значительная (если не подавляющая...) часть россиян. Без сомнения, типовые "гетто" каким-то образом влияют на человеческую психику. За относительный комфорт, освобождение от забот по собственному жизнеобеспечению, люди расплачиваются, вероятно, частью душевного спокойствия.

Не могу не вернуться к "депрессивному" видеоряду с Пинеги от Эмиля Гатауллина. Художник видит эти неспокойствие, смятенность – как в облике деревень, так и в деревенских обитателях. Вспоминается Рубцов: "Смотрел, задумавшись, и я, привычным взглядом озирая зловещий праздник бытия, смятенный вид родного края..." К слову,

Эмиль - москвич. По всей видимости, всякая дисгармония - порождение прежде всего конкретной личности, а уже потом - свойств среды, в которой человек проживает. Хотя, по большому счету, все в нашем мире взаимосвязано. Достоевский не случайно поместил своего Раскольникова в среду мегаполиса. Район Сенной в середине позапрошлого века в глазах петербуржцев являлся таким же нагромождением безликих многоэтажных "крольчатников", каковыми являются нынешние спальные районы - кстати, и того же Петербурга.

По крайней мере, вдохновение в спальных районах мало кто черпает. Точнее, позитивную часть оного. Отмечу одну лингвистическую параллель. Очень часто говорят о "провинциальном сне" который обволакивает маленькие городки и поселки. Если не праздничный день, одноэтажная Россия будто погружена в летаргический сон. Да и Россия ли только... Городские окраины называются "спальными" не в метафизическом смысле, а буквально: люди просыпаются в своих клетушках, едут на работу, а вечером возвращаются, чтобы посмотреть "зомбоящик" и завалиться спать. Посылы у одноэтажной и многоэтажной Россий разные, но слово "сон" все же фигурирует ВЕЗДЕ.

Что же, приступим к видеоряду. Замечу: каждая фотография, которую я здесь представлю, может быть так и подписана: "Спальный район". Так же как и фотографии из других серий: "Храм", "Красная площадь", "Арбат", "Метро" Etc. Они, эти фотографические произведения, могут являться самостоятельными творениями либо частью серий. Однако, факт: каждое отдельное изображение должно в той или иной степени соответствовать заявленной теме. Для меня загадка, что многие об этой банальной истине забывают. Я, кстати, не исключение. Не в первый раз подчеркну: снова я не буду экспериментировать с переводом в ч/б. Если тебе интересен данный опыт - лиши изображения цвета сам и посмотри, насколько изменится впечатление.

Итак, вот спальный район, вид с высоты птичьего полета (если быть точнее, снято с вертолета):

Ежели говорить с привязкой к географии, мы видим Чертаново, на заднем плане - Бирюлево. Одни из самых страшненьких спальных районов российской столицы. Композиционный центр - конечно же, дымящиеся трубы ТЭЦ. Я намеренно приглушил цвета, перевел тональность в более низкий ключ. Помогла воздушная среда, моросящий дождь. Давайте уж начистоту: в такую мерзопакостную погоду любой объект будет выглядеть тоскливо, даже миловидная деревня на берегу реки.

Уже по этому снимку можно разглядеть основной "визуальный конфликт" темы. Все новые районы всех городов вторгаются... в Природу! Я проживаю в спальном районе Строгино. Уверяю вас, мой район не настолько безлик как Чертаново, а в чем-то даже симпатичен. Но и у нас этот мотив вторжения в "Paradise" планеты Пандора проявляет себя во всей своей "красе". Впрочем, это с какого ракурса снять...

Внимание: я сходу установил, что во-первых, спальный район спальному району рознь, а во-вторых, многое зависит от ракурса и погодных условий. Помните, как в предыдущей главке я утверждал, что нет похожих деревень? Кажется, тот же принцип относится и к микрорайонам...

Вдруг всплыло одно воспоминание. Лет 15 назад одном из уральских городков вспыхнула эпидемия подростковых самоубийств. Городок называется Чебаркуль. Туда поехал Миша Жуков, журналист газеты, в которой я тогда работал. Результат журналистского расследования по Мишиной версии был таков: детей убивала... безликость и однообразность этого рабочего городка. Сплошь хрущебы, хрущебы... Якобы детская психика не выдерживает унылости среды. Позже я узнал: Чебаркуль расположен в одном

из живописнейших мест Урала, природа там просто великолепная. Так что об унылости говорить можно только в последнюю очередь. Возможно, безнадега жизни в маленьком городке и повлияла в какой-то степени на статистику суицидов. Но скорее всего имела место совокупность факторов, и какой из них превалировал, нам неизвестно. Вот сейчас в стране подлинный всплеск подростковых самоубийств. Один раз рассказали по всем телеканалам о том, как две девочки, взявшись за руки, спрыгнули с верхнего этажа многоэтажки - и... Характерно, что случаи суицидов фиксируются в спальных районах. Причина? Думаю, до них должны докопаться специалисты. Я же только констатирую: психологический фон в спальных районах не очень.

Шагаем к следующему снимку:

Мы, конечно же, привыкли, что унылость среды спального района скрашивают граффити - как самодеятельные, так и заказанные районными властями. При советской власти подобные творческие всплески были недопустимы, впрочем, заборные "вольности" - вечные спутники всяких рабочих окраин в любой части планеты Земля. Исключение разве что Северная Корея. Действует естественная реакция населения на унылость визуальной среды, причем, граффити одобряют и чиновники, большинство из которых проживают все же не на Рублевке, где граффити как-то не в чести. Отмечу самодеятельный художник, пожелавший разукрасить забор резиденции среднего столичного чинуши в районе Рублевки рискует получить крепкий "гонорар" от секьюрити. Тонкое замечание: в том же Южном Бутово есть поселок Потапово, эдакая «вторя Рублевка». Там я что-то граффити не замечал.

Снято, кстати, в районе Южное Бутово. Конечно же, собаку в кадре я ловил. Сам по себе кадр обычный. Мне важна надпись - она несет основной посыл к теме. Надо сказать, Бутово, которым даже по телевизору пугают (меня на самом деле спрашивали: правда ли, что в Южном Бутове есть целый район, в котором все женщины ходят в паранджах, а славян избивают...), не самый запущенный район. Но в наших головах и данном случае засела МАТРИЦА, вмещающая в словосочетание "спальный район" все кошмары нашего бытия. Почти что Гарлем. Хочу обратить ваше внимание на другое. В кадре появилось ЖИВОЕ - и сразу внимание - на пса. Сей момент крайне важен для визуального понимания сути спального района. Это не только столкновение урбанистического и натурального, но и среда, на фоне которой особенно здорово разглядывать ЧЕЛОВЕКА, да и вообще все живое. На фоне великолепного храма люди во всех смыслах теряются. На фоне унылых "коробок" с уродливыми фасадами они же, то есть, люди, выглядят несколько иначе.

Еще кадр с граффити:

На самом деле, граффити есть и в городских центрах, и в промзонах, и на трассах. Но почему-то особенно пронзительно этот вид уличного искусства смотрится именно в спальных районах. Здесь хочу ваше внимание обратить на фасад многоэтажки (снято в районе Ясенево). Но в чем контраст, так устрашающий дом? Отвечу: в голубе. Он, ежели судить по большому счету, ЖИВОЙ!

Следующий кадр:

Опять «любимый» район Южное Бутово. Типичное противостояние новостройки и "старостройки". Кстати, эта лачуга из тех, что со страшным скандалом выселяли несколько лет назад, а наша карманная Общественная палата на этой теме пиарилась. Древняя затертая истина: все познается в сравнении. По отношению к убогой избушке многоэтажка прекрасна. Мне думается, визуальный шок в спальном районе вызывают не СОБСТВЕННО безликие дома, а ИХ НАГРОМОЖДЕНИЕ. Несколько даже сильно запущенных хрущеб на окраине маленького городка вовсе не выглядят ужасно. Кошмар - это громадное скопление людей в мегаполисах. Вынужден повторить: за относительное материальное благополучие мы платим душевным покоем. Ну, да... за все в этом мире надо платить. Причем, цену назначаем не мы.

Однако, спальные районы - не напасть, не кара, а реалия. Для горожанина остается возможность влиться в армию дачников, ну, а не имеющий средств на дачу не лишен права поездки за город или похода в близлежащий парк. Стоит ли вообще рисовать мрачные картины унылого существованья в каменных джунглях? Мне все же представляется, в первую руку надо попытаться понять особенности существования человека в данной среде. А то ведь, ежели только "Dark cide of the Moon" высматривать, получится токмо бесконечная иллюстрация к "Матери" пролетарского сочинителя Максима Горького. Где человека загнали в казарменный ад – и выжимают из него последние соки.

Человека?.. Да! Именно ЧЕЛОВЕКА неплохо разглядеть в среде спального района. Еще ведь Максим Горький, кажется, говаривал, что якобы человек звучит гордо. Или в крайнем случае горделиво. Здесь мы снова возвращаемся к уже, вероятно, набившему оскомину вопросу: а что ты, собственно, хочешь сказать твоему вероятному зрителю - и о

спальном районе, и вообще?.. Может, тебе просто-напросто хочется продемонстрировать свое выдающееся мастерство - и на этом материале в частности.

Кстати: под Москвою, под Питером встречаются не просто спальные районы - СПАЛЬНЫЕ ГОРОДА! Вот ведь, какая штука... Отдельная ли это тема - города-спутники? Думаю, да. Как и тема СПАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ - в связи с общим упадком экономики чисто таковых множится. Ох, немало я видел в жизни городишек, половина населения которых на гастарбайтерских отхожих промыслах...

Смотрим дальше:

Район Строгино, если кому-то интересно, улица Исаковского. Зимняя пастораль, практически, Питер Брейгель. Ну, или жалкая пародия. Но почему - пародия? Здесь все по-настоящему, никакого фотошопа. Просто, милый уголок природы, еще не заполоненный железобетонными монстрами. Они где-то там, вдалеке. Кстати, весьма престижный жилой комплекс, что центре кадра, называется "Алые паруса". Не я выдумывал столь монстрообразную архитектуру. Подлинные каменные джунгли за спиной, они просто за рамками снимка.

Ясное дело, мы видим то, что хотим видеть. Применительно к фотожурналистике - мы снимаем то и так, как звучит редакционное задание. Ну, а ежели ты блогер и сам себе СМИ, тобою руководит социальный заказ. А если ты - просто художник с фотоаппаратом в руках? Само собою, ты движим творческой задачей. Хочется тебе поведать о гибели деревни - ты используешь соответствующие "сгущенные" краски. Надо тебе отобразить

красоту - склоняешься к определенным "пастельным" тонам. Захотелось в трущобах поискать прекрасное – ищи.

В фотографии свои выразительные средства: ракурс, фокус, момент, свет, фон, воздушная среда. Мы выделяем или стараемся затенить свойства объектов: цвет, форму, фактуру. При помощи манипуляций с материалом создается образ, который восхищает зрителя либо наоборот. Конечно, сейчас я произношу банальности. А делаю это потому что простые истины лежат под ногами и мы их без сожаления растаптываем, гоняясь за мнимыми целями.

Эти строки я пишу под впечатлениями от интервью, данного блистательным питерским мастером Александром Петросяном одному телеканалу. Саша - тонкий, глубокий человек. Вероятно, даже фотографический гений. Две умные, талантливые интервьюэрши беседуют с Петросяном как... с фокусником: "Александр, а как вам удается эдак снимать, каким образом вы исхитряетесь собрать в кадре столько странных людей?.." Такое у меня сложилось впечатление, что в студии обсуждаются... трюки. Раньше я знал: есть "фотографический балет" - это когда в кадре ловятся интересные фазы движения людей либо иных существ. Так сказать, создается пластический образ. Теперь что же получается: есть еще и "фотографический цирк"?

Я постарался свежо посмотреть на работы Петросяна. Причем, постарался ответить на простой вопрос (по отношению к каждой конкретной работе Александра): о чем она? В подавляющем большинстве случаев (если абстрагироваться от фактологии) ответа у меня было три: о "городе Александра Петросяна" - вне зависимости от того, Питер ли это, Москва или Львов; о внутренних душевных переживаниях Александра Петросяна; о том, какой Александр Петросян - блистательный Мастер. По большому счету, мы все именно так и творим - стараемся языком фотографии поведать Миру и о первом, и о втором, и о третьем. Однако, если у тебя найдется досуг, не поленись сам взглянуть на работы Александра и сделать для себя вывод о том, какой massage в творениях Петросяна преобладает - в особенности, в последнее время. Подчеркну кое-что важное: Петросяна как автора можно долго и до хрипоты обсуждать - даже если это спор о мере приемлемости фотошопа. Абсолютное большинство современных признанных мастеров плодят контент, который нет желания даже подвергать критике.

Ну, хорошо - о приятном и благостном, а так же о тенденциях и трендах поговорили. Перейдем к следующему сюжету:

Здесь все же не спальный район в привычном понимании данного словосочетания, а респектабельный жилой комплекс на Ходынке. Снимок из серии: "театр абсурда". Специалисты такого типа сюжеты именуют ситуационными. В кадре - перекур во время репетиции "театрализованного" парада. Замечу все же: не раскрой я контекст - зритель вообще не поймет, что, собственно, происходит. Из содержания снимка неискушенный извлечет следующую информацию: на окраине города скопились войска. То ли учения, то ли вооруженный переворот, а, скорее всего, кино снимают. Белые маскхалаты слишком уж, мягко говоря, выделяют воинов, превращая их в неплохие мишени. Вспоминается "Иван Чонкин" Войновича. Бред...

Шагаем дальше:

В сущности, города здесь нет. А есть Воронцовский парк, мальчик в пузыре посреди пруда, ну, и кусочек Обручевского района российской столицы. Как в предыдущем, так и в этом снимке дома - знак. Поскольку многоэтажки типовые, они воспринимаются как спальный район. Хотя на самом деле представлены престижные куски Москвы.

Мотив этого снимка - человек в замкнутом пространстве. Вроде бы, ребенок на природе, но ведь - эта дурацкая сфера - будто темница для мятущегося существа. Вообще говоря, пацан развлекается, причем, за деньги. Однако, фотография говорит совсем об ином. И, поскольку буквальный смысл (как в фотографии с катающимися с горы на "бубликах" жителями Строгино) неинтересен, я ищу смысл иной, все тот же massage. Причем, что характерно, каждый в данном изображении будет видеть свое.

Дело вот, в чем: образ в фотографических изображениях видят не все. Вульгарное понимание "фотки" отфильтровывает какую-либо трактовку. Закат, красивая женщина, ребенок, зверушка - это неискушенному обывателю понятно - потому что он смотрит на отраженную реальность. Красивая женщина, милое дитя, феерический закат на "фотке" - практически, это и есть "гениальное произведение". По большому счету, все так обстоит и на самом деле. Потому что все сущее - Божие создание. И тут вдруг вклинивается фотограф со своим видением.

Случается, и неискушенные зрители горячо реагируют на мастерство фокусни... то есть, фотографа. А у того, кто считает себя экспертом в творческой фотографии, своя МАТРИЦА. Чаще всего специалисты оценивают фотографии по мерилу: "штамп - не штамп". Кстати, ежели Александра Петросяна оценивать именно в этом ключе, получается, он - самый "нештамподелательный".

Итак, пора шагнуть в "чрево" спального района попытаться понять жизнь этой "планеты Пандора". Метод очуждения здесь может прийтись весьма кстати. Особенно для тех, кто в "каменных джунглях" изволит проживать. Мы, снимающие люди, сталкиваемся с непростым психологическим препятствием. Прямо или косвенно ради реализации своих фотографических проектов мы выискиваем выразительную фактуру. Деревню, горы, море, туристические достопримечательности... Всякий раз возвращаясь домой, мы отмечаем лишь удручающую обыденность той среды, в которой нам довелось обитать. Обыкновенный эффект контраста: конечно же после Катманду твое (например) Бибирево покажется реальным "уё....м". Но вот вопрос: каким предстанет это самое Бибирево в глазах непальца? Я лично не знаю - у меня мозг москвича. Но что-то подсказывает мне, что для неискушенного в жизни мегаполисов непальца Бибирево покажется подлинной "планетой Пандора" - со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вот, приезжает "руссо-туристо" (чей облик, как известно, морале), к примеру, в Китай. Утром он наблюдает в скверах организованные группы людей, увлеченно занимающиеся гимнастикой у-шу. Экзотика!

А посмотрите-ка на этот кадр:

Обычный московский спальный район Теплый Стан. Снимок непостановочный - старики и в самом деле практикуют утреннюю гимнастику. Такова жизнь спального района? Да - в том числе и такова. У вас складывается ощущение, что снято где-нибудь в Германии или на худой конец в Хорватии? Или мы видим Москву как государство в государстве и на самом деле перед нами эпизод из жизни элитного жилого комплекса либо блатного дома престарелых? Нет, это типовой квартал на Профсоюзной улице и "типовые" старики.

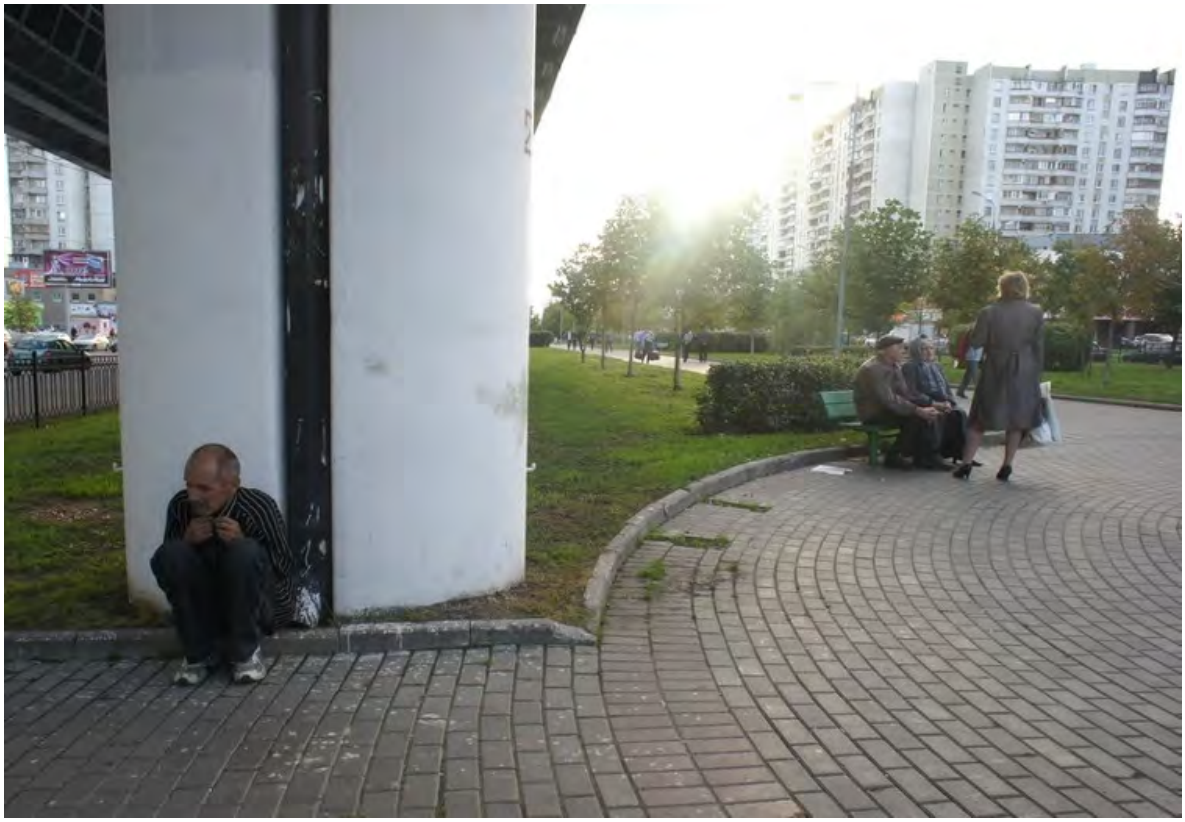
Все дело в стереотипах. В наших мозгах все та же МАТРИЦА, согласно которой ну, ничего хорошего в спальных районах найти невозможно! Почему? А вот - по кочану. Кому-то выгодно, чтобы мы все сущее делили на черное и белое. Какой бы сюжет подсмотрел бы (поставил?) Александр Петросян? У него, вероятно, появился бы на переднем плане какой-нибудь странный человек. Ну, или еще что-то абсурдно-необычное. Так сказать, он применил бы прием шокирования. Для чего? Ну, например, дабы продемонстрировать многоликость жизни.

Ну, а что хочет сказать своими снимками Гена Михеев? Отвечу: я постигаю среду спального района. Пытаюсь нащупать визуальные мотивы. Это поиск, практические наблюдения над жизнью. Перехожу, кстати, к следующему мотиву:

Не стоит, конечно, забывать, что самая неприятная сторона спального района (города) - траффик, то бишь, транспортные мучения. Кто знает - понимает... Конечно, в моем архиве немало кадров с толпами, штурмующими автобусы. Но хочется мне крупным планом показать усталые лица за стеклом. Это один из вариантов негламурного образа спального района. Заспанные лица - только штрих, но он именно что значимый.

Где найти "золотую середину" между искусством и естеством? Да и существует ли она?.. Есть один беспроигрышный метод имитации искусства в творческой фотографии: перевод реальности в ч/б, лишения изображения цветовой информации. Почему я так категорично говорю об "имитации": обесцвечивание - шаг в сторону изобразительного искусства, а творческая фотография - не изобразительное, а ВИЗУАЛЬНОЕ искусство. Впрочем, восприятие фотографических произведений в обывательской среде (точнее вне кругов тех, кто не относит себя к искушенным в творческой фотографии) основано на традициях изобразительного искусства, да к тому же на привычке оценивать не изображение, а изображенное. Если человек, увидев хорошую черно-белую фотографию, воскликнет что-то типа "Ва-а-а-ау!", а профи отчеканит: "Меня зацепило...", значит, мы имеем таки дело с искусством. А уж подлинное оно, либо суррогат, рассудит универсальное средство установления истинности - время. Еще не факт, что те творения мэтров, которые сейчас скромно именуются "шедеврами", в скором будущем не потеряют свой высокий статус. Особая тема - произведения, находящиеся в коммерческом обороте, но и на арт-рынке порою случаются удивительные метаморфозы.

Еще ряд "частичек бытия" спального района:



Пестрое разнообразие - все же не лучший способ выразиться. Дураку ясно: "Спальный район" - тема глобальная. Визуально ее решить в общем-то, нетрудно, однако, проблемы возникают, когда тема конкретизируется. Можно, например, нафокать панорам «с птичьего полета» и обозвать их "проектом". Или заснять интересные граффити, или сфотографировать людей, трясущихся набитых «по самое небалуйся» автобусах, или... да много можно напридумывать всяких "или". Главное - не стоять на месте, творить, выдумывать, пробовать (простите уж автора за плагиат). По большому счету, тема жизни спального района в визуальном плане исследована мало. Она мало кому интересна, потому что фактура многоэтажных городских окраин явно не располагает к высокому. Даже великолепный Александр Петросян что-то не шибко "пасется" в спальных районах (в творческом плане), хотя таковых в Питере в общем-то хватает.

Итак, тему можно сузить. Например, изучить жизнь молодежи с окраин. Давайте говорить правду: основная масса экстремистски настроенных молодых людей, футбольных фанатов, "хуйвейбинов власти" типа нашистов - детища спальных районов или городов. Именно на рабочих окраинах - причем, во все времена и во всех культурах - взращивается "пушечное мясо революций". А значит, спальные районы - среда, в которой выпестываются пассионарии.

Вот снимки, посвященные молодежи окраин:

АВТОМОЙКА
У НАС

Строго говоря, это журналистика. Но ведь - фотографическая журналистика! Попасть в места, где прорастает фашистская идеология... это ли не удача! И, кстати, серьезный сигнал обществу. Журналистика - не искусство? Смею тебе напомнить, читатель: львиная доля выдающихся произведений мировой творческой фотографии создана именно фотожурналистами. Да, система такова, что фотографы находят источники доходов в средствах массовой информации (включая, кстати, и рекламщиков, которые в сущности работают на СМИ). Но, видимо, такова природа творческой фотографии, что фотографические произведения бытуют преимущественно в медиа-сфере. Выставки, альбомы, арт-рынок занимают все же незначительный сегмент. С этим фактом не может не считаться даже фотограф, решивший посвятить себя чистому искусству.

Мне, честно говоря, немного стыдно, что я вынужден говорить очевидное...

Ну, что ж... добавлю еще ряд штрихов к "собирательному образу" спального района:

Жизнь убивает

По правде, я неудовлетворен. Что-то я не могу "схватить". Или неглубоко копаю?

Вообще говоря, и это я уже неоднократно утверждал ранее, мастерство в творческой фотографии проявляется там, где в сущности нечего снимать или там, где фактура не шибко выразительна. Фактура городских микрорайонов и впрямь невыразительна. Ну, скажем так, местами. И что-то я делаю не так. Перевести в ч/б и "закосить" под искусство? Тоже вариант. Локализовать тему, рассказать о судьбе одного конкретного человека? Но ведь это будет перекос в сторону журналистики. Впрочем, чего ж плакаться – надо идти и пробовать…

Люди

А напоследок хочу о самом сложном в творческой фотографии, а именно - о съемке людей. Надеюсь, Вам понятно, почему я тему портрета предлагаю под самый занавес настоящей работы. Когда заходит речь о съемке людей, чаще всего вспоминаются световые схемы, специальная оптика, специфическое оборудование. В общем, все, что касается студийной съемки. Не сомневаюсь, что в студии можно создать нечто выдающиеся (пример тому - произведения Ричарда Аведона), тем более что высококлассная аппаратура - не только набор средств, позволяющих получить "звенящее" качество, но и сумма способов поднятия выразительности фотопроизведения. Больше аппаратуры – хорошей и разной! Ну, и мозги, конечно, не помешают… А вкупе и умение работать с людьми – как в плане съемки, так и «вообще». Кстати, именно потому творческая зрелось к фотографам и приходит, что только жизненный опыт позволяет грамотно и тактично обходиться с людьми.

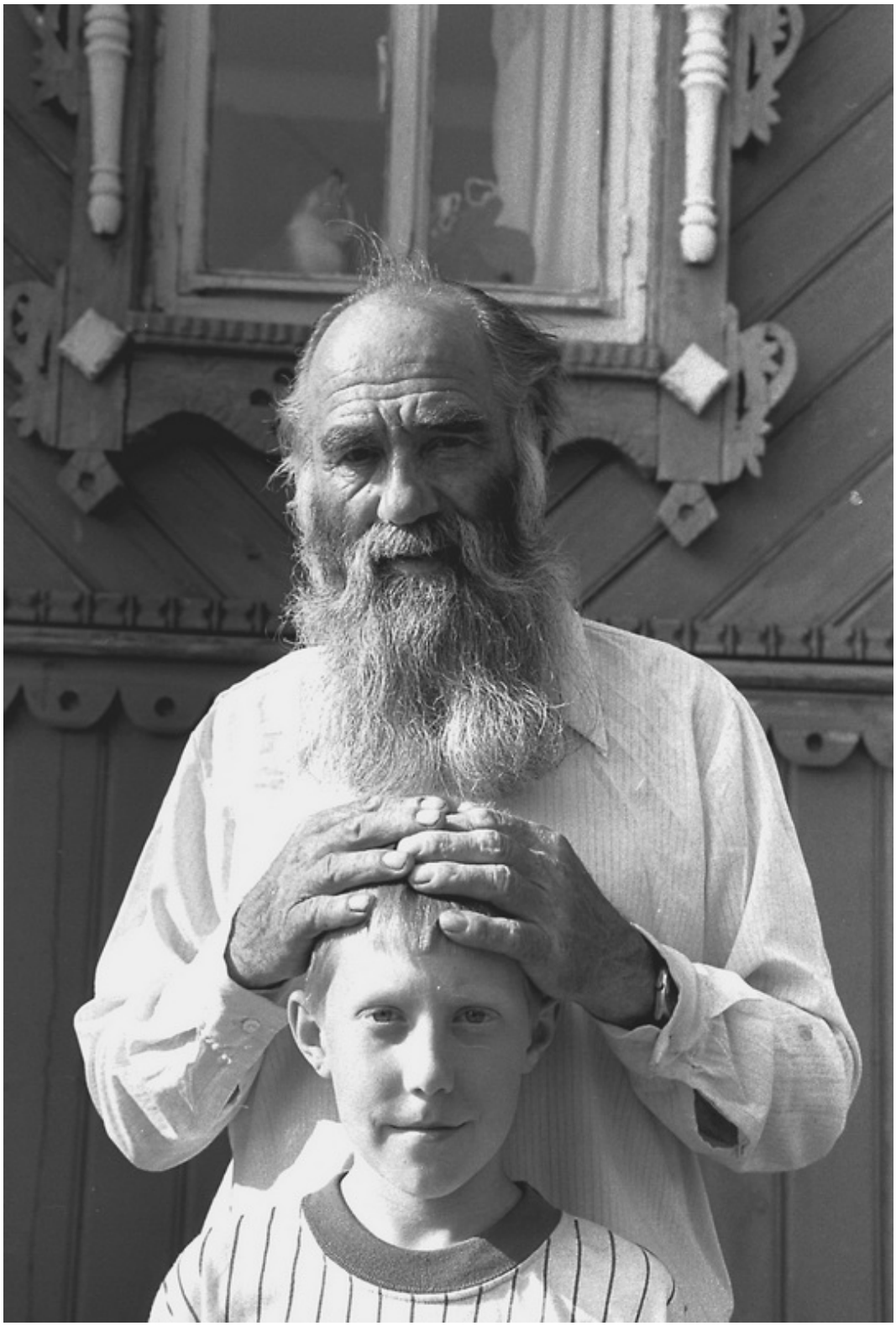
Есть у меня дома фотоальбом, в котором содержатся работы Картье-Брессона, относящиеся только к портретному жанру. Обычно я его показываю ученикам, если занятия проводятся на дому и тема близка к съемке человека. Для чего: я демонстрирую мастерство признанного автора, который не использует никаких "световых схем", зато, применяя такие средства как ракурс и "момент", раскрывает ХАРАКТЕРЫ своих героев, в большинстве случаев, кстати, знаменитостей.

Жанр "портрет" я лично не считаю фотографическим. Да простит меня читатель за непатриотизм, все же я более приемлю английское словечко "People". Почему: зачастую крайне трудно разграничить чисто портретную съемку и жанровое фото (то, что в западной традиции именуется "Live" - "жизнь"). Так же непросто отделить постановочный метод съемки от репортажного. Да и вообще, по моему мнению, в творческой (а вкупе и коммерческой) фотографии уместнее говорить об областях применения. Есть у конкретного автора определенные цели и задачи - он применяет доступные ему средства. "Съемка людей" - слишком абстрактная задача. Как в медицине лечат не болезнь, а человека, так и в творческой фотографии не "вообще снимают людей", а... нет, не снимают человека, а СОЗДАЮТ ЕГО ОБРАЗ. В этом ракурсе фотограф - полноценный Художник.

В чем тайна гениального француза? Конечно же, я немало об этом размышлял. Применительно к вышеуказанному альбому, скажу: Картье-Брессон старался снимать своих героев в их ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ. И это еще не все. Маэстро САМ ВЖИВАЛСЯ В ЭТУ СРЕДУ. Иногда Анри старался сделать так, чтобы герой фотографии (читай - модель) перестал обращать на него внимание, то есть, фотограф становился почти незаметным. Но зачастую люди (по крайней мааре, на фото, представленных в альбоме)

откровенно позируют Картье-Брессону. Характерно, что и в данном случае гениальный француз исхитрялся САМ СТАТЬ ЧАСТЬЮ среды, а потому модели реагируют не на чужого фотографа, а, собственно, на... а нет у меня точной метафоры, определяющей субъекта. Мне представляется, что смотрящие в объектив Картье-Брессона, так же смотрят, к примеру, на домашнего кота. Умение слиться со средой, плюс утонченное чувство мгновения - получается удивительный продукт. В этом, по моему мнению, и кроется ключ к загадке Картье-Бресона. Но только - ключ, и нет гарантии, что за отворенною дверью не окажется еще одна дверь.

Практическая часть темы съемки человека на самом деле почти примитивна. Для фотокамеры человек - такой же объект как тот же стакан. Человек, как это не цинично звучит (а фотограф - такой же циник, как и врач), имеет форму, цвет и фактуру. Встречаются и "молодцы, которым все к лицу", но преимущественно у людей присутствуют внешние изъяны, недостатки. В ряде случаев они помогают. Я имею в виду, к примеру, веснушки. Или стариковские морщины. Много-много лет я снимаю тему "Из жизни русских стариков". Вот несколько снимком из проекта. Сканы с черно-белой пленки:



Изображения с цифровых фотокамер (здесь не только старики, но и дети):

ул. Революционная

МАСШТАБОМ ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗМЕРЯЕТСЯ
ЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

С праздником

Да, люди редко выглядят на фотографиях красивыми. Но как в сущности мы прекрасны! Надо только всмотреться.

Собственно, на этом работу «Ловцу частичек бытия» я заканчиваю. Скажу откровенно: при ее написании, создании иллюстраций и поисках в своем архиве я подспудно проводил работу по упорядочиванию разрозненных знаний в своей голове. Позже они выльются в работе «Тайна светописи».

Закон жанра требует, чтобы в финале были сказаны какие-то слова. Что ж, попробую. Ученики часто задают вопрос: "Какую книгу вы посоветовали бы прочитать для того, чтобы повысить свой фотографический уровень?" Всякий раз произносить банальность о том, что существует только одна книга, читать которую не просто полезно, но и необходимо, не хочется. Поэтому я варьирую ответы. Все, что бы ты не прочитал (даже "Молот ведьм"!), пойдет на пользу - при условии, что ты будешь стараться постичь глубинный смысл, "внутреннее вещей" (как говаривал Тейяр де Шарден). Для снимающего человека Паскалем написаны "Мысли", Стругацкими - "Улитка на склоне", Астафьевым - "Царь-рыба"... Книг на самом деле очень много. И в каждой можно выискать зерно.

Но истина все же в том, что книга действительно одна: это Книга Природы. Собственно подлинное счастье снимающего человека в том, что он, фотографируя, постигает суть вещей. А это практически общение с Богом. Изучая физические свойства того или иного объекта, стараясь выразительно их передать вероятному зрителю наших произведений, мы именно что читаем Великую Книгу Природы. В этом наше счастье и даже благодать.

Скажу честно: я знаю хороших фотографов, которые вообще не читают никаких книг - и даже не смотрят фотоальбомы. Впрочем, немало информации - в том числе из области творческой фотографии - они черпают во Всемирной Паутине. Есть великолепные фотографы, пренебрегающие и Мировой Сетью. Но Книгу Природы они вынуждены читать. Хотя, по большому счету, они вовсе не задумываются о том, что Книга Природы реально существует. Всякий раз, приступая к съемке нового объекта, нового человека, ты приоткрываешь незнакомую для тебя страницу. Опыт, "сын ошибок трудных", подсказывает, как двигаться, чтобы не споткнуться. Однако, ты ни при каких условиях не застрахован от вероятного падения.

Собственно, это все, что я хотел сказать. За сим откланиваюсь.

Геннадий Михеев.

Если у Вас есть замечания и предложения по материалам книги, пишите автору:
89162937358@mail.ru